

Ш. Монтескье

О духе законов

Электронный ресурс

URL: [http://www.civisbook.ru/files/File/Monteskye.O dukhe.pdf](http://www.civisbook.ru/files/File/Monteskye.O%20dukhe.pdf)

Текст произведения используется
в научных, учебных и культурных целях

Шарль Луи Монтескье

О духе законов

Предисловие

Если бы среди бесконечного разнообразия предметов, о которых говорится в этой книге, и оказалось что-нибудь такое, что против моего ожидания может кого-либо обидеть, то не найдется в ней по крайней мере ничего, сказанного со злым умыслом. Мой ум не имеет от природы склонности к порицанию. Платон благодарил небо за то, что родился во времена Сократа, я же благословляю небо за то, что оно судило мне родиться при правительстве, под властью которого я живу, и повелело мне повиноваться тем, к которым внушило любовь.

Я прошу одной милости, хотя и боюсь, что мне в ней откажут: не судить по минутному чтению о двадцатилетнем труде; одобрять или осуждать всю мою книгу целиком, а не отдельные ее фразы.

Когда хотят узнать цели и намерения автора, то где же всего ближе искать их как не в целях и намерениях его произведения.

Я начал с изучения людей и нашел, что все бесконечное разнообразие их законов и нравов не вызвано единственно произволом их фантазии.

Я установил общие начала и увидел, что частные случаи как бы сами собою подчиняются им, что история каждого народа вытекает из них как следствие и всякий частный закон связан с другим законом или зависит от другого, более общего закона.

Обратившись к древности, я постарался усвоить дух ее, чтобы случаи, существенно различные, не принимать за сходные и не просмотреть различий между теми, которые кажутся сходными. Принципы свои я вывел не из своих предрассудков, а из самой природы вещей.

Немало истин окажутся здесь очевидными лишь после того, как обнаружится цепь, связующая их с другими истинами. Чем больше будут размышлять над подробностями, тем более будут убеждаться в верности общих начал. Самые эти подробности приведены мною не все, ибо кто может сказать все и не показаться при этом смертельно скучным?

Здесь не найдут тех крайностей, которые как будто составляют характерную особенность современных сочинений. При известной широте взгляда все крайности исчезают; проявляются же они обыкновенно лишь вследствие того, что ум писателя, сосредоточившись всецело на одной стороне предмета, оставляет без внимания все прочие.

Я пишу не с целью порицать установления какой бы то ни было страны. Каждый народ найдет в моей книге объяснение существующих у него порядков, и она, естественно, приведет к заключению, что предлагать в них какие-нибудь изменения этих порядков имеют право только те лица, которые получили от рождения счастливый дар проникать одним взглядом гения всю организацию государства.

Нельзя относиться безразлично к делу просвещения народа. Предубеждения, присущие органам управления, были первоначально предубеждениями народа. Во времена невежества люди не ведают сомнений, даже когда творят величайшее зло, а в эпоху просвещения они трепещут даже при совершении величайшего блага. Они чувствуют старое зло, видят средства к его исправлению, но вместе с тем видят и новое зло, проистекающее от этого исправления. Они сохраняют дурное из боязни худшего и довольствуются существующим благом, если сомневаются в возможности лучшего; они рассматривают части только для того, чтобы познать целое, и исследуют все причины, чтобы уразуметь все последствия,

Если бы я мог сделать так, чтобы люди получили новые основания полюбить свои обязанности, своего государя, свое отечество и свои законы, чтобы они почувствовали себя более счастливыми во всякой стране, при всяком правительстве и на всяком занимаемом ими посту, — я счел бы себя счастливейшим из смертных.

Если бы я мог сделать так, чтобы у тех, которые повелевают, увеличился запас сведений относительно того, что они должны предписывать, а те, которые повинуются, нашли новое удовольствие в повиновении, — я счел бы себя счастливейшим из смертных.

Я счел бы себя счастливейшим из смертных, если бы мог излечить людей от свойственных им предубеждений. Предубеждениями я называю не то, что мешает нам познавать те или иные вещи, а то, что мешает нам познать самих себя.

Стремясь просветить людей, мы всего более можем прилагать к делу ту общую добродетель, в которой заключается любовь к человечеству. Человек — это существо столь гибкое и в общественном

быту своем столь восприимчивое к мнениям и впечатлениям других людей — одинаково способен и понять свою собственную природу, когда ему показывают ее, и утратить даже всякое представление о ней, когда ее скрывают от него.

Я много раз начинал и оставлял этот труд, тысячу раз бросал я на ветер уже исписанные мною листы и каждый день чувствовал, что мои руки опускаются от бессилия. Исследуя свой предмет без всякого предварительного плана, я не знал ни правил, ни исключений и если находил истину, то для того только, чтобы тут же утратить ее; но когда я открыл мои общие начала, то все, чего я искал, предстало предо мною, и на протяжении двадцати лет я видел, как труд мой возник, рос, развивался и завершился.

Если этому труду суждено иметь успех, я буду в значительной степени обязан этим величию моего предмета. Не думаю, однако, чтобы тут не было никакой заслуги и с моей стороны. Когда я прочел все, что было написано прежде меня столь многими великими людьми во Франции, в Англии и Германии, я был поражен восхищением, но не пал духом. «И я тоже художник!», — воскликнул я вместе с Корреджио.

Для понимания первых четырех книг этого труда следует заметить, что 1) под словом республиканская добродетель я разумею любовь к отечеству, т. е. любовь к равенству. Это не христианская или нравственная, а политическая добродетель; она представляет ту главную пружину, которая приводит в движение республиканское правительство подобно тому, как честь является движущей пружинной монархии. На этом основании я и назвал любовь к отечеству и к равенству политической добродетелью: новые идеи, к которым я пришел, обязывали меня приискать для них и новые названия или употреблять старые слова в новом смысле. Лица, не понявшие этого, приписали мне много таких нелепых мнений, которые показались бы возмутительными во всех странах мира, так как во всех странах мира дорожат нравственностью. 2) Следует обратить внимание на то, что между утверждением, что известное свойство, душевное расположение или добродетель не являются главными двигателями такого-то правительства, и утверждением, что они в этом правительстве совсем отсутствуют, есть большое различие. Если я скажу, что такое-то колесо или шестерня не относятся к орудиям, приводящим в движение механизм часов, то можно ли из этого заключить, что их совсем не имеется в этих часах? Столько же оснований для заключения, что христианские и нравственные добродетели и даже сама политическая

добродетель отсутствуют в монархии. Одним словом: честь существует и в республике, хотя движущее начало республики — политическая добродетель, а политическая добродетель существует и в монархии, несмотря на то, что движущее начало монархии — честь.

Говоря в V главе третьей книги моего сочинения о добродетельном человеке, я имел в виду не человека, обладающего христианскими или нравственными добродетелями, а человека, стремящегося к политическому благу, т. е. обладающего тою политическою добродетелью, о которой была речь. Это человек, который любит законы своей страны и любовью к ним руководствуется в своей деятельности. Все это я уточнил в настоящем издании путем еще более четкого определения своих идей; в большинстве случаев, где было употреблено мною слово добродетель, я заменил его выражением политическая добродетель.

Книга первая. О законах вообще

Глава I. О законах в их отношениях к различным существам

Законы в самом широком значении этого слова суть необходимые отношения, вытекающие из природы вещей; в этом смысле все, что существует, имеет свои законы: они есть и у божества, и у мира материального, и у существ сверхчеловеческого разума, и у животных, и у человека.

Те, которые говорят, что все видимые нами в мире явления произведены слепой судьбою, утверждают великую нелепость, так как что может быть нелепее слепой судьбы, создавшей разумные существа?

Итак, есть первоначальный разум; законы же — это отношения, существующие между ним и различными существами, и взаимные отношения этих различных существ.

Бог относится к миру как создатель и охранитель; он творит по тем же законам, по которым охраняет; он действует по этим законам, потому что знает их; он знает их, потому что создал их, и он создал их, потому что они соответствуют его мудрости и могуществу.

Непрерывное существование мира, образованного движением материи и лишённого разума, приводит к заключению, что все его движения совершаются по неизменным законам, и какой бы иной мир мы себе ни вообразили вместо существующего, он все равно должен был бы или подчиняться неизменным правилам, или разрушиться.

Таким образом, дело творения, кажущееся актом произвола, предполагает ряд правил, столь же неизбежных, как рок атеистов. Было

бы нелепо думать, что творец мог бы управлять миром и помимо этих правил, так как без них не было бы и самого мира.

Эти правила — неизменно установленные отношения. Так, все движения и взаимодействия двух движущихся тел воспринимаются, возрастают, замедляются и прекращаются согласно отношениям между массами и скоростями этих тел; в каждом различии есть единообразие, и в каждом изменении — постоянство. Единичные разумные существа могут сами для себя создавать законы, но у них есть также и такие законы, которые не ими созданы. Прежде чем стать действительными, разумные существа были возможны, следовательно, возможны были отношения между ними, возможны поэтому и законы. Законам, созданным людьми, должна была предшествовать возможность справедливых отношений. Говорить, что вне того, что предписано или запрещено положительным законом, нет ничего ни справедливого, ни несправедливого, значит утверждать, что до того, как был начерчен круг, его радиусы не были равны между собою.

Итак, надо признать, что отношения справедливости предшествуют установившему их положительному закону. Так, например, если существует общество людей, то справедливо, чтобы люди подчинялись законам этого общества; если разумные существа благодетельствованы другим существом, они должны питать к нему благодарность; если разумное существо сотворено другим разумным существом, то оно должно оставаться в той же зависимости, в какой оно находилось с первого момента своего существования; если разумное существо причинило зло другому разумному существу, то оно заслуживает, чтобы ему воздали таким же злом, и т. д.

Но мир разумных существ далеко еще не управляется с таким совершенством, как мир физический, так как, хотя у него и есть законы, по своей природе неизменные, он не следует им с тем постоянством, с которым физический мир следует своим законам. Причина этого в том, что отдельные разумные существа по своей природе ограничены и потому способны заблуждаться и что, с другой стороны, им свойственно по самой их природе действовать по собственным побуждениям. Поэтому они не соблюдают неизменно своих первоначальных законов, и даже тем законам, которые они создают сами для себя, они подчиняются не всегда,

Неизвестно, находятся ли животные под управлением общих или каких-нибудь особенных законов движения. Как бы то ни было, они не связаны с богом более близкими отношениями, чем остальной

материальный мир; способность же чувствовать служит им лишь для их отношений друг к другу, к другим существам и к самим себе.

В свойственном им влечении к наслаждению каждое из них находит средство для охраны своего отдельного бытия, и это же влечение служит им для сохранения рода. Они имеют естественные законы, потому что соединены способностью чувствовать и не имеют законов положительных, потому что не соединены способностью познавать. Но они не следуют неизменно и своим естественным законам; растения, у которых мы не замечаем ни чувства, ни сознания, лучше их следуют последним.

Животные лишены тех высоких преимуществ, которыми мы обладаем, но зато у них есть такие, которых нет у нас. У них нет наших надежд, но нет и наших страхов; они, подобно нам, умирают, но не сознают этого; большая часть их даже охраняет себя лучше, чем мы себя, и не так злоупотребляет своими страстями, как мы.

Как существо физическое, человек, подобно всем другим телам, управляется неизменными законами; как существо, одаренное умом, он беспрестанно нарушает законы, установленные богом, и изменяет те, которые сам установил. Он должен руководить собою, и, однако, он существо ограниченное; как всякое смертное разумное существо, он становится жертвою неведения и заблуждения и нередко утрачивает и те слабые познания, которые ему уже удалось приобрести, а как существо чувствующее, он находится во власти тысячи страстей. Такое существо способно ежеминутно забывать своего создателя — и бог напоминает ему о себе в заветах религии; такое существо способно ежеминутно забывать самого себя — и философы направляют его законами морали; созданный для жизни в обществе, он способен забывать своих ближних — и законодатели призывают его к исполнению своих обязанностей посредством политических и гражданских законов.

Всем этим законам предшествуют законы природы, названные так потому, что они вытекают единственно из устройства нашего существа. Чтобы основательно познакомиться с ними, надо рассмотреть человека во время, предшествовавшее образованию общества. Законы, по которым он жил в том состоянии, и будут законами природы.

Тот закон, который, запечатлев в нас идею творца, влечет нас к нему, в ряду естественных законов занимает первое место по своей важности, но не по порядку законов во времени. Человек в природном состоянии обладает не столько познаниями, сколько способностью

познания. Ясно, что первые идеи его не будут носить умозрительного характера: прежде чем размышлять о начале своего бытия, он думает о его охране. Такой человек вначале чувствует лишь свою слабость. Он будет крайне боязлив; если бы для подтверждения этого потребовались примеры, то они уже найдены в лесах, обитаемых дикарями: все заставляет их трепетать, все обращает в бегство. В таком состоянии каждый чувствует себя низшим по отношению к другим людям и лишь с трудом доходит до чувства равенства с ними. Стремление нападать друг на друга чуждо таким людям; следовательно, мир является первым естественным законом человека.

Гоббс неправ, когда приписывает первобытным людям желание властвовать друг над другом. Идея власти и господства настолько сложна и зависит от такого множества других идей, что она не может быть первой во времени идеей человека.

Если война не есть естественное состояние людей, то почему же, спрашивает Гоббс, люди всегда ходят вооруженными и запирают на ключ свои жилища? Однако не следует приписывать людям, жившим до образования общества, такие стремления, которые могут возникнуть у них только после образования общества, вместе с которым у них появляются поводы для нападения и защиты. С чувством своей слабости человек соединяет ощущение своих нужд. Поэтому второй естественный закон человека — стремление добывать себе пищу. Я сказал, что страх побуждает людей бежать друг от друга; но как только они увидят, что страх их является взаимным, у них появится желание подойти друг к другу. Кроме того, их влечет к сближению и чувство удовольствия, испытываемое каждым животным при встрече с животным той же породы, причем то очарование, которое связано с различием двух полов, еще более увеличит это удовольствие. Таким образом, просьба, обращенная одним человеком к другому, составляет третий естественный закон человека.

Первоначально человек обладает способностью чувствовать; в дальнейшем он доходит до приобретения познаний. Таким образом, людей связывает вторая нить, которой нет у животных; отсюда возникает новый повод к сближению. Желание жить в обществе — четвертый естественный закон человека.

Как только люди соединяются в обществе, они утрачивают сознание своей слабости, существовавшее между ними равенство исчезает и начинается война, Каждое отдельное общество начинает сознавать свою

силу — отсюда состояние войны между народами. Отдельные лица в каждом обществе начинают ощущать свою силу и пытаются обратить в свою пользу главные выгоды этого общества — отсюда война между отдельными лицами,

Появление этих двух видов войны побуждает установить законы между людьми. Как жители планеты, размеры которой делают необходимым существование на ней многих различных народов, люди имеют законы, определяющие отношения между этими народами: это международное право. Как существа, живущие в обществе, существование которого нуждается в охране, они имеют законы, определяющие отношения между правителями и управляемыми: это право политическое. Есть у них еще законы, коими определяются отношения всех граждан между собою: это право гражданское.

Международное право, естественно, основывается на том принципе, согласно которому различные народы должны во время мира делать друг другу как можно более добра, а во время войны причинять насколько возможно менее зла, не нарушая при этом своих истинных интересов.

Цель войны — победа; цель победы — завоевание; цель завоевания — сохранение. Из этого и предшествующего принципов должны проистекать все законы, образующие международное право.

Международное право имеется у всех народов, оно есть даже у ирокезов, поедающих своих пленников: они отправляют и принимают послов, у них существуют определенные правила ведения войны и поведения в период мира; плохо только, что это международное право основано не на истинных принципах.

Кроме международного права, относящегося ко всем обществам, есть еще политическое право для каждого из них в отдельности. Общество не может существовать без правительства. «Соединение всех отдельных сил, — как прекрасно говорит Гравина, — образует то, что называется политическим состоянием (государством)».

Эта соединенная сила может быть отдана в руки или одному лицу или нескольким лицам. Основываясь на том, что отеческая власть установлена самой природой, некоторые полагают, что правление одного — самое естественное из всех. Но пример отеческой власти ничего не доказывает, ибо если власть отца и представляет некоторое соответствие с правлением одного, то власть братьев по смерти отца или по смерти братьев власть двоюродных братьев соответствует правлению нескольких

лиц. Политическая власть необходимо предполагает союз нескольких семейств.

Вернее будет сказать, что правительство наиболее сообразно с природой в том случае, если его особенные свойства больше всего соответствуют характеру народа, для которого оно установлено.

Силы отдельных людей не могут объединиться, пока не пришли к единству их воли; это последнее единство и есть то, что, опять-таки по прекрасному выражению Гравина, называется гражданским состоянием.

Закон, говоря вообще, есть человеческий разум, поскольку он управляет всеми народами земли; а политические и гражданские законы каждого народа должны быть не более как частными случаями приложения этого разума.

Эти законы должны находиться в таком тесном соответствии со свойствами народа, для которого они установлены, что только в чрезвычайно редких случаях законы одного народа могут оказаться пригодными и для другого народа.

Необходимо, чтобы законы соответствовали природе и принципам установленного или устанавливаемого правительства, имеют ли они целью устройство его, — что составляет задачу политических законов, — или только поддержание его существования, — что составляет задачу гражданских законов.

Они должны соответствовать физическим свойствам страны, ее климату — холодному, жаркому или умеренному, — качествам почвы, ее положению, размерам, образу жизни ее народов — земледельцев, охотников или пастухов, — степени свободы, допускаемой устройством государства, религии населения, его склонностям, богатству, численности, торговле, нравам и обычаям; наконец, они связаны между собой и обусловлены обстоятельствами своего возникновения, целями законодателя, порядком вещей, на котором они утверждаются. Их нужно рассмотреть со всех этих точек зрения.

Это именно я и предполагаю сделать в настоящей книге. В ней будут исследованы все эти отношения; совокупность их образует то, что называется Духом законов.

В этом исследовании я не отделяю политических законов от гражданских, так как, занимаясь исследованием не законов, а Духа

законов, который заключается в различных отношениях законов к различным предметам, я должен был сообразоваться не столько с естественным порядком законов, сколько с естественным порядком этих отношений и предметов.

Я начну с рассмотрения тех отношений, в которых законы состоят к природе и принципу каждого правительства, уделяя особое внимание изучению этого принципа, ввиду того что он оказывает решающее влияние на законы. И если мне удастся установить этот принцип, я покажу, что законы вытекают из него, как из своего источника. Затем я перейду к рассмотрению других, по-видимому, более частных отношений.

Книга вторая. О законах, вытекающих непосредственно из природы правительства

Глава I. О природе трех различных образов правления

Есть три образа правления: республиканский, монархический и деспотический. Чтобы обнаружить их природу, достаточно и тех представлений, которые имеют о них даже наименее осведомленные люди. Я предполагаю три определения или, вернее, три факта: «республиканское правление — это то, при котором верховная власть находится в руках или всего народа или части его; монархическое, — при котором управляет один человек, но посредством установленных неизменных законов; между тем как в деспотическом все вне всяких законов и правил движется волей и произволом одного лица».

Вот что я называю природой правления. Предстоит рассмотреть, каковы законы, непосредственно вытекающие из этой природы и, стало быть, имеющие значение основных краеугольных законов.

Глава II. О республиканском правлении и законах, относящихся к демократии

Если в республике верховная власть принадлежит всему народу, то это демократия. Если верховная власть находится в руках части народа, то такое правление называется аристократией.

В демократии народ в некоторых отношениях является государем, а в некоторых отношениях — подданным.

Государем он является только в силу голосований, коими он изъявляет свою волю. Воля государя есть сам государь. Поэтому законы, определяющие право голосования, являются основными для этого вида правления. В самом деле, для республики столь же важно определить, как, кем, пред кем и о чем будут производиться голосования, как для монархии — знать, кто государь и как он должен управлять.

Либаний говорит, что в Афинах иностранец, вмешавшийся в народное собрание, подлежал смертной казни; он был виновен в узурпации прав верховной власти.

Существенно важно определить число граждан, из коих состоит народное собрание, ибо без этого во многих случаях было бы неизвестно, высказался ли весь народ в целом или только часть его. В Лакедемоне требовалось 10 тысяч граждан. В Риме, рожденном в ничтожестве и возвысившемся до величия, в Риме, которому было суждено изведать все превратности фортуны, в Риме, который то видел всех своих граждан вне своих стен, то заключал в своих стенах всю Италию и часть земного шара, это число не было определено, и в этом заключалась одна из важных причин его падения 30.

Народ, обладающий верховной властью, должен делать сам все, что он в состоянии хорошо выполнить, а то, чего он не может выполнить, он должен делать через посредство своих уполномоченных.

Но эти уполномоченные не будут таковыми, если они не назначены самим народом; поэтому основной принцип этого вида правления состоит в том, что народ сам избирает своих уполномоченных, т. е. должностных лиц государства. Подобно монархам и даже в еще большей степени народ нуждается в руководстве со стороны совета или сената. Но чтобы иметь к ним доверие, он должен сам избирать членов этих учреждений или непосредственно, как в Афинах, или чрез посредство особого учреждения, созданного народом для того, чтобы их выбирать, как это делалось в некоторых случаях в Риме. Народ в высшей степени удачно избирает тех, кому он должен поручить часть своей власти. Тут ему нужно руководиться лишь обстоятельствами, которых он не может не знать, и самыми очевидными фактами. Он знает, например, что такой-то человек часто бывал на войне и воевал успешно — и вот он уже способен избрать полководца. Он знает, что такой-то судья усердно исполняет свои обязанности, никогда не был уличен в подкупности и что люди вообще довольны им, — и он уже достаточно осведомлен для избрания претора. Он поражен роскошью и щедростью какого-нибудь гражданина, и это

все, что ему нужно знать для выбора эдила. Все это факты, о которых он узнает на своих площадях гораздо лучше, чем монархи в своих дворцах. Но сумеет ли он сам выполнить какое-нибудь дело, изучить места, возможности, благоприятные моменты, воспользоваться этими знаниями? Нет, этого он не сумеет сделать.

Если бы кто-либо усомнился в естественной способности народа распознавать достоинства избираемых им лиц, то пусть он бросит взгляд на непрерывный ряд поразительно удачных выборов, которые были произведены афинянами и римлянами и которые, конечно, невозможно объяснить случайностью. Известно, что, хотя в Риме народ и завоевал себе право поручать отправление государственных должностей плебеям, он так и не мог решиться выбирать их, и, хотя в Афинах по закону Аристида дозволялось избирать на эти должности лиц из всех классов, простой народ, по словам Ксенофонта³¹, никогда не претендовал на те должности, от которых зависело его благополучие и его слава.

Подобно тому, как большинство граждан вполне способно быть избирателями, но не имеет всех нужных качеств для того, чтобы быть избираемыми, народ способен контролировать деятельность других лиц, но не способен вести дела сам.

Необходимо, чтобы дела шли, и шли не слишком скорым и не слишком замедленным шагом; но народ всегда или не в меру деятелен или совсем безучастен. Иногда он все ниспровергает своими сотнями тысяч рук, но бывает и так, что на своих сотнях тысяч ног он ползет, как насекомое. В демократическом государстве народ разделен на определенные классы. В различных способах производить это разделение особенно наглядно проявился гений великих законодателей. Именно от правильности этого разделения и зависели всегда прочность и процветание демократии. Сервий Туллий создавал свои классы, руководствуясь аристократическим принципом. Тит Ливий и Дионисий Галикарнасский рассказывают нам, как он сосредоточил право голосования в руках первых граждан государства. Он разделил римский народ на сто девяносто три центурии, образовавшие шесть классов. Поместив богатых в относительно меньшем количестве в первые центурии, а менее богатых в количестве сравнительно большем в следующие, он отбросил всю массу бедняков в одну последнюю центурию. И так как центурии имели только по одному голосу каждая, то выходило, что право голоса принадлежало не столько лицам, сколько влиянию и богатству.

Солон разделил афинский народ на четыре класса. Руководствуясь демократическим духом, он образовал эти классы для того, чтобы обозначить не тех, которые должны избирать, а тех, которые могут быть избраны; предоставив каждому гражданину право избирать, он разрешил избирать судей из граждан всех четырех классов, между тем как на более высокие государственные должности могли быть избраны лица только первых трех классов, в которые входили зажиточные граждане. Итак, деление на классы населения, имеющего право голоса, составляет основной закон республики. Другим основным ее законом является способ подачи голосов.

Назначение по жребию свойственно демократии; назначение по выборам — аристократии.

Жребий представляет самый безобидный способ избрания: он предоставляет каждому гражданину возможность послужить отечеству. Но так как в этом именно состоит недостаток этого способа, то великие законодатели затратили большие усилия для того, чтобы его исправить и упорядочить.

В Афинах Солон постановил, чтобы назначения на все военные должности производились по выбору, а сенаторы и судьи назначались по жребию. Далее, он постановил, чтобы те гражданские должности, которые были связаны с большими расходами, замещались по выбору, а прочие — по жребию. Но для исправления недостатков, связанных с назначением по жребию, он определил, что избирать следует только из числа тех граждан, которые сами выставят свои кандидатуры, что достоинство избранного таким образом лица подлежит рассмотрению судей и что каждый гражданин может выдвинуть против него обвинение в том, что он недостоин избрания. Таким образом, получалось нечто среднее между избранием и жребием. Наконец, по истечении установленного срока снова производилось обсуждение деятельности данного должностного лица. Все это должно было в значительной степени удерживать неспособных людей от согласия баллотироваться по жребию.

Закон, определяющий самую форму подачи избирательных бюллетеней, также принадлежит к числу основных законов демократии. Здесь особую важность имеет вопрос, будет ли голосование открытым или тайным. Цицерон пишет, что законы, установившие в последние времена римской республики тайное голосование, были одною из главных причин ее падения. Ввиду того что этот вопрос решается в различных республиках неодинаково, вот что, полагаю я, следует сказать о нем.

Когда голоса подает народ, то голосование, несомненно, должно быть открытым, и в этом следует видеть один из основных законов демократии. Нужно, чтобы руководители вразумляли простой народ и чтобы известные лица сдерживали его своим авторитетом. Поэтому, когда в римской республике было введено тайное голосование, все в ней стало разрушаться; не было уже более возможности вразумить погибающий народ. Когда же голоса подаются в аристократии знатью или в демократии сенатом и когда поэтому все дело сводится лишь к предупреждению происков честолюбия, то в этих случаях находит применение самая строгая тайна голосования.

Происки честолюбия опасны в сенате и в знати, но они не опасны в народе, которому свойственно действовать по влечению страсти. В государствах, где народ не имеет никакого участия в управлении, он будет увлекаться каким-нибудь актером, так же как в других случаях увлекался бы государственными делами. Полное отсутствие честолюбивых стремлений — большое несчастье для республики. Оно постигает ее, когда народ развращен подкупами; он становится тогда равнодушным, пристращается к деньгам, но уже больше не интересуется государственными делами, не думает ни о правительстве, ни о его намерениях и пребывает в тупом спокойствии. К основным законам демократии принадлежит и тот, в силу которого власть издавать законы должна принадлежать только народу. Однако есть тысячи случаев, когда бывают необходимы постановления сената; часто полезно даже испробовать закон, прежде чем установить его окончательно. Конституции Рима и Афин отличались в этом отношении большой мудростью. Определения сената имели там силу закона в продолжение года и обращались в постоянный закон только по воле народа.

Глава III. О законах, относящихся к природе аристократии

В аристократии верховная власть находится в руках группы лиц. Эти лица издают законы и заставляют исполнять их; остальной народ является по отношению к ним тем же, чем в монархии подданные по отношению к государю. Выбор по жребию не должен иметь места; он проявил бы здесь только свои дурные стороны. В самом деле, в правлении, которое уже установило самые прискорбные различия между людьми, должностное лицо не станет менее ненавистным оттого, что оно выбрано по жребию: тут завидуют не служебной должности человека, а его знатности.

Если число знатных очень велико, то является необходимостью в сенате для решения дел, которые знать не в состоянии решать сама, и для подготовки тех дел, которые подлежат ее решению. В этом случае можно сказать, что сенат представляет собою аристократию, знать — демократию, а народ — ничто.

В аристократическом государстве отрадны случаи, когда народ каким-нибудь косвенным способом оказывается выведенным из такого состояния небытия. Так, вследствие того что генуэзский банк св. Георгия управляется в основном почетными лицами из народа, народ получает возможность оказывать некоторое влияние на правительство, от чего зависит все его благосостояние. Сенаторы не должны иметь права замещать по собственному выбору вакантные места в сенате: это повело бы к большим злоупотреблениям. В Риме, который первоначально был аристократическим государством, сенат не имел права избирать своих членов, новые сенаторы назначались 34 цензорами.

Чрезмерная власть, внезапно предоставленная в республике гражданину, образует монархию и даже больше чем монархию. В монархии законы охраняют государственное устройство или приспособляются к нему, так что тут принцип правления сдерживает государя; в республике же гражданин, завладевший чрезвычайной властью, имеет гораздо больше возможностей злоупотреблять ею, так как тут он не встречает никакого противодействия со стороны законов, не предусмотревших этого обстоятельства. Исключение из этого правила допустимо лишь в том случае, когда самое устройство государства таково, что оно нуждается в должности, сопряженной с чрезвычайной властью. Таков был Рим со своими диктаторами; такова Венеция со своими государственными инквизиторами: это страшные власти, насильственно возвращающие государство к утраченной свободе. Но чем объясняется столь существенное различие между обоими учреждениями в этих двух республиках? Тем, что в Риме диктатура защищала остатки его аристократии против народа, тогда как Венеция пользуется своими государственными инквизиторами, чтобы поддерживать свою аристократию против знати. Отсюда проистекают все различия: в Риме диктатура была кратковременной, потому что народом двигают не обдуманые намерения, а вспышки страсти; она должна была действовать гласно и торжественно, потому что имела в виду утратить, народ, а не карать его; диктатор назначался только для одного определенного дела и только в границах этого дела пользовался своей неограниченной властью,

потому что назначение диктатора всегда вызывалось каким-нибудь непредвиденным случаем. Наоборот, в Венеции инквизиция должна быть учреждением постоянным: здесь намерения зарождаются, развиваются, откладываются на время и снова возрождаются, здесь честолюбивые стремления одного лица овладевают всем семейством, а от одного семейства передаются многим. Здесь необходимо тайное судилище, потому что преступления, которые оно карает, имеют глубокие корни и зарождаются в тишине и тайне. Власть этого судилища должна распространяться на все дела, потому что цель его — не только пресекать уже известное зло, но и предупреждать то зло, которое еще никому неизвестно. Наконец, инквизиция установлена, чтобы мстить даже за те преступления, о существовании которых она только подозревает, между тем как римская диктатура действовала более угрозами, чем карами, даже против тех преступлений, в которых виновные уже сознались.

Во всех установлениях подобного рода обширность власти должна иметь свой противовес в кратковременности ее существования. Большинство законодателей назначает ей срок в один год. Большая продолжительность была бы опасна, а меньшая — не соответствовала бы существу дела. Кто согласился бы управлять на таких условиях даже домашними делами? В Рагузе глава республики сменяется каждый месяц, прочие должностные лица — каждую неделю, а комендант крепости — каждый день. Но это может иметь место лишь в небольшой республике, окруженной могущественными державами, « которые легко могли бы подкупать мелких должностных лиц.

Лучшая аристократия та, где часть народа, не принимающая никакого участия во власти, настолько бедна и малочисленна, что господствующая часть народа не может извлечь никакой выгоды из того, чтобы угнетать ее. Так, Антипатр своим постановлением, лишившим в Афинах права голоса всех, у кого не было двух тысяч драхм, образовал лучшую из возможных аристократий, потому что этот ценз был так мал, что исключал лишь очень немногих и не затронул никого из граждан, пользовавшихся некоторым почетом в городе. И так, аристократические роды должны, насколько это возможно, сближаться с народом. Аристократия будет тем лучше, чем она более приближается к демократии и тем хуже, чем она более приближается к монархии. Худшая из аристократий та, где часть народа, которая повинует, находится в

гражданском рабстве у той, которая повелевает, какова, например, аристократия Польши, где крестьяне — рабы дворянства.

Глава IV. О законах в их отношении к природе монархического правления

Власти посредствующие, подчиненные и зависимые образуют природу монархического правления, т. е. такого, где правит одно лицо посредством основных законов. Я сказал: посредствующие, подчиненные и зависимые потому, что в монархии источником всякой политической и гражданской власти является сам государь. Эти основные законы необходимо предполагают существование посредствующих каналов, по которым движется власть, так как если в государстве нет ничего, кроме изменчивой и капризной воли одного, то в нем ничего не может быть устойчивого, а следовательно, не может быть и никакого основного закона.

Самая естественная из этих посредствующих и подчиненных властей есть власть дворянства. Она некоторым образом содержится в самой сущности монархии, основное правило которой: „Нет монарха, нет и дворянства, нет дворянства, нет и монарха“. В монархии, где нет дворянства, монарх становится деспотом.

Есть люди, которые в некоторых государствах Европы задумали полностью отменить юрисдикцию сеньоров. Они не видели, что добивались того, что было сделано английским парламентом. Уничтожьте в монархии прерогативы сеньоров, духовенства, дворянства и городов, и вы скоро получите в результате государство либо народное, либо деспотическое.

Трибуналы одной великой европейской державы на протяжении нескольких веков наносят удары исключительной юрисдикции господ и духовенства. Мы не хотим критиковать столь мудрых судей, но предлагаем подумать о том, до какой степени может измениться от этого государственное устройство. Я не питаю чрезмерного пристрастия к привилегиям духовенства, но мне хотелось бы, чтобы его юрисдикция была раз навсегда точно определена. Вопрос не в том, следовало ли ее устанавливать, а в том, установлена ли она, составляет ли она часть законов страны, связанную со всеми прочими ее учреждениями, не

должно ли существовать соответствие в положении двух властей, признаваемых независимыми, и не все ли равно для доброго подданного — защищать ли юстицию государя или те пределы, на которые она всегда претендовала.

Насколько власть духовенства опасна в республике, настолько она уместна в монархиях и в особенности в тех из них, которые склоняются к деспотизму. Что случилось бы с Испанией и Португалией после утраты их законов без этой власти, которая одна только сдерживает могущество произвола? За неимением других преград хороша и эта, так как в виду ужасных зол, которые деспотизм причиняет природе человека, даже зло, которое ограничивает его, есть уже благо.

Подобно тому как море, готовое, кажется, затопить всю землю, останавливается, встретив на своем пути травы и крошечные камешки, рассыпанные по его берегам, так и монархи с их, невидимому, безграничной властью останавливаются перед малейшими препятствиями, смиряя свойственную им гордость перед обращенной к ним жалобой и мольбой. Чтобы создать благоприятные условия для свободы, англичане уничтожили все посредствующие власти, входившие в состав их монархии. И они совершенно правы, сохраняя эту свободу; утратив ее, они стали бы самым рабским народом на земле.

Г. Ло, не понимавший ни республиканского, ни монархического государственного устройства, был одним из величайших поборников деспотизма, каких когда-либо видела Европа. Кроме произведенных им изменений, столь резких, столь необычных и неслыханных, он хотел устранить все посредствующие классы и уничтожить политические сословия; своими химерическими выкупами он подрывал монархию и чуть ли не замышлял выкупить и самую конституцию.

Недостаточно, чтобы в монархии были посредствующие власти; она еще нуждается в учреждении, охраняющем законы-» Таким учреждением могут быть лишь политические коллегии, которые обнародуют вновь изданные законы и напоминают о существующих, когда о них забывают. Свойственное знати невежество, ее невнимательность и презрение к гражданской власти вызывают необходимость в учреждении, которое постоянно извлекало бы законы из тьмы забвения, в которой они были

бы погребены. Состоящий при государе совет не годится для этой цели. По самой природе своей он есть исполнитель и блюститель тех распоряжений монарха, которые имеют временный характер, а не охранитель основных законов. Сверх того, совет государя постоянно меняется, он не действует непрерывно, не может быть многочисленным, наконец, он не пользуется в достаточно высокой степени доверием народа и потому не в состоянии ни вразумить его в затруднительных обстоятельствах, ни привести его к повиновению.

В деспотических государствах, где нет основных законов, нет также и охраняющих их учреждений. Этим объясняется та особенная сила, которую в этих странах обычно приобретает религия: она заменяет непрерывно действующее охранительное учреждение; иногда же место религии занимают обычаи, которые там почитаются вместо законов.

Глава V. О законах, относящихся к природе деспотического государства

Из природы деспотической власти следует, что одно лицо, обладающее ею, поручает осуществлять ее также одному только лицу. Человек, которому все его пять чувств постоянно говорят, что он — все, а прочие люди — ничто, естественным образом, ленив, невежествен, сластолюбив. Поэтому он сам не занимается делами. Но если он поручит их нескольким лицам, то между ними пойдут распри, начнутся интриги из-за чести быть первым между рабами, и государю снова придется вмешиваться в дела правления. Поэтому гораздо проще предоставить все дела визирю, наделив его всей полнотой власти. Учреждение должности визиря есть поэтому основной закон такого государства. Говорят, что некий папа, проникнутый во время избрания сознанием своей неспособности, очень долго отказывался от сана. Наконец, он согласился и поручил вести все дела своему племяннику. Он был в восторге и говорил: «Я и не думал, что это так просто». То же и с государями Востока. Когда из затвора, где евнухи расслабляли их ум и сердце, часто оставляя их даже в полном неведении об их сане, их извлекают для того, чтобы возвести на трон, они сначала бывают озадачены; но после того как они назначили визиря, удовлетворили свои необузданные страсти в серале да увидели, как легко выполняются все самые бессмысленные их капризы раболепным двором, они тоже находят, что «это так просто».

Чем обширнее государство, тем обширнее сераль и тем, следовательно, более государь упивается наслаждениями; так что, чем большим количеством народов приходится в этих государствах управлять государю, тем меньше он озабочен делами правления; чем значительнее дела, тем меньше о них рассуждают.

Книга третья. О принципах трех видов правления

Глава I. О различии между природой правления и его принципом

После рассмотрения законов, вытекающих из природы каждого образа правления, надо рассмотреть те, которые вытекают из их принципа.

Различие между природой правления и его принципом в том, что природа его есть то, что делает его таким, каково оно есть; а принцип — это то, что заставляет его действовать. Первая есть его особенный строй, а второй — человеческие страсти, которые двигают им.

Но законы должны в такой же степени соответствовать принципу каждого правительства, как и его природе. Итак, надо найти этот принцип. Это и будет предметом настоящей книги.

Глава II. О принципе различных видов правления

Я сказал, что природа республиканского правления заключается в том, что там верховная власть принадлежит всему народу или определенному количеству семейств; природа монархического — в том, что там эту власть обладает государь, (управляющий, однако, в соответствии с установленными законами; природа деспотического образа правления — в том, что там управляет одно лицо по своей воле и прихотям. Вот все, что мне нужно для выяснения принципов этих трех видов правления; они естественно вытекают из этих определений. Я начну с республиканского образа правления и прежде всего с его демократической формы.

Глава III. О принципе демократии

Для того чтобы охранять и поддерживать монархическое или деспотическое правительство, не требуется большой честности. Все

определяет и сдерживает сила законов в монархии и вечно подъятая длань государя в деспотическом государстве. Но народное государство нуждается в добавочном двигателе; этот двигатель — добродетель.

Сказанное мною подтверждается всей совокупностью исторических данных и вполне сообразно с природой вещей.

Ясно, ведь, что монархия, при которой лицо, заставляющее исполнять законы, считает себя выше законов, не имеет такой надобности в добродетели, как народное правление, при котором лицо, заставляющее исполнять законы, чувствует, что само подчинено им и само несет ответственность за их исполнение.

Ясно также, что государь, который вследствие небрежности или дурных советов перестал бы блюсти за исполнением законов, может легко исправить порожденное этим зло: для этого ему стоит только взять других советников или самому исправиться от своей небрежности. Но если законы перестают соблюдаться в народном государстве, то оно уже погибло, так как причина этого зла может быть только в испорченности самой республики.

Поучительное зрелище представили нам в прошлом столетии бессильные попытки англичан водворить у себя демократию. Так как лица, принимавшие здесь участие в делах правления, далеко не отличались добродетелью, а честолюбие их разжигалось успехами лица, отличавшегося наибольшим дерзновением, и так как стремления одной партии могли быть обузданы только стремлениями другой, то правительства постоянно менялись и народ, всюду искавший демократию, к удивлению своему, не находил ее нигде. Наконец, после многих движений, толчков и потрясений пришлось остановиться на том самом образе правления, который до этого был отвергнут.

Когда Сулла захотел вернуть Риму свободу, Рим уже не мог принять ее. Он сохранил лишь слабый след прежней добродетели, и так как в дальнейшем добродетель продолжала угасать, Рим вместо того, чтобы пробудиться после Цезаря, Тиберия, Кая, Клавдия. Нерона, Домициана, все более погрязал в рабстве; все удары падали на тиранов, и ни один — на тиранию.

Политические деятели Греции, жившие во времена народного правления, не признавали для него никакой другой опоры, кроме добродетели. Нынешние же только и говорят, что о мануфактурах, торговле, финансах, богатстве и даже о роскоши.

Когда эта добродетель исчезает, честолюбие овладевает всеми сердцами, которые могут вместить его, и все заражаются корыстолюбием. Предметы желаний изменяются: что прежде любили, того уже не любят; прежде была свобода по законам, теперь хотят свободы противозаконной; каждый гражданин ведет себя, как раб, убежавший от своего господина; что было правилом, то стало казаться строгостью; что было порядком, то стало стеснением, осмотрительность называют трусостью, корыстолюбие видят в умеренности, а не в жажде стяжаний. Прежде имущества частных лиц составляли общественную казну, теперь общественная казна стала достоянием частных лиц. Республика становится добычей, а ее сила — это власть немногих и произвол всех. В период своего позорного рабства Афины обладали теми же силами, что и во времена своего славного господства. Там было двадцать тысяч граждан, когда они защищали греков от персов, боролись за господство с Лакедемоном и шли походом на Сицилию, там было двадцать тысяч граждан и тогда, когда Деметрий Фалернский пересчитал их поголовно, как на рынке считают рабов.

Когда Филипп осмелился господствовать в Греции, когда он показался у ворот Афин, то там ничего еще не было потеряно, кроме времени. Можно видеть из речей Демосфена, каких трудов стоило пробудить афинян: они боялись Филиппа не как врага народной свободы, но как врага удовольствий. Этот город, уцелевший от стольких поражений и столько раз возрождавшийся после разрушений, был побежден при Херонее и побежден навсегда. Что из того, что Филипп возвращает ему всех пленных? Он не возвращает прежних людей. Восторжествовать над силами Афин было всегда столь же легко, как трудно было восторжествовать над их добродетелью.

Каким образом мог бы удержаться Карфаген? Когда Ганнибал, став претором, захотел помешать чиновникам грабить республику, не обратились ли они с жалобами на него к римлянам? Эти несчастные хотели быть гражданами без государства и поручить охранять свое

богатство своим разорителям! Вскоре Рим потребовал у них в заложники триста их знатнейших граждан, заставил их выдать оружие и корабли и затем объявил им войну. По тем подвигам, которые совершило в безоружном Карфагене отчаяние, можно судить о том, что могла бы совершить добродетель, когда он еще обладал всеми своими силами.

Глава IV. О принципе аристократии

Добродетель, составляющая условие народного образа правления, нужна также и для аристократического. Правда, в последнем она не столь настоятельно необходима.

Народ, который по отношению к знати является тем же, чем подданные по отношению к своему государю, сдерживается ее законами. Поэтому добродетель менее необходима для него, чем для народа демократического государства. Но что же будет сдерживать самую знать? Те ее представители, которым придется применять законы против равных себе, сразу же почувствуют, что они действуют против самих себя. Итак, добродетель необходима для аристократии по самой природе этого государственного устройства.

Аристократическое правительство по самой своей природе обладает некоторой силой, которой нет у демократии. Знать является в нем таким сословием, которое в силу своих прерогатив и ради своих собственных интересов сдерживает народ; так что в этом отношении, поскольку законы существуют, они исполняются.

Но насколько легко этому сословию обуздывать другие, настолько трудно ему обуздывать самого себя. Природа этого государственного строя такова, что он как будто в одно и то же время и ставит людей под власть закона и освобождает их от нее.

Такое сословие может обуздывать себя двумя способами: или при посредстве великой добродетели, которая в некоторых отношениях как бы уравнивает знать с народом, что может послужить основой великой республики; или посредством меньшей добродетели, которая заключается в некоторой умеренности, и по крайней мере уравнивает знать в ее среде, что и составляет охраняющую силу.

Умеренность есть поэтому душа этих правлений. Разумеется, умеренность, которая основана на добродетели, а не та, источник которой в трусости и духовной лени.

Глава V. О том, что добродетель не есть принцип монархического образа правления

В монархиях политика совершает великие дела при минимальном участии добродетелей, подобно тому как самые лучшие машины совершают свою работу при помощи минимума колес и движений. Такое государство существует независимо от любви к отечеству, от стремления к истинной славе, от самоотвержения, от способности жертвовать самым дорогим и от всех героических добродетелей, которые мы находим у древних и о которых знаем только по рассказам.

Законы заменяют здесь все эти добродетели, ставшие ненужными; государство освобождает всех от них: всякое действие, не производящее шума, там в некотором смысле остается без последствий.

Хотя все преступления по природе своей суть явления публичные, тем не менее от преступлений действительно публичных принято отличать преступления частные, называемые так потому, что они вредят более отдельному лицу, чем целому обществу.

Но в республиках частные преступления ближе к публичным, т. е. таким, которые нарушают скорее конституцию государства, чем права отдельных лиц; а в монархиях публичные преступления имеют более характер частных, т. е. таких, которые скорее нарушают интересы отдельного лица, чем конституцию самого государства.

Убедительно прошу не оскорбляться тем, что я сказал; я говорю согласно со всеми свидетельствами истории. Я очень хорошо знаю, что добродетельные государи встречаются нередко, и хочу только сказать, что очень трудно достигнуть того, чтобы в монархии народ был добродетельным.

Прочитайте, что писали историки всех времен о дворах государей; вспомните, что говорят во всех странах о гнусной природе придворных; это не умозрение, а плоды печального опыта.

Честолюбивая праздность, низкое высокомерие, желание обогащаться без труда, отвращение к правде, лесть, измена, вероломство, забвение всех своих обязанностей, презрение к долгу гражданина, страх перед добродетелью государя, надежда на его пороки и, что хуже всего, вечное издевательство над добродетелью — вот, полагаю я, черты характера большинства придворных, отмечавшиеся — всюду и во все времена. Но трудно допустить, чтобы низшие были честны там, где большинство высших лиц в государстве люди бесчестные, чтобы одни были обманщиками, а другие довольствовались ролью обманываемых простаков.

Если же в народе и найдется какой-нибудь злополучный честный человек, то кардинал Ришелье в своем политическом завещании намекает, что государю следует остерегаться пользоваться его услугами. Вот до какой степени непреложна истина, что добродетель не есть движущее начало этого образа правления. Конечно, она может встретиться и в нем, но не она управляет его деятельностью.

Глава VI. Чем восполняется отсутствие добродетели в монархическом правлении

Лечу вперед поспешными шагами, чтобы предупредить подозрение, будто я пишу сатиру на монархическое правление. Нет, взамен одного двигателя у него есть другой. Честь, т. е. предрассудки каждого лица и каждого положения, заменяет в нем политическую добродетель, о которой я говорю выше, и всюду ее представляет. Честь может там вдохновлять людей на самые прекрасные деяния и в соединении с силою законов вести их к целям правительства не хуже самой добродетели.

Поэтому в благоустроенных монархиях всякий человек будет более или менее добрым гражданином, но редко кто будет человеком добродетельным, так как для того, чтобы быть человеком добродетельным, надо иметь желание быть таковым и любить государство не столько ради себя, сколько ради его самого,

Глава VII. О принципе монархии

Таким образом, в хорошо управляемых монархиях почти всякий человек является хорошим гражданином, и мы редко найдем в них человека, обладающего политической добродетелью, ибо, чтобы быть человеком, обладающим политической добродетелью, надо иметь намерение стать таковым и любить государство больше ради него самого, чем ради собственной пользы. Монархическое правление, как мы сказали, предполагает существование чинов, преимуществ и даже родового дворянства. Природа чести требует предпочтений и отличий. Таким образом, честь по самой своей природе находит себе место в этом образе правления.

Честолюбие, вредное в республике, может быть благотворно в монархии; оно одушевляет этот образ правления и притом имеет то преимущество, что не опасно для него, потому что может быть постоянно обуздываемо. Все это напоминает систему мира, где есть сила, постоянно удаляющая тела от центра, и сила тяжести, привлекающая их к нему. Честь приводит в движение все части политического организма; самым действием своим она связывает их, и каждый, думая преследовать свои личные интересы, по сути дела стремится к общему благу.

Правда, с философской точки зрения, эта честь, приводящая в движение все силы государства, есть ложная честь, но эта ложная честь так же полезна для общества, как была бы полезна истинная честь для отдельного лица. И разве этого мало — обязывать людей выполнять все трудные и требующие больших усилий дела, не имея при этом в виду другого вознаграждения, кроме производимого этими делами шума?

Глава VIII. О том, что честь не есть принцип деспотических государств

Честь не может быть принципом деспотических государств: там все люди равны и потому не могут превозноситься друг над другом; там все люди рабы и потому не могут превозноситься ни над чем.

Сверх того, так как честь имеет свои законы и правила, от соблюдения которых она не может уклониться, так как она зависит от своих собственных прихотей, а не от чужих, то по всему этому она может

иметь место лишь в государствах с определенным устройством и твердыми законами.

Может ли деспот потерпеть ее в своем государстве? Она полагает свою славу в презрении к жизни, а вся сила деспота только в том, что он может лишать жизни. Как она сама могла бы стерпеть деспота? У нее есть неуклонные правила и неприкосновенные прихоти, а деспот не имеет никаких правил и не признает никаких прихотей, кроме своих собственных.

Честь, неведомая в деспотических государствах, где часто нет даже и слова для ее обозначения, господствует в монархиях; там она вносит жизнь во все: в политический организм, в законы и даже в добродетели.

Глава IX. О принципе деспотического правления

Как для республики нужна добродетель, а для монархии честь, так для деспотического правительства нужен страх. В добродетели оно не нуждается, а честь была бы для него опасна.

Безграничная власть государя переходит здесь целиком к тем, кому он ее поручает. Люди с большим самоуважением могли бы затевать в таком государстве революции, поэтому надо задавить страхом всякое мужество в людях и погасить в них малейшую искру честолюбия.

Правительство умеренное может по желанию и без опасности для себя ослабить бразды правления: оно держится собственной силою и силою законов. Но если в деспотическом государстве государь хотя бы на мгновение опустит угрожающую руку, если он не может без замедления уничтожать лиц, занимающих первые места в государстве, то все пропало, так как страх — единственное движущее начало этого образа правления — исчез, и у народа нет более защитника.

В этом, по-видимому, смысле и говорили кадии, что великий повелитель не обязан соблюдать данное им слово или клятву, если он ограничивает ими свою власть.

Нужно, чтобы народ был судим по законам, а вельможи — по прихоти государя; чтобы жизнь последнего из подданных была ограждена, а жизнь пашей — в постоянной опасности. Нельзя говорить без ужаса об этом чудовищном правлении. Сефевид, низвергнутый в наши дни в Персии Мир-Вейсом, был свидетелем гибели правительства еще до завоевания страны, потому что он недостаточно пролил крови.

История говорит нам, что Домициан своими страшными жестокостями до того напугал своих чиновников, что народ чувствовал некоторое облегчение во время его царствования. Так поток, разрушивший все на одном берегу, оставляет на другом нетронутые пространства, где глаз издали замечает несколько зеленеющих лужаек.

Глава X Различие в характере повиновения в умеренных и деспотических государствах

В деспотических государствах природа правления требует беспрекословного повиновения, и, раз воля государя известна, все последствия, вызываемые ею, должны наступить с неизбежностью явлений, обусловленных ударом одного шара о другой.

Здесь уже нет места смягчениям, видоизменениям, приспособлениям, отсрочкам, возмещен и ям, переговорам, предостережениям, предложениям чего-нибудь лучшего или равносильного. Человек есть существо, повинующееся существу повелевающему.

Здесь уже нельзя ни выразить опасений относительно будущего, ни извинять свои неудачи превратностью счастья. Здесь у человека один удел с животными: инстинкт, повиновение, наказание.

Здесь не принимаются во внимание естественные чувства — уважение к отцу, любовь к детям и женам, — законы чести, состояние здоровья: приказ объявлен — этого достаточно.

В Персии раз государь осудил кого-нибудь никто уже не смеет ни заводить с ним речь об осужденном, ни испрашивать для него помилования. И если бы, изрекая свой приговор, властелин был пьян или

не в полном рассудке, приговор все-таки должен быть приведен в исполнение. Иначе государь противоречил бы самому себе, а закон не может себе противоречить. Такой образ мыслей всегда господствовал в этой стране: за невозможностью отменить указ царя Агасфера об избиении евреев, там пришлось разрешить им защищаться.

Но есть, однако, и там одна сила, которую можно иногда противопоставить воле государя: это религия. По приказу государя человек покинет своего отца, даже убьет его, но он не станет пить вина, несмотря ни на какие приказы. Законы религии исходят от высшей власти, одинаково обязательной как для государя, так и для его подданных. Иное дело — естественные права человека: тут государь перестает быть простым смертным.

В умеренной монархии верховная власть ограничивается тем, что составляет ее движущее начало, я хочу сказать — честью, которая, как монарх, господствует там над государем и народом. Там ссылаются не на требования религии — придворный счел бы это смешным, — а на правила чести. Отсюда происходят необходимые видоизменения в характере повиновения; понятию чести свойственны различные причуды, и все они отражаются на повиновении.

Но хотя в этих двух видах правления характер повиновения неодинаков, тем не менее у них одна и та же верховная власть. Куда бы ни обратил свой взор государь, он всюду заставляет чашу весов склониться на свою сторону и ему повинуются. Все же различие тут в том, что в монархиях государи — люди более просвещенные, и министры их несравненно искуснее и опытнее в делах правления, чем в деспотическом Государстве.

Глава XI. Размышления обо всем этом

Таковы принципы трех видов правления. Это не значит, что в такой-то республике люди добродетельны, но это значит, что они должны быть таковыми. Из этого не следует также, что в таком-то монархическом государстве господствует честь, а в таком-то деспотическом — страх; из этого следует лишь, что так должно быть, ибо иначе эти государства не будут совершенными.

Книга четвертая. О том, что законы воспитания должны соответствовать принципам образа правления

Глава I. О законах воспитания

Законы воспитания — это первые законы, которые встречает человек в своей жизни. И так как законы эти подготавливают нас к тому, чтобы стать гражданами, то каждая семья должна управляться по образцу великой семьи, охватывающей все отдельные семьи.

Если весь народ живет каким-нибудь принципом, то все его составные части, т. е. семейства, живут тем же принципом. Поэтому законы воспитания должны быть различными для каждого вида правления; в монархиях их предметом будет честь, в республиках — добродетель, в деспотиях — страх.

Глава II. О воспитании в монархиях

В монархиях воспитание получают в основном не в публичных школах, где обучаются дети; настоящее воспитание начинается для человека лишь со времени его вступления в свет. Свет — вот та школа, где мы знакомимся с тем общим нашим наставником и руководителем, имя которому — честь.

В этой школе мы постоянно видим и слышим три вещи: «нужно известное благородство в добродетели, известная искренность в нравах и известная учтивость в обращении».

Добродетели, примеры которых мы видим здесь, всегда говорят нам менее о наших обязанностях к другим, чем о наших обязанностях к самим себе: предмет их не столько то, что влечет нас к нашим согражданам, сколько то, что отличает нас от них;

В поступке здесь ценят не доброе чувство, а показную красоту, не справедливость, а широту размаха, не благоразумие, а необычайность. Усмотрев в известном поступке нечто благородное, честь или признает законность этого поступка как судья, или обосновывает его как софист. Она допускает волокитство, если оно связано с представлением о чувствах сердца или о победе; и вот истинная причина того, почему в монархиях нравы никогда не бывают так чисты, как в республиканских государствах.

Она допускает хитрость, если она сочетается с представлением о великом уме или о великих делах, как это бывает в политике, уловки которой не оскорбляют ее.

Она запрещает лести лишь в том случае, когда она не связана с представлением о большой выгоде и свидетельствует только о нашей низости. Что же касается до нравов, то, как я уже сказал, монархическое воспитание должно внести в них известную долю искренности и прямоты. Там, следовательно, требуют правды от речей человека. Но из любви ли к самой правде? Вовсе нет, а только потому, что человек, привыкший говорить правду, кажется смелым и свободным. И в самом деле, создается впечатление, что такой человек считается только с действительным положением вещей, а не с мнением людей о нем.

Вот почему там столько же ценят прямоту подобного рода, сколько презирают прямоту народа, основанную лишь на простодушии и правдивости. Наконец, воспитание в монархиях требует известной учтивости в обращении. Люди созданы для совместной жизни, и потому они должны нравиться друг другу. Человек, который стал бы оскорблять своих ближних несоблюдением правил приличия, уронил бы себя в общественном мнении до такой степени, что лишил бы себя всякой возможности быть полезным. Но не из этого чистого источника проистекает обыкновенно учтивость. Ее порождает желание отличиться. Мы учтивы из чванства: нам льстит сознание, что самые приемы нашего обращения доказывают, что мы не принадлежим к низшим слоям общества и никогда не знали с этой породой людей.

В монархиях вежливость сосредоточивается при дворе. Перед необычайным величием одного человека все прочие чувствуют себя одинаково малыми. Отсюда любезная внимательность ко всем; отсюда эта вежливость, равно приятная и тем, которые ее оказывают, и тем, которым она оказывается; ибо она свидетельствует о том, что мы принадлежим ко двору и достойны состоять при нем.

При дворе люди обыкновенно отказываются от своего собственного величия для заимствованного. Последнее более лестно для придворного, чем свое. Оно сообщает некоторую высокомерную скромность, которая

распространяется далеко, но горделивость которой незаметно уменьшается по мере удаления от источника этого величия.

При дворе мы находим тот тонко развитый вкус, который происходит от постоянного пользования излишествами большого богатства, от разнообразия удовольствий и особенно от пресыщения ими, от множества и даже хаотического смещения всевозможных причуд, которые там всегда поощряются, если могут доставить удовольствие.

На все это и обращает свои усилия воспитание, чтобы образовать так называемого порядочного человека, т. е. такого, который обладал бы всеми желательными для этого образа правления качествами и добродетелями. Здесь все проникнуто понятием чести — оно пронизывает всякий образ мыслей, каждое чувство, оно определяет даже принципы.

Эта своеобразная честь возводит в добродетель все, что ей угодно и как угодно. Она собственной властью предписывает правила всему, что нам вменено в обязанность, и по произволу своей фантазии то расширяет, то суживает пределы наших обязанностей, где бы ни был их источник: в религии, в политике или в морали.

Ничто в монархиях не предписывается так настоятельно религией, законами и честью, как повиновение воле государя; но эта честь в то же время подсказывает нам, что государь никогда не должен требовать от нас действия, несогласного с честью, так как это лишило бы нас способности служить ему.

Крильон отказался умертвить герцога Гиза, но заявил Генриху III, что согласен драться с ним на поединке. Когда Карл IX после Варфоломеевской ночи дал всем губернаторам приказ избивать гугенотов, виконт д'Юрт, комендант Байонны, писал королю: «Государь, между жителями и военными я нашел только добрых граждан и храбрых солдат, но ни одного палача, поэтому мы умоляем Ваше Величество употребить наши руки и жизни для дела, которое мы в состоянии исполнить». Для мужественного и великодушного сердца этого человека совершение подлости было делом невозможным.

Из всего, что честь вменяет знати в обязанность, самое настоящее — служить государю на войне. В самом деле, это особенно почетная служба, так как все ее случайности, успехи и даже неудачи ведут к величию. Но, установив этот закон, честь и его подчиняет своему, верховному суду и если почувствует себя оскорбленной, то позволяет воину вернуться домой или даже требует от него этого.

Она требует, чтобы люди с одинаковым равнодушием искали должностей и отказывались от них, и эту свободу ценит выше самого богатства. Итак, честь имеет свои верховные правила, и воспитание должно сообразоваться с ними. Первое и главнейшее из них позволяет нам дорожить имуществом, но безусловно запрещает дорожить жизнью.

Второе правило чести требует, чтобы, возвысившись до того или иного ранга, мы не совершали сами и никому не позволяли совершать по отношению к нам ничего, показывающего, что мы не стоим на высоте, соответствующей этому рангу.

Третье правило ее внушает, чтобы мы тем более избегали нарушать требования чести, чем менее эти нарушения преследуются законом, и тем неукоснительнее выполняли эти требования, чем менее законы настаивают на их выполнении.

Глава III. О воспитании в деспотическом государстве

Как в монархических государствах воспитание стремится вселить в сердца дух высокомерия, так в деспотических государствах оно старается их унижить. Оно должно быть проникнуто духом рабства. Хорошо, если в этом духе воспитаны здесь и начальствующие, ибо в этом государстве всякий тиран в то же самое время и раб.

Безоговорочное повиновение предполагает невежество не только в том, кто повинуется, но и в том, кто повелевает: ему незачем размышлять, сомневаться и обсуждать, когда достаточно только приказать. В деспотических государствах каждый дом — отдельное государство. Поэтому задача воспитания, заключающаяся главным образом в том, чтобы на(учить искусству жить с Другими людьми, там очень ограничена: она сводится к тому, чтобы вселить в сердца страх, а умам сообщить познание некоторых самых простых правил религии.

Знание там было бы опасно, соревнование — губительно, что же касается добродетелей, то, по мнению Аристотеля, нет ни одной добродетели, которая была бы свойственна рабам; все это очень суживает задачи воспитания в этом строе.

В известном смысле воспитание там совсем отсутствует. Надо лишить человека всего, чтобы дать ему нечто, и сначала сделать из него дурного подданного чтобы потом получить хорошего раба.

Да и зачем стараться там воспитать хорошего гражданина, чуткого к общественным бедствиям? Ведь любовь к государству может увлечь его к попыткам ослабить бразды правления, и если это ему не удастся, то он погубит себя; а если удастся, то он рискует погубить и себя самого, и государя, и государство.

Глава IV. Различные плоды воспитания у древних и у нас

Большинство древних народов жило в государствах, принципом которых была добродетель, и в пору процветания этой последней там совершались дела, которых мы теперь уже не видим и которые поражают изумлением наши мелкие души.

Их воспитание имело еще и другое преимущество перед нашим: последующая жизнь не отрицала его. Эпаминонд и в последние годы своей жизни говорил, видел, слышал и делал то же самое, чему его учили в детстве. Ныне-же мы получаем воспитание из трех различных и даже противоположных друг другу источников: от наших отцов, от наших учителей и от того, что называют светом. И уроки последнего разрушают идеи двух первых. Это отчасти происходит от существующего у нас противоречия между требованиями религии и правилами света — явления, неизвестного древним.

Глава V. О воспитании в республиканском государстве

Ни одно правление не нуждается в такой степени в помощи воспитания, как республиканское правление. Страх в деспотических государствах зарождается сам собою под влиянием угроз и наказаний; честь в монархиях находит себе опору в страстях человека и сама служит им опорой; но политическая добродетель есть самоотверженность — вещь всегда очень трудная. Эту добродетель можно определить как любовь к

законам и к отечеству. Эта любовь, требующая постоянного предпочтения общественного блага личному, лежит в основании всех частных добродетелей: все они представляют собою не что иное, как это предпочтение.

Эта любовь получает особенную силу в демократиях. Только там правление государством вверяется каждому гражданину. Но правительства подчинены тому же закону, что и все вещи в мире. Чтобы их сохранить, надо их любить. Нам никогда не приходилось слышать, чтобы государь не любил монархии, а деспот ненавидел деспотизм. Дело, следовательно, в том, чтобы водворить в республике эту любовь, ее-то и должно прививать воспитание. Но лучшее средство привить детям любовь к отечеству состоит в том, чтобы эта любовь была у отцов.

Человек обыкновенно способен передавать детям свои познания; в еще большей степени он способен передавать им свои страсти.

Если же этого не происходит, то это значит, что все внушаемое в родительском доме разрушается влияниями, приходящими извне. Народ вырождается не в пору своего зарождения; он погибает лишь тогда, когда зрелые люди уже развращены.

Глава VI. О некоторых учреждениях греков

Древние греки, проникнутые сознанием необходимости того, чтобы народы, живущие под властью народного правительства, воспитывались в духе добродетели, придумали с этою целью весьма оригинальные учреждения. Читая в жизнеописании Ликурга о законах, данных им лакедемонянам, мы можем подумать, что читаем историю Севарамбов. Законы Крита были прообразом законов Лакедемона, а законы Платона — их исправленным изданием. Я прошу обратить внимание на силу гения, которою должны были обладать эти законодатели для того, чтобы видеть, что, нарушая все принятые обычаи и смешивая все добродетели, они явят миру свою мудрость. Ликург, смешан грабеж с духом справедливости, беспощадное рабство с крайней свободой и самые свирепые чувства с величайшей умеренностью, дал устойчивость своему городу. Он, по-видимому, отнял у него все: ремесла, торговлю, деньги, городские стены; там есть честолюбие, но нет надежды удовлетворить его; есть влечения, вкушаемые природой, но нет ни отца, ни мужа, ни детей;

и даже стыдливость отнята у целомудрия. Вот пути, которыми Спарта шла к величию и славе, и учреждения ее были столь непогрешимы, что никакие одержанные над нею победы не могли сломить ее, если не удавалось сломить эти учреждения.

Такими законами управлялись Крит и Лакедемон. И Лакедемон последний сдался македонянам, а Крит стал после всех добычею римлян. Те же самые учреждения были и у самнитян, и они доставили римлянам двадцать четыре триумфа. Та же необычайная сила, которую мы видели в учреждениях Греции, явилась нам и среди грязи и разложения нашего времени. Один законодатель и честный человек образовал народ, у которого честность — такое же естественное качество, как храбрость у спартанцев.

Г. Пенн — настоящий Ликург, и хотя первый поставил себе целью мир, а второй — войну, они сходны по тем своеобразным путям, на которые они вывели свои народы, по силе своего влияния на свободных людей, по своим победам над их предрассудками и господству над их страстями, Другой пример может нам представить Парагвай. То, что было сделано здесь, хотели вменить в преступление обществу, которое в удовольствии повелевать видит единственное благо жизни. Но управлять людьми, делая их счастливыми, всегда прекрасно.

Это общество достойно славы за то, что первое показало в этих странах пример сочетания религии с гуманностью. Исправляя опустошения, произведенные в стране испанцами, оно приступило к излечению одной из величайших ран, когда-либо нанесенных человечеству.

Тонкая чувствительность этого общества ко всему, что оно называет честью, его рвение к религии, которая в гораздо большей степени смиряет тех, кому она проповедуется, чем тех, кто ее проповедует, позволили ему затеять великие предприятия и успешно выполнить их. Оно вызвало из лесов рассеянные в них народы, обеспечило их пищей, снабдило их одеждой; и если бы все это повело лишь к тому, что больше людей стало заниматься промышленностью, то и этим одним было бы уже много сделано.

Те, кто пожелает создать подобные учреждения, должны установить общность имущества республики Платона, благочестие, которого он требовал по отношению к богам, отчуждение от иностранцев для охранения нравов; нужно поручить ведение торговли государству, а не отдельным гражданам; нужно дать людям наши искусства без нашей роскоши и наши нужды без наших желаний.

Нужно запретить употребление денег, которое ведет к тому, что люди увеличивают свои богатства выше меры, положенной природой, бесполезно хранят то, что они бесполезно накопили, и до бесконечности умножают свои желания. Деньги как бы восполняют природу, которая дала нам очень ограниченные средства для того, чтобы возбуждать наши страсти и развращать друг друга.

Граждане Эпидамна, почувствовав, что нравы у них портятся вследствие сношений с варварами, избрали особое должностное лицо для заведования всеми торговыми оборотами от имени города и для города. Таким образом, торговля перестает вносить разложение в государственное устройство, а государственное устройство не лишает общество выгод торговли.

Глава VII. В каком случае могут быть полезны эти своеобразные учреждения

Учреждения подобного рода могут быть уместны в республиках, так как в основе их лежит политическая добродетель. Но для того, чтобы развить чувство чести у подданных монархии и внушать страх подданным деспотических государств, не требуется так много забот.

Кроме того, такие учреждения возможны лишь в небольших государствах, где можно весь народ воспитывать, как одно семейство, в одном, общем для всех направлении.

Законы Миноса, Ликурга и Платона предполагают бдительный надзор одних граждан над другими, на который нельзя рассчитывать при смятении, рассеянности и обширном характере дел народа крупного государства.

Эти учреждения требуют, как было уже сказано, отмены денег. Но в больших обществах многочисленность, разнообразие, сложность, важность дел, удобства купли-продажи и медленность обмена требуют общей денежной меры. Для повсеместного распространения своей власти или повсеместной защиты ее надо иметь то, с чем люди везде связывают власть.

Глава VIII. Объяснение одного парадоксального мнения древних, относящегося к воспитанию нравов

Полибий, рассудительный Полибий, говорит нам, что музыка была необходима для смягчения нравов обитателей Аркадии, которые жили в стране суровой и холодной, и что жители Кинета, пренебрегавшие музыкой, превзошли в жестокости всех прочих греков, так что не было города, где совершалось бы столько преступлений, как у них. Платон не побоялся даже сказать, что нельзя внести никакого изменения в музыку, которое не повлекло бы за собой соответственного изменения в государственном устройстве. Аристотель, который написал свою Политику, кажется, только для того, чтобы противопоставить свои идеи идеям Платона, согласен, однако, с ним в мнении о важном влиянии музыки на нравы. Теофраст, Плутарх, Страбон — все древние писатели разделяли эту точку зрения. И это у них не необдуманное мнение, а одно из основных начал их политики. Так они создавали законы; так, думали они, надо управлять государствами.

Полагаю, что я буду в состоянии объяснить это. Надо иметь в виду, что в греческих городах и особенно в тех, главным занятием которых была война, всякий труд и всякая профессия, которые имели целью денежный заработок, считались недостойными свободного человека. «Большая часть ремесел, — говорит Ксенофонт, — калечит тела людей, занимающихся ими; они заставляют сидеть в тени или близ огня и не оставляют времени ни для общения с друзьями, ни для участия в государственных делах». Ремесленники стали гражданами в некоторых демократиях только в пору разложения последних. И Аристотель, сообщая нам об этом, утверждает, что благоустроенная республика никогда не даст им права гражданства. Земледелие тоже считалось делом рабским, и занимался им обыкновенно какой-нибудь покоренный народ: илоты у лакедемонян, периэки у критян, пенесты у фессалийцев и другие порабощенные народы в других республиках. Наконец, всякая мелкая

торговля считалась у греков постыдной. Она заставляла гражданина оказывать услуги рабу, постояльцу, иностранцу, мысль об этом возмущала свободолюбие элина, и Платон в своих законах требует наказания для гражданина, занявшегося торговлей.

Таким образом, греческие республики были в очень затруднительном положении. Они не хотели, чтобы граждане занимались торговлей, земледелием, ремеслами, но не хотели также, чтобы они проводили время в праздности. Граждане не имели никаких других занятий, кроме гимнастических и военных упражнений. На греков надо поэтому смотреть как на общество атлетов и воинов. Но эти упражнения, столь пригодные для воспитания людей грубых и диких, требовали противовеса в других занятиях, способных смягчать нравы. Музыка как искусство, действующее на душу через посредство органов тела, была очень подходящим для этого средством. Она занимает середину между телесными упражнениями, которые делают людей жестокими, и отвлеченными умствованиями, которые делают их нелюдимыми. Нельзя сказать, чтобы музыка внушала добродетель. Это было бы непостижимо; но она противодействовала ожесточающему влиянию грубого учреждения и в области воспитания отводила и для души место, которого у нее без этого не было бы.

Предположим, что среди нас есть общество людей, до того страстно любящих охоту, что они ею одной только и занимаются. Нет сомнения, что такое занятие подействовало бы на них ожесточающим образом. Но если бы эти люди, кроме того, получили бы еще и вкус к музыке, то вскоре в их обращении и нравах мы заметили бы некоторое различие сравнительно с прежним. Наконец, обычные упражнения греков возбуждали в них лишь грубые страсти: суровость, гнев, жестокость. Музыка же пробуждает все чувства и дает душе ощутить кротость, сострадание, нежность, тихую отраду. Наши сочинители моральных рассуждений, с такою строгостью запрещающие нам посещать театры, этим достаточно убеждают нас в силе той власти, которую имеет музыка над душой человека.

И если бы обществу, о котором я говорил, дали одни барабаны и трубы, то, не правда ли, поставленной цели, было бы труднее достигнуть, чем если бы ему дали более нежную музыку. Древние поэтому были

правы, отдавая в определенных обстоятельствах предпочтение тому или другому средству воздействия на нравы. Но почему же, спросят, отдавать предпочтение музыке? Потому, что изю всех чувственных удовольствий она менее всего способна повреждать нравы. Мы краснеем, читая у Плутарха о фиванцах, которые для смягчения нравов молодежи узаконили у себя некоторый род любви, который должен был бы быть осужден всеми народами мира.

Книга пятая. Законы, издаваемые законодателем, должны соответствовать принципу образа правления

Глава I. Идея этой книги

Мы уже установили, что законы воспитания должны соответствовать принципу каждого правления. То же следует сказать и о законах, создаваемых законодателем для всего общества. Это соответствие законов с принципом правления приводит в действие все пружины правления, и самый принцип получает от этого новую силу. Так в области физических движений за всяким действием всегда следует противодействие. Мы рассмотрим это соответствие для каждого вида правления отдельно и начнем с государства республиканского, принцип которого — добродетель.

Глава II. Что такое добродетель в политическом государстве

В республике добродетель есть очень простая вещь: это — любовь к республике, это — чувство, а не ряд сведений. Оно столь же доступно последнему человеку в государстве, как и тому, который занимает в нем первое место. Раз усвоив себе добрые правила, народ держится за них дольше, чем так называемые порядочные люди. Разложение редко начинается с него, и часто из своих скудных познаний он черпает более сильную привязанность к тому, что установлено,

Любовь к отечеству порождает добрые нравы, а добрые нравы порождают любовь к отечеству. Чем менее мы можем удовлетворять наши личные страсти, тем более мы отдаемся общим. Что заставляет монахов так любить свои монашеские ордена? Именно то, чем они всего более несносны для них. Уставы орденов лишают их членов всего, что питает обычные страсти человека, оставляя место только одной страсти — к тому

самому уставу, который удручает их. И чем он более суров, т. е. чем больше склонностей он урезывает, тем более силы придает он тем склонностям, которые не подвергаются его запрету.

Глава III. Что такое любовь к республике в демократии

Любовь к республике в демократии есть любовь к демократии, а любовь к демократии есть любовь к равенству.

Любовь к демократии есть, кроме того, любовь к умеренности. Так как все должны там пользоваться одинаковым благополучием и выгодами, то каждый должен иметь такие же удовольствия и предаваться таким же надеждам, что и прочие; а все это возможно только при общей умеренности.

Любовь к равенству в демократии ограничивает честолюбие одним желанием, одним счастьем — послужить отечеству более важными деяниями, чем прочие граждане. Все не могут быть для него равно полезны, но все равно должны быть ему полезны. Граждане уже с самого рождения находятся в неоплатном долгу перед отечеством.

Таким образом, самые отличия вытекают там из принципа равенства, даже когда последнее, по-видимому, совсем устраняется превосходством таланта или удачным служением.

Любовь к умеренности ограничивает в демократии стремление приобретать желанием иметь необходимое для семьи, а излишек — для отечества. Богатство дает власть, которую гражданин не может употреблять для собственной пользы, потому что он перестал бы быть равным другим гражданам. Оно доставляет наслаждения, которыми он тоже не должен пользоваться, потому что этим также нарушалось бы равенство.

Поэтому благоустроенные демократии, утвердив умеренность в области домашней жизни, открыли двери для роскоши в области жизни общественной, как это и было в Афинах и в Риме. Так умеренность явилась источником изобилия и великолепия, и как религия требует, чтобы жертвы богам были приносимы чистыми руками, так законы

устанавливают умеренность в нравах, чтобы была возможность приносить дары отечеству.

Здравый смысл и благополучие отдельных лиц в значительной степени обуславливаются посредственностью их талантов и достатка. Республика, в которой законы воспитают большое число людей посредственных, будет управляться благоразумно, ибо она будет состоять из людей благоразумных; она будет очень счастлива, ибо ее население будет счастливо.

Глава IV. Как внушается любовь к равенству и умеренности

Любовь к равенству и умеренности доводится до высшей степени самими же равенством и умеренностью у людей, живущих в обществе, где и то и другое установлено законом.

В монархиях и в государствах деспотических никто не стремится к равенству; даже мысль об этом никому не приходит в голову; там каждый стремится к возвышению. Люди самого низкого положения желают выйти из него лишь для того, чтобы господствовать над другими людьми.

То же и с умеренностью: чтобы полюбить ее, надо наслаждаться ею. И, конечно, не люди, развращенные роскошью, могут полюбить воздержание; если бы этот переход был явлением естественным и обычным, то Алкивиад не стал бы предметом восхищения всего мира. Не любят умеренность и те, которые завидуют роскоши других людей или восхищаются ею; люди, которые имеют перед глазами только или богачей или таких же бедняков, как они сами, ненавидят свою бедность, не любя и не ведая того, что составляет середину между бедностью и богатством.

Итак, вполне истинно правило, что для развития любви к равенству и умеренности в республике нужно, чтобы они были там установлены законами,

Глава V. Как законы водворяют равенство в демократии

Некоторые древние законодатели, как, например, Ликург и Ромул, разделили земли поровну. Это могло произойти лишь при основании

новой республики или когда старая была до того испорчена и состояние умов в ней было таково, что бедные считали необходимым домогаться подобного средства, а богатые — допустить его. Если законодатель, совершив такой раздел, не установит особых законов для его охранения, то создание его будет недолговечно: неравенство проникнет в него с той стороны, которая не защищена законом, и республика погибнет.

Поэтому для поддержания этого порядка необходимо регулировать приданое женщин, дарения, наследования, завещания. наконец, все роды договоров. Ибо если бы было дозволено передавать свое имущество кому угодно и как угодно, то каждая отдельная воля подрывала бы положения основного закона. Солон, дозволив афинянам в случае бездетности передавать имущество по завещанию кому угодно, пошел вразрез с древними законами, не позволявшими выхода имущества из семьи завещателя. Он стал вразрез и со своими собственными законами, так как, уничтожая долги, он добивался равенства. Закон, запрещающий получать более одного наследства, был очень благоприятен для демократии. Он коренился в равном разделе земельных участков между гражданами. Он не допускал скопления в одних руках нескольких участков.

Из такого же источника вытекал закон, предписывавший брак наследницы с ее ближайшим родственником. Он был установлен у евреев после подобного же раздела. Платон, законы которого основаны на этом разделе, тоже дает этот закон; и это был закон Афинской республики.

В Афинах был один закон, дух которого, насколько мне известно, никто до сих пор не мог уяснить. Он разрешал жениться на сестре единокровной, но не на сестре единоутробной. Этот обычай вел свое происхождение от республик, которые согласно господствовавшему в них духу не допускали сосредоточения в одних руках двух земельных участков, а следовательно, и двух наследств.

Человек, вступивший в брак со своей сестрой с отцовской стороны, мог получить только одно наследство — от своего отца; но если он вступал в брак с сестрой единоутробной, то могло случиться, что отец этой сестры за неимением у него детей мужского пола сделал бы ее своей наследницей, вследствие чего ее брат, женившийся на ней, получил бы

два наследства. И пусть не возражают мне указанием на Филона, который говорит, что если в Афинах разрешалось жениться на сестрах единокровных, а не единоутробных, то в Спарте можно было жениться лишь на единоутробных, а не на единокровных сестрах. Ибо у Страбона мы читаем, что в Лакедемоне сестра, вышедшая замуж за брата, получала в приданое половину части, приходившейся на долю брата. Ясно, что этот закон был издан для предупреждения нежелательных последствий нарушается только кажущееся равенство, так как человек, разорившийся на службе обществу, оказался бы в худшем положении, сравнительно с прочими гражданами, и этот самый человек, будучи вынужден необходимостью пренебрегать своими служебными обязанностями, мог бы этим поставить прочих граждан в положение, худшее даже по сравнению с его собственным, и т. д.

Глава VI. Как законы должны поддерживать умеренность в демократии

В благоустроенной демократии земельные участки должны быть не только равными, но также и небольшими, как у римлян. «Не дай бог, — говорил Курий своим воинам, — чтобы гражданин почитал слишком малым кусок земли, достаточный для прокормления человека!»

Как равенство состояний поддерживает умеренность, так умеренность поддерживает равенство состояний. Хотя это две различные вещи, но они таковы, что одна без другой существовать не может; каждая из них есть и причина и следствие; если одна покидает демократию, другая всегда уходит вслед за нею.

Правда, в демократиях, которые основаны на торговле, может случиться, что отдельные лица будут обладать большими богатствами, а нравы, несмотря на это, останутся неповрежденными. Дело в том, что дух торговли влечет за собою дух воздержания, бережливости, умеренности, трудолюбия, благоразумия, спокойствия, порядка и исправности, поэтому, пока этот дух держится, богатства, производимые им, не оказывают никакого дурного влияния. Зло наступает лишь после того как этот дух торговли будет уничтожен излишним накоплением богатств. Тогда все неурядицы неравенства, которые до той поры не давали себя чувствовать, вдруг выступают наружу. Чтобы поддержать этот дух

торговли, надо, чтобы первые граждане сами занимались ею; чтобы этот дух господствовал безраздельно, не смешиваясь с другим; чтобы все законы охраняли его; чтобы те же законы, распределяя богатства по мере того, как они увеличиваются торговлей, доставляли каждому бедному гражданину такое благосостояние, которое давало бы ему возможность работать, как прочие, а каждого богатого гражданина ставили бы в такое умеренное положение, которое заставляло бы его трудиться, чтобы приобретать и сберегать.

Закон, уделяющий всем детям равную долю из наследства их отца, очень благоприятен для торговой республики. Благодаря этому закону, как бы ни был богат отец, дети всегда будут беднее его и потому будут склонны избегать роскоши и трудиться по примеру своего отца. Говоря это, я имею в виду лишь торговые республики; для прочих же есть немало других мер, о которых следует подумать законодателю.

В Греции было два рода республик: одни — военные, как Лакедемон, а другие — торговые, как Афины. В одних хотели сделать граждан праздными, в других им старались внушить любовь к труду. Солон считал праздность преступлением и хотел, чтобы каждый гражданин отдавал отчет в том, каким образом он приобретает средства к существованию. В самом деле, при хорошей демократии, в которой все должны ограничиваться необходимым, каждый должен приобретать средства к существованию своим трудом, так как никто не может их ему предоставить.

Глава VII. Другие средства, содействующие принципу демократии

Равный раздел земель возможен не для всех демократий. Есть обстоятельства, когда такая мера была бы неудобноисполнима, опасна и даже могла бы поколебать государственное устройство. Не всегда необходимо прибегать к крайним мерам. И если этот раздел, цель которого — охранение нравов, окажется неподходящим для какой-нибудь демократии, то надо обратиться к другим средствам.

Можно создать определенное учреждение, которое само собой явится образцом и правилом в области нравов, например, сенат, доступ в который открывается возрастом, добродетелью, степенью характера,

заслугами. Такие сенаторы, поставленные перед лицом народа как некое подобие богов, внушат ему чувства, которые глубоко укоренятся во всех семействах. Особенно нужно, чтобы этот сенат отличался приверженностью к учреждениям старины и действиями своими поддерживал любовь к ним в народе и его сановниках.

Нравы много выигрывают от этой приверженности к обычаям старины. Народы с испорченными нравами редко совершают великие дела; не они учреждают общества, основывают города, устанавливают законы; напротив, большая часть учреждений создана народами, нравы которых были суровы и просты; призывать людей к заветам старины значит в большинстве случаев возвращать их к добродетели.

Сверх того, когда совершалась какая-нибудь революция и государству придавалась новая форма, то все это могло осуществиться лишь посредством бесконечных усилий и трудов и редко — при наличии испорченных нравов и праздности. Те самые люди, которые совершали революцию, желали сделать ее блага ощутимыми для всех, и они могли достигнуть этого лишь посредством установления хороших законов. Древние учреждения поэтому обыкновенно являются исправлением зла, а новые — злоупотреблениями. В течение долгого правления люди незаметно спускаются ко злу и могут снова подняться к благу только усилием.

Было много споров о том, должны ли члены сената, о котором идет речь, избираться пожизненно или только на время. Конечно, пожизненно, как это было в Риме, Лакедемоне, даже в Афинах, так как не надо смешивать того, что называли в Афинах сенатом, весь состав которого обновлялся через каждые три месяца, с ареопагом, члены которого избирались на всю жизнь в качестве постоянных образцов.

Общее правило: в сенат, созданный для того, чтобы служить образцом и, так сказать, хранилищем нравов, сенаторов следует избирать пожизненно; в сенат, созданный для подготовки дел, сенаторов можно избирать на срок. Дух, говорит Аристотель, стареет так же, как и тело. Но это замечание верно только по отношению к единичному государственному деятелю и не может быть приложимо к собранию сенаторов.

В Афинах кроме Ареопага были еще стражи нравов и стражи законов. В Лакедемоне все старцы были цензорами. В Риме цензура принадлежала двум особым сановникам. Как сенат наблюдает за народом, так цензоры должны надзирать за народом и сенатом. Они обязаны исправлять всякий порок в республике, отмечать недостаток усердия, судить упущения, исправлять ошибки, подобно тому как законы карают преступления.

Римский закон, предписывавший, чтобы обвинение в прелюбодеянии предъявлялось публично, в высшей степени способствовал охранению чистоты нравов; он устрашал женщин; он устрашал и тех, которые должны были надзирать за ними.

Ничто так не способствует охранению нравов, как крайнее подчинение молодых людей старикам. Оно сдерживает и тех и других; первых — в силу уважения к старцам, а последних — в силу уважения к самим себе. Ничто не придает такой силы законам, как крайнее подчинение граждан их правителям. «Великое различие, которое Ликург установил между Лакедемоном и прочими государствами, — говорит Ксенофонт, — заключалось главным образом в том, что он заставил граждан повиноваться законам: на призыв правителя они устремляются бегом. В Афинах же богатый человек пришел бы в отчаяние, если бы на него посмотрели как на лицо, зависящее от чиновника». Отеческая власть — тоже очень полезное средство для охранения нравов. Мы уже сказали, что в республике нет той сдерживающей силы, которая есть в других видах правления, поэтому законы должны стараться возместить ее чем-нибудь, и это достигается отцовской властью.

В Риме отцы имели право жизни и смерти над своими детьми. В Лакедемоне каждый отец имел право наказать чужого ребенка.

Отцовская власть исчезла в Риме вместе с республикой. В монархиях, где нет никакой надобности в такой чистоте нравов, требуется, чтобы каждый жил под властью чиновников.

Римские законы, приучив молодых людей к зависимости, установили длительный период несовершеннолетия. Мы, может быть,

напрасно усвоили этот обычай: монархия не нуждается в таких стеснениях.

Во имя того же повиновения в республике может явиться надобность в законе, предоставляющем отцу пожизненное право распоряжаться имуществом своих детей, как это было в Риме. Но это не в духе монархии.

Глава VIII. Каково должно быть отношение законов к принципу правления в аристократическом государстве

Если в аристократическом государстве народ добродетелен, то люди могут быть почти так же счастливы, как и при народном правлении, и государство будет могущественно. Но так как редко случается, чтобы там, где имущество граждан распределено так неравномерно, люди были бы очень добродетельны, то нужно, чтобы законы старались, насколько это от них зависит, водворить в этом государстве дух умеренности и восстановить в нем то равенство, которое неизбежно устраняется самим характером его устройства.

Этот дух умеренности и есть то, что в аристократии зовется добродетелью; он занимает там место духа равенства в народном государстве. Если роскошь и великолепие, окружающие государя, составляют часть его могущества, то скромность и простота обращения составляют силу аристократической знати. Если она ничем не старается отличить себя от других, если она сливается с народом, носит одинаковую с ним одежду и допускает его к участию в своих удовольствиях, народ забывает о своей бессилии.

У каждого правления есть своя природа и свой принцип, поэтому аристократия не должна усваивать себе природу и принцип монархии, что произошло бы в том случае, если бы одна группа знати имела какие-нибудь личные, особенные прерогативы, отличные от тех, которые принадлежат всему сословию. Привилегии пусть даются сенату, а сенаторам — ничего, кроме простого уважения.

Есть два основных источника неурядиц в аристократических государствах: крайнее неравенство между теми, которые управляют, и теми, которыми управляют; и такое же неравенство между членами

сословия, которое управляет. Из этих двух неравенств рождается и зависть и ненависть, которые должны предупреждаться или пресекаться законами.

Первое неравенство происходит по преимуществу в том случае, когда привилегии аристократии почетны лишь потому, что они позорны для народа. Таков был в Риме закон, который запрещал патрициям заключать браки с плебеями и единственные последствия которого состояли в том, что патриции стали, с одной стороны, более высокомерными, а с другой — более ненавистными. Нечего говорить о том, какую пользу извлекли трибуны для своих речей из этого закона.

Это неравенство является еще и тогда, когда граждане поставлены в неодинаковые условия по отношению к налогам, что происходит в следующих четырех случаях: когда дворяне дают себе привилегию не платить налогов, когда они обманом избегают от платежа, когда они употребляют в свою пользу эти платежи под предлогом вознаграждения или жалования за отправляемые ими должности, наконец, когда они облагают народ данью и разделяют между собою налоги, взимаемые ими с него. Последнее случается редко; в таком случае аристократическое правление является самым тягостным из всех.

Пока в Риме преобладало аристократическое направление, он очень успешно избегал этих неудобств. Его должностные лица никогда не получали жалования за свою службу. Первые лица в республике были обложены, как и прочие, и даже больше прочих, а иногда только они одни и облагались. Наконец, они не только не присваивали себе доходов государства, но все, что они могли извлечь из общественной казны, и все богатства, которыми их наделяла fortuna, — все это они распределяли в народе как бы в возмещение тех почестей, которыми они пользовались,

Одно из основных правил состоит в том, что такие подарки народу настолько же вредны в демократии, насколько они могут быть полезны в аристократическом правлении. В первом случае они губят гражданский дух, а во втором — укрепляют его.

Если же эти доходы не распределяются в народе, то надо ему показать, что ими хорошо распоряжаются: даже видя их, он уже

некоторым образом пользуется ими. Золотая цепь, которую протягивали в Венеции, богатства, которые проносили на триумфах в Риме, сокровища, хранившиеся в храме Сатурна, были поистине богатствами народа.

В аристократическом государстве всего важнее то, чтобы взимание податей не было делом знати. В Риме первый разряд граждан был свободен от этой обязанности: ее возложили на второй, но и тут обнаружилось впоследствии большие неудобства. При аристократическом правлении, когда подати взимала бы знать, частные лица оказались бы оставленными на произвол должностных лиц, и над этими лицами не было бы никакого верховного суда. Люди, обязанные преследовать злоупотребления, предпочли бы пользоваться ими. Знать уподобилась бы деспотическим государям, которые конфискуют имущества у всех, у кого только пожелают.

Вскоре на получаемые таким образом доходы стали бы смотреть как на законную собственность, которую корыстолюбие приумножало бы по собственному произволу. Доходы от откупов резко снизились бы, доходы государства были бы сведены почти к нулю. Вот причина того, почему некоторые государства без всяких заметных потрясений доходят до слабости, которая удивляет их соседей и даже их собственных граждан.

Законы должны также воспрепятствовать знати заниматься торговлей, иначе такие могущественные купцы заведут всякого рода монополии. Торговля требует равенства между лицами, занимающимися ею, и из всех деспотических государств самые несчастные те, где государь занимается торговлей. Законы Венеции запрещают дворянам торговлю, которая могла бы дать им возможность приобретать слишком большие богатства даже невинными средствами.

Законы должны во что бы то ни стало заставить знать оказывать правосудие народу. Если они не создали должности трибуна, то они сами должны быть трибуном.

Всякая возможность обойти закон губит аристократию и приближает тиранию. Во все времена законы должны обуздывать высокомерие тех, кому принадлежит господство. Необходимо учреждение — временное или постоянное, — которое заставляло бы трепетать дворян,

учреждение, подобное тем эфорам Спарты и государственным инквизиторам Венеции, деятельность которых не была стеснена никакими формальностями. Это правление нуждается в крутых, сильно действующих мерах, В Венеции к услугам доносчиков была вечно открытая щель каменного ящика, словно разверстая пасть тирании. Эти тиранические учреждения аристократии соответствуют цензуре в демократии, которая по своей природе не менее независима. В самом деле, цензоры не подлежат ответственности за свои действия на протяжении всего срока исполнения ими своих обязанностей. Им надо доверять и никогда не убивать в них энергии. Римляне были замечательны в этом отношении: они позволяли требовать отчета у всех должностных лиц, за исключением цензоров. Две вещи пагубны для аристократии: крайняя бедность знати и ее чрезмерное богатство. Чтобы предупредить обеднение знати, надо более всего стараться обязать ее к своевременной уплате долгов. Чтобы умерять ее богатство, необходимо прибегать к мерам благоразумным и незаметным, но отнюдь не к конфискациям, аграрным законам, отмене долгов, что причиняет бесчисленные бедствия.

Законы должны отменить у дворян право первородства, дабы имущества уравнивались путем постоянного раздела наследств. Не следует допускать субституций, выкупа родовых имений, майоратов, усыновлений. Все средства, изобретенные в монархических государствах для поддержания могущества отдельных родов, не должны иметь места в государствах аристократических.

Уравняв роды, закон должен еще поддерживать между ними дух единения. Раздоры между дворянами должны разрешаться быстро, иначе споры между лицами обращаются в родовые распри. Эти споры могут разрешаться или предупреждаться посредниками.

Наконец, законы отнюдь не должны покровительствовать тем различиям, которые устанавливает между семействами тщеславие под предлогом большей знатности или древности. Такие притязания следует рассматривать как проявление мелочности со стороны отдельных лиц.

Достаточно бросить взгляд на Лакедемон, чтобы увидеть, как умело справлялись там эфоры со слабостями царей, вельмож и народа.

Глава IX. О соответствии законов монархии их принципу

Так как принцип этого образа правления — честь, то законы его должны соответствовать этому принципу.

Они должны поддерживать знать, которая есть, так сказать, и создатель и создание этой чести.

Они должны установить наследственность дворянства, но для того чтобы оно было не стеной между силой государя и слабостью народа, а связью между ними.

Субституции, как средство, препятствующее переходу семейного имущества в чужие руки, очень полезны для этого образа правления, хотя неуместны в прочих.

Обязательный выкуп родового имущества возвращает в дворянские семьи земли, отчужденные мотовством какого-нибудь родственника.

Дворянские земли должны обладать привилегиями, подобно лицам. Нельзя отделить достоинство государя от достоинства его государства, точно так же нельзя отделять и достоинство дворянина от достоинства его поместья.

Все эти прерогативы должны составлять особенности дворянства; их нельзя предоставлять народу, если не желают поколебать принцип правления и подорвать силы и дворянства и народа.

Право субституций стеснительно для торговли; выкуп родового имущества порождает бесчисленные тяжбы; все запроданные земли государства остаются по меньшей мере в продолжение года без владельца. Прерогативы, связанные с феодами, очень обременительны для тех, кто их получает, но все эти неудобства, связанные с существованием дворянства, исчезают перед приносимой им общей пользой. Однако предоставить подобные привилегии народу значит поколебать без всякой необходимости все принципы правления. В монархиях можно разрешить отцу завещать большую часть своего имущества одному из сыновей. Собственно, только здесь и уместно такое разрешение.

Законы должны покровительствовать всякой торговле, допускаемой этим образом правления, дабы подданные могли без крайнего разорения удовлетворять вечно возрождающиеся потребности государя и его двора. Законы должны внести некоторый порядок в способ взимания налогов, дабы он не стал тяжелее самих налогов.

Тяжелые налоги вызывают непосильный труд; труд — изнурение; изнурение — дух лености.

Глава X. О быстром выполнении дел в монархии

Монархическое правление имеет одно преимущество перед республиканским: так как дела там ведутся одним лицом, то они выполняются скорее. Но чтобы эта скорость не выродилась во вредную поспешность, законы должны внести в нее некоторые замедления. Они должны не только покровительствовать природе каждого образа правления, но и противодействовать тем злоупотреблениям, которые могут явиться следствием этой природы.

Кардинал Ришелье не хотел допускать в монархиях образования промышленных компаний, которые создают так много затруднений. У этого человека деспотизм был не только в сердце, но и в голове. Учреждения, обязанные охранять законы, всего лучше исполняют свои обязанности, когда они двигаются замедленным шагом и вносят в обсуждение дел государя ту обдуманность, которой невозможно ожидать ни от малосведущих в законах государства придворных, ни от торопливых государственных советов.

Что стало бы с самой лучшей в мире монархией, если бы должностные лица своей медлительностью, своими жалобами и пробами не останавливали даже добрых порывов своих Саомц когда те, повинаясь только одним влечениям своей &Мкои души, захотели бы награждать выше всякой меры за услуги, оказанные им мужеством и преданностью, также не знавшими меры?

Глава XI. О преимуществах монархического образа правления

Монархическое правление имеет одно большое преимущество перед деспотическим. Так как самая природа этого правления требует наличия нескольких сословий, на которые опирается власть государя, то благодаря этому государство получает большую устойчивость; его строй оказывается более прочным, а личность правителей — в большей безопасности. Цицерон считает, что учреждение в Риме трибунов было спасением республики. «В самом деле, — говорит он, — сила народа ужаснее, когда у него нет предводителя. Предводитель чувствует, что он за все будет в ответе, и озабочен этим, между тем как ослепленный страстью народ не

видит опасностей, которым он себя подвергает». Это рассуждение приложимо и к деспотическому государству, которое есть народ без трибунов, и к монархии, где у народа есть нечто подобное трибунам.

В самом деле, мы всюду видим, что в волнениях, происходящих в деспотических государствах, народ, предоставленный самому себе, доводит всякое дело до крайних пределов возможного, совершая ужасные беспорядки, между тем как в монархиях такие крайности случаются очень редко. Предводители боятся за себя; они опасаются быть покинутыми; зависимые посредствующие власти не хотят, чтобы народ забрал слишком много силы. Государственные чины редко бывают полностью развращены; государь опирается на них, и бунтовщики, не имея ни желаний, ни надежды ниспровергнуть государство, не могут и не хотят низвергнуть государя.

При таких обстоятельствах люди, обладающие благоразумием и властью, выступают в качестве посредников. Начинаются переговоры, уступки, смягчения, законы снова вступают в силу и заставляют себе повиноваться. Вот почему наша история полна рассказов о гражданских войнах без переворотов; история каждого деспотического государства изобилует переворотами без гражданских войн.

Те, кто писал историю гражданских войн в разных государствах, и даже те, кто возбуждал эти войны, достаточно убеждают нас, насколько мало подозрительной должна казаться государям та власть, которую они предоставляют некоторым государственным сословиям, ибо и писатели, и народные предводители даже среди своих заблуждений не переставали вздыхать о законах и своем долге и более сдерживали пылкую стремительность мятежных элементов, чем содействовали ей.

Кардинал Ришелье, полагая, может быть, что он уже слишком пренебрежительно относился к сословиям государства, обратился для поддержки государства к добродетелям государя и его министров, требуя от них такой пронизательности, такого просвещения, такого мужества и таких познаний, что надо поистине быть ангелом, чтобы иметь все это. Едва ли позволительно надеяться, что за все время от наших дней до исчезновения монархий будет когда-либо такой государь и такие министры.

Народы, которые живут под охраной хорошего управления, счастливее тех, которые, не зная ни законов, ни начальников, скитаются по лесам; подобно тому и монархи, которые подчиняются основным законам своего государства, счастливее тех деспотических государей, у которых нет ничего способного управлять сердцами их подданных и даже собственным сердцем.

Глава XII. Продолжение той же темы

Не ищите великодушия в деспотических государствах; государь не может передать там своим подданным величия, которого нет у него самого; слава не живет в его владениях.

Только в монархиях мы видим вокруг государя подданных, озаряемых лучами его света; только тут каждый, занимая, так сказать, более значительное пространство, может проявлять те добродетели, которые, не развивая в душе чувства независимости, все же придают ей величие.

Глава XIII. Идея деспотизма

Когда дикари Луизианы хотят достать плод с дерева, они срубают дерево под корень и срывают плод. Таково деспотическое правление.

Глава XIV. О соответствии законов деспотического правления их принципу

Принцип деспотического правления — страх; но для народов робких, невежественных, угнетенных не нужно много законов.

Тут все должно держаться на двух, трех идеях — новых и не требуется. Обучая чему-нибудь животное, надо всего более остерегаться менять учителей, уроки и приемы обучения. Вы запечатлеваете в его мозгу два-три движения — не больше.

Если государь живет затворником, то он не может выйти из приюта своих наслаждений, не приведя в отчаяние всех, кто удерживает его там. Все эти люди боятся, чтобы его личность и власть не перешли из их рук в другие, поэтому он редко ведет войну лично и тем более боится доверить руководство военными действиями своим полководцам,

Такой государь, не привыкший встречать в своем дворце никакого противодействия, возмущается сопротивлением, которое ему оказывают с оружием в руках, поэтому он обыкновенно действует в таких случаях под влиянием гнева или мстительности. К тому же он не может иметь понятия об истинной славе. Поэтому войны здесь ведутся с первобытной свирепостью и международное право имеет менее влияния, чем при других правлениях.

Такой государь имеет столько пороков, что следует опасаться выводить на показ его тупость. Его скрывают, и никто не знает, в каком он находится состоянии. К счастью, люди в этих странах таковы, что управлять ими можно и одним только именем государя.

Когда Карл XII, будучи в Вендорах, встретил некоторое противодействие своей воле со стороны сената Швеции, он написал сенаторам, что пришлет командовать ими свой сапог. Этот сапог командовал бы не хуже деспотического государя.

Если государь попал в плен, он считается умершим и на престол вступает другой. Договоры, заключаемые пленником, не имеют силы; его преемник не утвердит их. В самом деле, так как в его лице соединены и законы, и государство, и государь, то раз он не государь, то он уже ничто, и если бы его не сочли умершим, то государство оказалось бы разрушенным. На решение турок заключить сепаратный мир с Петром I всего более повлияло то, что московиты сообщили визирю, будто в Швеции посадили на престол другого короля.

Охрана государства сводится здесь к охране государя, или, скорее, к охране дворца, где он пребывает безвыходно. Все, что не угрожает непосредственно этому дворцу или столице, не производит никакого впечатления на невежественные, надменные и предубежденные умы; что же касается до взаимной связи событий, то эти люди не в состоянии ни следить за нею, ни предвидеть ее, ни даже думать о ней. Политика, ее средства и ее законы являются здесь в виде очень ограниченном, и политическое управление тут столь же просто, как и гражданское.

Все сводится к тому, чтобы согласовать политическое и гражданское управление с домашним и объединить должностных лиц государства с должностными лицами сераля.

Самое лучшее положение для такого государства будет то, при котором оно как бы существует одно на свете, когда оно окружено пустынями и изолировано от других народов, которых оно называет варварами. Поскольку оно не может полагаться на свои войска, оно иногда находит нужным уничтожить некоторую часть самого себя.

Если принцип деспотического государства — страх, то цель его — тишина; но это не тишина мира, а затишье города, ожидающего вступления неприятеля. Так как сила государства заключается не в нем самом, а в войске, которое его основало, то это войско необходимо сохранять для защиты государства, а между тем оно страшно самому государю. Как же согласовать безопасность государства с безопасностью особы его государя?

Посмотрите, с каким усердием старается московское правительство освободиться от деспотизма, который тяготит его даже более, чем его народы. Были уничтожены целые большие отряды войска, смягчены наказания за преступления, учреждены суды, начали знакомиться с законами и просвещать народ. Но есть особые причины, которые, может быть, снова ввергнут его в то бедствие, которого оно старалось избежать. В этих государствах религия имеет большее влияние, чем во всех прочих; она — страх, прибавленный к страху. Отчасти из ее источника и черпает народ в магометанских государствах ту изумительную преданность, которую он питает к своим государям.

Религия же несколько исправляет и недостатки турецкого государственного строя. Подданные, не связанные с величием и славой своего государства принципами чести, связываются с ним силой и принципом религии. Из всех деспотических государств нет ни одного, которое так обременяло бы самого себя, как то, где государь объявляет себя собственником всех земель и наследником всех своих подданных. Неизбежным следствием этого бывает то, что земли перестают обрабатываться, а если государь к тому же занимается торговлей, то оказывается разрушенной и всякая промышленность.

В таких государствах ничего не исправляют, ничего не улучшают; дома строятся там лишь на время жизни их владельца; там не роют канав, не сажают деревьев; там извлекают из земли все, что она может дать, и ничего не отдают ей обратно; там все запущено, везде пустыня.

Быть может, вы думаете, что законы, отменяющие земельную собственность и наследование имуществ, ослабят скупость и жадность вельмож? Нет, это только еще более усилит их жадность и скупость. Они станут считать своим только то золото или серебро, которое им удастся украсть и припрятать, и потому будут совершать тысячи вымогательств.

Чтобы не все погибло, надо, чтобы корыстолюбие государя умерялось каким-нибудь обычаем. Так, в Турции государь обыкновенно довольствуется взиманием трех процентов со всех наследств простого народа. Но так как великий государь раздает большую часть земель своей армии и располагает ими по собственному произволу, так как он захватывает все наследства чиновников империи и так как в случае смерти человека, не оставившего после себя детей мужского пола, его имущество становится собственностью великого государя, а дочери умершего имеют только право пользования им, то в конечном счете владение большей частью имуществ в государстве является весьма непрочным.

По закону Бантама царь получает в наследство даже жену, детей и дом покойного. Во избежание самого жестокого последствия этого закона там женят детей в возрасте десяти, девяти, восьми лет, а иногда и того моложе, чтобы избавить их от горькой участи стать частью отцовского наследства. В государствах, не имеющих основных законов, не может быть определенного порядка наследования престола. Там государь сам избирает себе преемника в своем семействе или вне его. Напрасно было бы устанавливать право престолонаследия за старшим сыном; государь всегда может избрать другого. Преемник определяется или самим государем, или его министрами, или междоусобной войной. Таким образом, в этом государстве по сравнению с монархией имеется еще одна лишняя причина для разложения.

Так как все члены семьи государя имеют равные права на избрание в преемники ему, то отсюда проистекает, что тот из них, кто вступил на престол, первым делом или приказывает передуть своих братьев, как в Турции; или ослепляет их, как в Персии; или объявляет их сумасшедшими, как у Могола; если же ни одна из этих мер предосторожности не принята, как в Марокко, то каждый случай вакантности престола сопровождается ужасными междоусобиями.

В Московском государстве царь волен избрать себе в преемники кого хочет или в своем семействе, или вне его. Такое установление о преемственности порождает тысячи смут и делает положение престола настолько шатким, насколько произвольна его преемственность. Так как порядок престолонаследия принадлежит к вещам, которые всего важнее знать народу, то лучшим будет тот, который основан на фактах наиболее очевидных, каковы, например, рождение или известный порядок родства. Такое установление прекращает интриги и пресекает замыслы властолюбия; при нем уже нет надобности стараться овладеть умом слабого государя и заставлять говорить умирающих.

Когда порядок престолонаследия установлен основным законом, наследником престола является только одно лицо и у братьев его нет уже никакого действительного или кажущегося права оспаривать у него корону. Никто уже не может строить догадок по поводу воли государя или ссылаться на нее; отнимать свободу или жизнь у брата государя так же мало надобности, как и у всякого другого подданного.

Но в деспотических государствах, где братья государя являются в одно и то же время и его рабами и его соперниками, осторожность велит держать их в руках, особенно в магометанских странах, где в победе и удаче религия видит суд божий и где вследствие этого все государи царствуют не в силу права, а в силу факта.

В государствах, где принцы крови знают, что если они не захватят престол, то будут заключены в тюрьму или преданы смерти, стремление к власти сильнее, чем у нас, где принцы крови пользуются положением, достаточно удовлетворительным если не для честолюбия, то для более скромных желаний. Деспотические государи всегда злоупотребляли браком. Они обыкновенно берут себе несколько жен, особенно в той

части света, где деспотизм, так сказать, натурализован, т. е. в Азии. И у них такое множество детей, что ни между отцом и детьми, ни между самими детьми не может существовать никакого родственного чувства.

Царская семья походит на государство: она слишком бессильна, а ее глава слишком могуществен; она обширна, но доведена до полного ничтожества, Артаксеркс умертвил всех своих детей за то, что они составили против него заговор, Трудно, однако, поверить, чтобы 50 человек детей устроили заговор против отца, и еще менее правдоподобно, что они затеяли этот заговор потому, что их отец не пожелал уступить своей наложницы старшему сыну. Гораздо проще объяснить все это одной из интриг сералей Востока, этих мест, где притворство, злоба и хитрость царствуют в тишине под покровом непроницаемого мрака и где дряхлый государь, глупеющий с каждым днем, является первым пленником дворца.

После всего сказанного естественно возникает мысль, что человеческая природа будет постоянно возмущаться против деспотического правления; но, несмотря на любовь людей к свободе, несмотря на их ненависть к насилию, большая часть народов все же подчинилась деспотизму. И нетрудно понять, почему это произошло. Чтобы образовать умеренное правление, надо уметь комбинировать власти, регулировать их, умерять, приводить их в действие, подбавлять, так сказать, балласту одной, чтобы она могла уравновешивать другую; это такой шедевр законодательства, который редко удается выполнить случаю и который редко позволяют выполнить благоразумию. Напротив, деспотическое правление, так сказать, само бросается в глаза; оно повсюду единообразно, и так как, чтобы установить его, не нужно ничего, кроме страстей, то на это всякий пригоден,

Глава XV. Продолжение той же темы

В жарких климатах, где обыкновенно царит деспотизм, страсти пробуждаются раньше и раньше затихают, умственные способности скорее достигают зрелости; там меньше соблазнов для расточительности, меньше возможностей отличиться, меньше общения между молодыми людьми, которые живут в своих домах, как затворники; там женятся раньше, и потому права совершеннолетия там предоставляют в более раннем возрасте, чем в наших европейских климатах. В Турции

совершеннолетие считается с возраста пятнадцати лет. Там нельзя освободиться от долгов уступкой своего имущества кредитору. В государстве, где личность не имеет обеспеченного имущества, ссуды делаются более лицу, чем его имуществу.

Такого рода передача имущества естественна в правлениях умеренного типа, особенно в республиках, вследствие большего доверия к добросовестности граждан в этих государствах и большей мягкости нравов, порождаемой формой правления, которую каждый как бы сам для себя создал.

Если бы законодатели установили уступку имущества в римской республике, то эта республика не подверглась бы стольким мятежам и гражданским неурядицам и не извела бы ни опасностей недугов, ни пагубных последствий лекарств. Бедность и непрочность владения имуществами в деспотических государствах неизбежно приводят к развитию в них ростовщичества, так как цена денег там, естественно, увеличивается соответственно риску, которому подвергается каждый, кто их ссужает. Таким образом, нищета проникает в эти государства со всех сторон. Они лишены всего, даже возможности делать займы.

Поэтому купец не может там вести крупной торговли; он живет сегодняшним днем: если он сделает большие запасы товаров, то одна уплата процентов за ссуженные ему на эту покупку деньги превысит все его барыши от продажи товаров. Вследствие этого там не существует особых законов для торговли; они сводятся к простому полицейскому надзору.

Государство не может быть несправедливым, не имея в своем распоряжении рук, посредством которых эти несправедливости совершаются. Но невозможно допустить, чтобы эти руки не порадили и о самих себе, поэтому расхищение государственной казны становится в государствах деспотических явлением естественным.

Ввиду обычности этого преступления там полезны конфискации. Ими утешают народ; они доставляют государю обильную денежную дань, которую ему было бы трудно собрать со своего разоренного народа; в этих государствах нет ни одной семьи, которую желали бы сохранить.

Иное дело в государствах умеренного типа. Там конфискации поколебали бы право собственности" разорили бы ни в чем неповинных детей, ради наказания одного виновного разрушили бы всю семью. В республиках конфискации, лишая гражданина всех средств к жизни, причинили бы зло нарушением равенства, которое составляет душу этого правления.

В Риме был закон, допускавший конфискацию только в случаях преступления оскорбления величества. Во многих случаях было бы очень благоразумно, следуя духу этого закона, ограничивать конфискации лишь известными видами преступлений. Воден вполне основательно говорит, что в стране, где раздельность имущества супругов определена обычаем, конфискации должны бы подлежать только одни благоприобретенные ими имущества, не состоящие в их общем владении.

Глава XVI. О передаче власти

В деспотических государствах власть переходит целиком в руки того, кому она доверена. Визирь есть сам деспот, и каждый чиновник есть визирь. В монархических правлениях власть не передается в такой непосредственной полноте. Передавая власть, государь ограничивает ее. Он так распределяет ее, что никогда не передаст другому какую-то долю своей власти, не удержав за собою большей части ее.

Так, в монархических государствах отдельные правители городов, будучи зависимы от правителей провинции, еще в большей степени зависят от государя, и начальники отдельных частей армии, находясь в подчинении у своих генералов, состоят еще в большем подчинении у государя.

В большинстве монархических государств благоразумно установлено, что лица, имеющие более или менее высокие военные звания, не числятся постоянными командирами той или иной части войска, так что, получая назначение лишь по специальному приказу государя, могут быть использованы на службе или оставлены не у дел; таким образом, они в одно и то же время находятся на службе и как бы оказываются вне ее.

Но это несовместимо с духом деспотического правления, так как допустить существование лиц, которые, не имея определенного служебного положения, тем не менее обладали бы титулами и прерогативами, значило бы допустить в государстве существование лиц, которые значительны сами по себе, что противоречило бы природе этого государства.

Если бы правитель города был независим от паша, то для того, чтобы установить согласие между ними, пришлось бы прибегать к постоянным уступкам и смягчениям; предположение нелепое при деспотическом правлении. Кроме того, если бы начальник города мог отказать в повиновении паше, то как же мог бы паша отвечать головой за свою провинцию?

В этом государстве власти не могут быть уравновешены — как власть последнего чиновника, так и власть самого деспота. В государствах умеренных закон везде разумен, он всем известен, и самые низшие должностные лица имеют возможность руководствоваться им. Но при деспотическом правлении, где закон есть воля государя, как бы ни был мудр этот государь, чиновник все-таки не может руководствоваться его волей, потому что не может знать ее, и потому он руководствуется собственной волей.

Мало того: так как закон есть то, чего желает государь, а государь может желать лишь того, что он знает, то является надобность в бесконечном множестве лиц, которые желали бы за него и так, как он.

Наконец, так как закон есть непредвиденное проявление воли государя, то необходимо, чтобы проявление воли тех, которые желают за него, было таким же быстрым и внезапным, как и его собственное.

Глава XVII. О подарках

В деспотических государствах существует обычай, согласно которому всякое обращение к высшему лицу и даже к самим государям должно сопровождаться приношениями. Император Могола не принимает просьб от своих подданных без какого-нибудь приношения с их стороны. Эти государи доходят до того, что за подарки продают свои милости.

Так оно и должно быть в государстве, где нет граждан, в государстве, где все убеждены, что высший не имеет никаких обязательств по отношению к низшему; в государстве, где люди думают, что единственная связь между ними состоит лишь в карах, которые одни налагают на других; в государстве, где мало делается дел и где редко встречается надобность обращаться к высокопоставленному лицу с просьбами и еще того реже — с жалобами.

В республике эти подарки ненавистны, потому что добродетель в них не нуждается. В монархии честь является более сильным двигателем, чем подарки. Но в деспотическом государстве, где нет ни добродетели, ни чести, человека можно побудить к деятельности лишь надеждой на умножение его житейских удобств.

Именно руководствуясь идеей республики, Платон требовал, чтобы лица, принимающие подарки за исполнение своего долга, были наказуемы смертью. «Не следует принимать подарков ни за хорошие, ни за дурные дела», — говорит он.

Римский закон, позволявший должностным лицам принимать небольшие приношения при том условии, чтобы их общая стоимость не превышала ста экю в год, был очень дурным законом. Кому ничего не дают, тот ничего и не желает; те же, кому дают мало, вскоре пожелают большего, а потом и многого. К тому же легче вразумить того, кто, будучи обязан не брать ничего, берет нечто, чем того, кто берет больше, чем ему дозволено брать, всегда находя для этого какие-либо предлоги, извинения, причины и оправдывающие его обстоятельства.

Глава XVIII. О раздаваемых государем наградах

В деспотических государствах, где, как уже мы сказали, люди побуждаются к деятельности лишь надеждой на увеличение своих житейских удобств, государь может награждать только деньгами. В монархии, где господствует одна честь, государь мог бы награждать только одними почетными отличиями, но так как эти установленные честью отличия связаны с роскошью, которая неизбежно порождает новые потребности, то государь награждает там почестями, ведущими к богатству. В республике же, где властвует добродетель, двигатель

самодовлеющий и исключаящий все прочие, государство награждает только одним засвидетельствованием этой добродетели.

Крупные награды служат признаком упадка — это общее правило как для республики, так и для монархии; появление таких наград указывает на то, что основные начала правления испорчены, что, с одной стороны, понятие чести утратило прежнюю силу, а с другой — ослабели гражданские добродетели.

Самые худшие из римских императоров были в то же время самыми щедрыми на награды. Таковы, например, Калигула, Клавдий, Нерон, Оттон, Вителлий, Коммод, Гелиогабал и Каракалла.

Лучшие же, как Август, Веспасиан, Антонин Пий, Марк Аврелий и Пертинакс, были, напротив, самыми экономными в этом отношении. При хороших императорах государство снова возвращалось к своим принципам и сокровище чести заменяло все прочие сокровища.

Глава XIX. Другие последствия принципов трех видов правления

Не могу закончить этой книги, не сделав еще несколько применений моих трех принципов.

Первый вопрос. Должны ли законы понуждать гражданина к принятию общественных должностей? Отвечаю: да, должны, но только в республиканском правлении, а не монархическом. В республике общественная должность является свидетельством добродетели, драгоценным залогом, который отечество вверяет гражданину, и так как вся жизнь, деятельность и все мысли последнего должны принадлежать отечеству, то он и не может отказываться от этих должностей. В монархии они являются свидетельством чести, своеобразные правила этой чести требуют, чтобы человек принимал их лишь тогда, когда это ему угодно, и в таком виде, в каком это ему угодно. Покойный король Оардинии наказывал тех, которые отказывались от должностей и службы в его государстве. Сам того не сознавая, он действовал в духе республиканских идей. Впрочем, приемами своего правления он достаточно доказал, что осуществление этих идей не входило в его намерения.

Второй вопрос. Заслуживает ли одобрения правило, согласно которому можно обязать гражданина занять в войске место, низшее по сравнению с тем, которое он там занимал прежде? В Риме воину часто приходилось служить под начальством человека, который год тому назад был его подчиненным. Это потому, что республиканская добродетель требует постоянного самопожертвования во всех отношениях ради государства. Но в монархическом государстве честь, истинная или ложная, видит в этом несовместимое с ее правилами унижение человека.

В деспотических государствах, где равно злоупотребляют и честью, и местами, и рангами, с одинаковой легкостью превращают государя в батрака и батрака в государя.

Третий вопрос. Следует ли соединять в руках одного лица исполнение гражданской и военной должности? В республике надо их соединять, а в монархии разделять. В республике было бы опасно превращать армию в особое сословие, отличное от гражданского, а в монархии не менее опасно было бы соединять исполнение обеих этих должностей в руках одного и того же лица. В республике люди берутся за оружие лишь в качестве защитников законов и отечества; человек становится на некоторое время солдатом именно потому, что он гражданин. При наличии же двух различных сословий каждому, кто, состоя в армии, продолжал бы считать себя гражданином, могли бы дать почувствовать, что он не более как солдат.

В монархиях военные стремятся только к славе или по меньшей мере к чести или богатству. Таким людям отнюдь не следует поручать гражданских должностей; необходимо, напротив, чтобы гражданские власти обуздывали их. Недопустимо, чтобы одни и те же лица обладали одновременно и доверием народа и силой, позволяющей злоупотреблять этим доверием.

Посмотрите, как опасаются возникновения обособленного военного сословия в государстве, где под формой монархии скрывается республика; там воин не перестает быть гражданином и даже должностным лицом, дабы оба эти качества служили залогом его преданности отечеству и постоянно напоминали ему о его обязанностях.

Разделение должностей на военные и гражданские, произведенное римлянами после падения республики, не было делом произвола. Оно явилось следствием изменения римского государственного строя; оно соответствовало природе монархического правления; дело, начатое при Августе, должны были завершить последующие императоры для обуздания военного правления.

Прокоп, соперник Валента в борьбе за императорскую власть, совершенно не понимал этого, когда, возведя персидского царевича Гормизда в звание проконсула, он возвратил проконсулу принадлежавшее ему некогда командование войсками; возможно, впрочем, что у него были для этого особые причины. Человек, стремящийся к верховной власти, более заботится о собственной пользе, чем о пользе государства.

Четвертый вопрос. Следует ли допускать продажу должностей? В деспотических государствах, где государь назначает и смещает должностных лиц по собственному произволу, должности не должны продаваться.

Но в монархических государствах их продажа полезна, потому что она заставляет людей заниматься, как семейным ремеслом, тем или иным видом деятельности, которым они не стали бы заниматься из любви к добродетели, ибо она каждому определяет его долг и придает более устойчивости и постоянства сословиям. Свидя недаром сказал, что Анастасий посредством продажи всех государственных должностей сделал из империи нечто вроде аристократии.

Платон не терпел такой продажи. «Это то же самое, — говорит он, — как если бы кого-либо приняли на корабль кормчим или матросом за его деньги». Может ли обычай, вредный для всякого житейского дела, оказаться полезным только для руководства республикой? Однако Платон говорит о республике, основанной на добродетели, а мы говорим о монархии. Но если бы в монархии должности не продавались согласно публично установленным правилам, то они все-таки стали бы продажными вследствие корыстолюбия и жадности придворных; случай доставит лучших покупателей, чем выбор государя.

Наконец, самый способ возвышаться посредством богатства поддерживает и поощряет промышленность, в чем всегда очень нуждается этого рода правление.

Пятый вопрос. Для какого правления нужны цензоры? Они нужны для республики, где принцип правления — добродетель. Добродетель разрушается не одними только преступлениями, но также и небрежностью, ошибками, недостатком любви к отечеству, опасными примерами, семенами порчи, всем, что, не нарушая закона, обходит его и что, не уничтожая его силы, ослабляет ее. Все это должно быть исправляемо цензорами. Нас удивляет наказание, которому подвергли члена Ареопага за то, что он убил воробья, спрятавшегося у него на груди от преследования ястреба. Мы поражены тем, что Ареопаг предал смерти ребенка за то, что тот выколол глаза птичке. Но надо иметь в виду, что тут дело идет не о приговорах уголовного суда, а о решениях суда нравственного в республике, основанной на нравственности.

Монархии не нуждаются в цензорах; эти правления основаны на чести, а природа чести в том и состоит, что для нее весь мир — цензор. Всякий человек, преступивший правила чести, услышит упреки даже от тех, у кого ее совсем нет.

Тут сами цензоры были бы развращены теми, кого им следовало исправлять. Они были бы не в силах бороться с распространенной в монархии испорченностью — эта испорченность оказалась бы сильнее их. Понятно, что для деспотического правления цензоры совсем не нужны. Китай, по-видимому, является исключением из этого правила; но мы изложим впоследствии особые причины этого обстоятельства.

Книга шестая. Влияние, оказываемое принципами различных образов правления на простоту гражданских и уголовных законов, на формы судопроизводства и определение наказаний

Глава I. О простоте гражданских законов в различных видах правления

При монархическом правлении законы не могут отличаться такой простотой, как при деспотическом правлении. Здесь нужны суды. Эти суды выносят приговоры. Приговоры эти надо хранить и изучать для

того, чтобы суд действовал сегодня так же, как он действовал вчера, и чтобы собственность и жизнь граждан были столь же прочно и определенно обеспечены, как и само государственное устройство.

В монархии отправление правосудия, решениям которого подлежат не только имущество и жизнь, но также и честь человека, требует тщательных изысканий. Чем шире ведомство суда, чем важнее интересы, подлежащие его решениям, тем внимательнее и осмотрительнее становится судья. Поэтому не следует удивляться, что законы этого государства отличаются таким обилием правил, оговорок и распространений, благодаря которым умножается количество частных случаев и самый разум обращается, по-видимому, в особого рода искусство.

Установленное в монархиях различие людей по их званию, происхождению, положению часто приводит к установлению различий в характере их имущества, и законы этого государственного строя могут увеличивать количество таких различий. Так, у нас имеется имущество собственное и общее или сообща приобретенное, полученное в приданое и принадлежащее исключительно жене, отцовское и материнское, разного рода движимость, имущество свободное и ограниченное субституцией, родовое или неродовое, имущество дворянское — белопоместное и простонародное, ренты поземельные или денежные. Каждый вид имущества подчинен особым правилам, согласно которым им располагают, и все это еще более усложняет дело,

В наших государствах феодалы стали наследственными поместьями. Надо было обеспечить дворянство в имущественном отношении, т. е. придать некоторую прочность феодалу для того, чтобы собственник его был в состоянии нести службу государю. Это неизбежно породило множество различий: в одних странах, например, феодалы не могли быть разделены между братьями, в других — младшие братья получали более значительное обеспечение. Монарх, знающий положение каждой из своих провинций, может создавать различные законы и допускать существование разнообразных обычаев. Но деспот ничего не знает и ни за чем не может следить; его приемы всегда одинаковы; он всем управляет своею суровою волею, которая всюду одинакова; все уравнивается под его стопами.

По мере того как в монархиях деятельность судов расширяется, их приговоры становятся предметом изучения юриспруденции, так как в этих приговорах иногда встречаются противоречия или вследствие того, что сменявшие друг друга судьи не все были одинакового мнения; или потому, что из двух одинаковых дел одно было проведено более умело, чем другое; или, наконец, по причине бесчисленных злоупотреблений, которые неминуемо вкрадываются во все дела рук человеческих. Это неизбежное зло, которое законодатель от времени до времени исправляет, как нечто противное духу умеренного образа правления, так как деятельность судов должна быть обусловлена природой государственного устройства, а не противоречиями и неопределенностью законов.

В правлениях, где имеются необходимые различия между лицами, должны существовать и привилегии. Это еще более вредит простоте и порождает тысячи исключений.

Одна из привилегий, наименее обременительных для общества и в особенности для тех, кто ее предоставляет, состоит в праве быть подсудным определенному суду предпочтительно перед всеми остальными. И вот возникает новый ряд дел, предмет которых состоит в том, чтобы установить, к какому именно суду должен обратиться истец.

В деспотических государствах положение народа совсем иное. Я даже не нахожу там никакого повода для деятельности законодателя или судьи. Так как все земли принадлежат государю, то там нет почти никаких гражданских законов о земельной собственности. Так как государь наследует своим подданным, то нет там также и законов о наследстве. Принадлежащее государю исключительное право торговли в некоторых странах устраняет надобность во всяком торговом законодательстве. Браки, заключаемые с рабынями, делают ненужными гражданские законы о приданом и о правах жены. Из этого всеобщего рабства вытекает еще и то следствие, что там почти вовсе нет людей, которые имели бы собственную волю и поэтому могли бы отвечать перед судьей за свое поведение. Большая часть нравственных действий обусловлена там волей отца, мужа, господина и определяется ими, а не судьями. Я забыл сказать, что так как то, что мы называем честью, почти неизвестно этих государствах, то все дела, касающиеся этого предмета и занимающие у нас такое огромное место, там совсем не существуют.

Деспотизм является самодовлеющим, вокруг него все пусто; поэтому путешественники, описывая страны, где он царствует, редко говорят нам о гражданских законах. Итак, там устранены всякие поводы к тяжбам и процессам. Этим отчасти объясняется, почему там так сурово обращаются с тяжущимися; несправедливость их притязаний, не будучи прикрыта, ограждена и замаскирована бесконечным множеством законов, выступает во всей своей наготе.

Глава II. О простоте уголовных законов в различных видах правления

Постоянно приходится слышать, что следовало бы везде отправлять правосудие так, как в Турции. Неужели только самые невежественные народы ясно уразумели то, что всего важнее в мире понимать людям?

Если вы взглянете на судейские формальности с точки зрения тех затруднений, которые встречает в них гражданин, добивающийся возвращения своего имущества или получения удовлетворения за нанесенную ему обиду, то вы, конечно, найдете, что их слишком много. Если вы рассмотрите их с точки зрения их отношения к свободе и безопасности граждан, то вы нередко найдете, что их слишком мало, и увидите, что все эти затруднения, издержки, проволочки и самые ошибки правосудия являются той ценой, которою каждый гражданин оплачивает свою свободу.

В Турции, где очень мало заботятся об имуществе, жизни и чести подданных, все тяжбы оканчиваются тем или другим решением очень быстро. Самый способ решения безразличен — лишь бы только решить. Паша, собрав некоторые сведения о деле, распределяет по внушению собственной фантазии палочные удары по пяткам тяжущихся и отсылает их по домам.

И там было бы очень опасно увлекаться страстью к тяжбам: эта страсть предполагает жгучую жажду добиться правосудия, ненависть, неугомонную деятельность ума, постоянство в преследовании цели. Всего этого следует избегать в государстве, где не разрешается иметь никакого

иного чувства, кроме страха, и где все внезапно и непредвиденно приводит к революциям. Здесь каждый должен понимать, что для него лучше, если должностные лица вовсе не будут знать о его существовании, и что безопасность его личности зависит от ее ничтожества.

Но в умеренных государствах голова малейшего из граждан имеет определенную ценность; здесь гражданина лишают имущества и чести только после долгого и внимательного расследования; здесь у него отнимают жизнь только тогда, когда само отечество выступает против него; но, выступив против него, оно предоставляет ему всевозможные средства защищать себя.

Поэтому всякий человек, власть которого близится к абсолютизму, начинает прежде всего заботиться об упрощении законов. В таком государстве обращают более внимания на устранение разных отдельных неудобств, чем на свободу подданных, о которой совсем перестают заботиться.

Мы видим, что в республике необходимо по меньшей мере такое же количество формальностей, как и в монархии. В том и другом правлении число их увеличивается с возрастанием уважения к чести, имуществу, жизни и свободе граждан.

Все люди равны в республиканских государствах, они равны и в деспотических государствах: в первом случае — потому, что они — все, во втором — потому, что все они — ничто.

Глава III. В каких правлениях и в каких случаях должно судить по букве закона

Чем более правление приближается к республиканскому, тем определеннее и точнее становится способ отправления правосудия. Большим недостатком Спартанской республики было то, что эфоры судили там произвольно, не руководствуясь никакими законами. В Риме первые консулы судили, как эфоры; неудобства этого суда вскоре стали очевидными" и были созданы определенные законы.

В деспотических государствах нет закона: там сам судья — закон. В монархических государствах есть законы, и если они ясны, то судья руководится ими, а если нет, то он старается уразуметь их дух. Природа республиканского правления требует, чтобы судья не отступал от буквы закона. Там нельзя истолковывать закон во вред гражданину, когда дело идет о его имуществе, его чести или его жизни.

В Риме судьи выносили решения только по вопросу о виновности подсудимого в известном преступлении, а наказание назначал закон, как это видно из различных созданных там законов. Точно так же и в Англии присяжные решают лишь вопрос о том, доказан или нет проступок, представленный на их рассмотрение; если он доказан, судья произносит наказание, установленное законом за такой проступок, для чего ему нужны только глаза.

Глава IV. О способах вынесения судебных приговоров

Отсюда следуют различные способы вынесения приговоров. В монархиях судьи действуют по образцу посредников; они сообща обсуждают, обмениваются мнениями, советуются, стараются согласовать свои суждения. Мнения самого незначительного меньшинства принимаются в расчет большинством. Все это не в природе республики. В Риме и в городах Греции судьи не общались друг с другом: каждый заявлял свое мнение в одной из трех формул: Оправдываю, Осуждаю, Сомневаюсь, так как там судил или предполагалось, что судит, народ. Но народ не юрист. Все эти судебские оговорки и средства к примирению сторон для него не годятся. Ему надо предъявить только один предмет, один только факт и требовать от него лишь того, чтобы он решил, следует ли ему обвинить, оправдать или отложить приговор.

Римляне по примеру греков ввели у себя особые формулы для исков и признали необходимым вести каждое дело по соответствующей ему исковой формуле. Это было необходимо при их способе вершить правосудие: надо было определить состряние вопроса с неизменной точностью, чтобы он был всегда на глазах у народа. Иначе в ходе какого-нибудь крупного процесса состояние вопроса будет непрерывно изменяться, и его нельзя будет узнать. Именно по этой причине у римлян судьи принимали просьбы только по точно определенному предмету,

который уже не подлежал никаким добавлениям, ограничениям и видоизменениям. Но преторы изобрели другие исковые формулы, которые получили название добросовестных. Эти формулы давали судье большую свободу в вынесении приговора, что более соответствовало духу монархии. Поэтому французские юристы говорят: Во Франции «все процессы ведутся по доброй совести».

Глава V. При каком образе правления государь сам может быть судьей

Макиавелли приписывает утрату свободы Флоренции тому, что там преступления оскорбления величества, совершаемые против народа, не судились, как в Риме, в народных собраниях. Эти дела рассматривались особым судом из восьми судей. Но, говорит Макиавелли, немногие и развращаются немногим. Я охотно согласился бы с этим великим человеком, но так как в данном случае политический интерес, так сказать, оказывает давление на интерес гражданский (потому что всегда возникают неудобства, если народ сам становится судьей в причиненных ему обидах), то для противодействия этому необходимо, чтобы законы сделали все возможное для ограждения безопасности частных лиц.

Законодатели Рима вынесли с этой целью два постановления: они дозволили обвиняемым избегать суда посредством добровольного изгнания и определили посвящать богам имущество осужденных, чтобы избежать его конфискации в пользу народа. В одиннадцатой книге будут изложены прочие постановления, ограничивавшие принадлежавшее народу право судопроизводства.

Солон отлично сумел предотвратить злоупотребления, которые могли бы возникнуть вследствие того, что народу принадлежало право судить преступления; он постановил, чтобы Ареопаг пересматривал дела, чтобы он снова обвинял перед народом того, кого считал несправедливо им оправданным, и, остановив исполнение приговора над тем, кого считал несправедливо обвиненным, требовал бы пересмотра его дела. Это был прекрасный закон: он подчинял народ контролю со стороны наиболее уважаемой им власти и заставлял его контролировать себя самого.

В ходе таких дел, особенно с момента ареста обвиненного, необходима некоторая медлительность для того, чтобы народ мог успокоиться и судить хладнокровно.

В деспотических государствах государь может судить сам, но он не должен быть судьей в монархиях: государственное устройство было бы разрушено, посредствующие и зависимые власти уничтожены и все формальности судопроизводства прекращены; во всех умах воцарился бы страх, на всех лицах бледность; исчезло бы взаимное доверие, исчезла бы честь, исчезла бы любовь; не было бы более безопасности, не было бы более монархии.

Вот и другие соображения. В монархических государствах государь является стороной, которая преследует обвиняемых, требует, чтобы они были наказаны или оправданы. Если бы он судил сам, то был бы в одно и то же время и судьей, и стороной.

В этих же государствах конфискованное имущество часто поступает в пользу государя: если бы он судил преступления, то опять-таки стал бы и судьей и заинтересованной стороной.

Сверх того, он лишился бы прекраснейшего атрибута своей власти — права помилования; было бы неразумно, если бы он выносил решения и затем сам же их отменял; он не пожелал бы противоречить самому себе. Не говоря уже о том, что при таком порядке оказались бы спутанными все понятия: никогда нельзя было бы знать, оправдан ли человек по суду или помилован государем.

Когда Людовик XIII пожелал сам быть судьей в процессе герцога де Лавалетта и, созвав для того в свой кабинет несколько парламентских чиновников и государственных советников, предложил им высказать свое мнение об аресте обвиняемого, президент Белльевр сказал, «что ему странно видеть государя, принимающего участие в процессе одного из своих подданных; что короли только милуют, предоставляя обвинять своим чиновникам; что Его Величеству не может быть приятно смотреть на сидящего перед ним на скамье подсудимых человека, который через час уйдет по его приговору на смертную казнь! Что особа государя, рассыпающая милости, не может выносить такого зрелища; что при

одном его виде отменяются церковные интердикты и что все должны выходить от государя не иначе как довольными». Когда стали рассматривать дело по существу, тот же президент подал такое мнение: «Этот суд не имеет себе примера и даже противоречит всем примерам прошлого по сей день, ибо никогда еще не было видано, чтобы король Франции в качестве судьи и в силу своего приговора осудил дворянина на смерть».

Личный суд государя явился бы неисчерпаемым источником несправедливостей и злоупотреблений. Назойливость придворных стала бы вынуждать государя выносить приговоры. Некоторые римские императоры были одержимы страстью судить, и они-то более всех удивили мир своими несправедливостями. Тацит говорит, что Клавдий, завладев делами и обязанностями судей, подал этим повод ко всевозможным хищениям. Поэтому следующий за Клавдием император Нерон, желая расположить к себе умы, заявил, «что он никогда не станет сам судить все дела, так как иначе обвинители и обвиняемые могли бы оказаться оставленными в стенах дворца на произвол нескольких вольноотпущенников».

«В царствование Аркадия, — говорит Зосима, — размножившаяся порода клеветников окружила и осквернила дворец государя. Когда человек умирал, его объявляли бездетным и раздавали его имущество по указу государя; так как сам император был необычайно глуп, а слишком предприимчивая императрица потакала ненасытной жадности своих слуг и приятельниц, то честным людям оставалось только желать смерти».

«В прежнее время, — говорит Прокопий, — при дворе было немного людей, но когда при Юстиниане судьи лишены были свободы вершить правосудие, суды стояли пустыми, между тем как дворец государя оглашался криками тяжущихся, которые хлопотали там о своих делах». Всеми миру известно, как там продавали приговоры и даже законы.

Законы — это глаза государя; благодаря им он видит то, чего без них не мог бы увидеть. Присваивая себе обязанности судьи, он действует не в свою пользу, а в пользу своих обольстителей, во вред самому себе.

Глава VI. О том, что в монархии министры не должны быть судьями

В монархиях возникают большие затруднения от того, что министры берутся сами решать спорные дела. И теперь еще мы видим государства, где есть множество судей для производства дел, касающихся казны, и где — кто бы этому поверил! — министры все еще хотят сами решать эти дела. Много можно было бы сказать против этого, но я ограничусь одним следующим соображением.

Между советом монарха и его судами существует некоторое противоречие, вытекающее из самой природы вещей. Совет короля должен состоять из немногих лиц, а суды требуют большого количества судей. Причина этого в том, что в первом случае за дела надо приниматься и вести их с некоторою страстью, чего можно ожидать лишь от группы, состоящей не более как из четырех или пяти лиц, всецело посвятивших себя этим делам. Наоборот, для ведения судебных дел необходимы деятели хладнокровные, для которых все дела были бы в известном смысле безразличны.

Глава VII. О единоличном судье

Такой судья возможен лишь в деспотическом государстве. Мы видим из истории Рима, до какой степени могут доходить злоупотребления подобного судьи. Как было Аппию не презирать законов в своем суде, когда он нарушил даже тот, который сам создал? Тит Ливии рассказал нам о бесчестной уловке этого децемвира. Он встретил человека, домогавшегося выдачи ему некоей Виргинии, как принадлежащей ему рабыни. Родственники Виргинии требовали, чтобы Аппий на основании изданного им же самим закона вручил Виргинию им впредь до окончательного приговора суда. Аппий объявил, что его закон издан лишь в пользу отца, а так как Виргиния находится в отсутствии, то этот закон не может быть применен к данному случаю.

Глава VIII. О способах обвинения в различных правлениях

В Риме дозволялось гражданину обвинять гражданина. Это было установлено в духе республики, где от каждого гражданина требуется

безграничное рвение к общественному благу и где предполагается, что каждый гражданин обладает всеми правами своего отечества. При императорах продолжали следовать правилам республики, что немедленно вызвало появление гнусной породы людей — своры доносчиков. Всякий, кто с большими пороками совмещал в себе большие способности и с низкой душой — честолюбивый ум, стал разыскивать преступника, осуждение которого было бы приятно государю. Это был путь к почестям и богатству, — вещь у нас невозможная.

Теперь у нас есть превосходный закон — тот именно закон, который требует, чтобы государь, обязанность которого — добиваться соблюдения законов, приставил к каждому суду чиновника для преследования от его имени всех преступлений. Таким образом, функция доносчика у нас неизвестна; а если этого публичного обвинителя заподозрят в злоупотреблении своей должностью, то его обяжут назвать человека, который сделал ему донос.

По законам Платона, всякий, кто не уведомил властей об известном ему преступлении или отказал им в содействии, подлежал наказанию. В настоящее время этот порядок был бы неуместен. Государство бодрствует за граждан; оно действует, и они спокойны.

Глава IX. О строгости наказаний в различных правлениях

Строгость в наказаниях более уместна в деспотических государствах, принцип которых — страх, чем в монархиях и республиках, которые имеют своим двигателем честь и добродетель.

В умеренных государствах любовь к отечеству, стыд, боязнь порицания заключают в себе обуздывающую силу, которая в состоянии удержать от многих преступлений. Самое тяжелое наказание за совершение дурного поступка состоит там именно в том, чтобы быть уличенным в этом поступке. Поэтому гражданские законы могут там легче исправлять людей и они не нуждаются в особенной суровости.

В этих государствах хороший законодатель не столько заботится о наказаниях за преступления, сколько о предупреждении преступлений; он постарается не столько карать, сколько улучшать нравы.

Китайские писатели постоянно замечали, что умножение казней в их империи всегда предвещало приближение революции: в самом деле, казни умножались по мере того, как портились нравы.

Нетрудно было бы доказать, что во всех или почти во всех государствах Европы наказания усиливались или смягчались в зависимости от того, насколько там приближались к свободе или удалялись от нее.

В деспотических государствах люди так несчастны, что они не столько дорожат жизнью, сколько боятся смерти, поэтому казни там должны быть более жестокими. В умеренных государствах люди более дорожат жизнью, чем боятся смерти, поэтому там достаточны казни, заключающиеся в простом лишении жизни.

Люди чрезмерно счастливые и люди чрезмерно несчастные одинаково склонны быть жестокими, доказательство — монахи и завоеватели. Только в посредственности и состоянии, смешанном из счастья и несчастья, встречаются кротость и сострадание.

То, что мы видим у отдельных лиц, наблюдается также и у целых народов. Мы встречаем одинаковую жестокость у народов диких, жизнь которых очень сурова, и у народов, живущих под деспотическим правлением, где только один человек — баловень судьбы, а все прочие — ее пасынки. Кротость царит лишь в государствах с умеренным правлением.

Читая в истории о свирепых расправах султанов, мы с душевной болью чувствуем пороки человеческой природы.

В государствах с умеренным правлением хороший законодатель все может использовать в качестве наказания. Не удивительно ли, что в Спарте одно из главных наказаний состояло в запрещении предоставлять на время свою жену другому, получать на время чужую жену и в предписании быть окруженным у себя дома только девственницами? Одним словом, все, что закон называет наказанием, действительно является наказанием.

Глава X. О старинных французских законах

В этих старинных французских законах более всего проявляет себя дух монархии. По делам, наказуемым денежными штрафами, простые люди наказывались легче, чем благородные. В уголовных делах, наоборот, благородных лишали чести и права заседания в суде, между тем как для простого человека, у которого нет чести, предметом наказания было тело.

Глава XI. О том, что если народ добродетелен, то не требуется много наказаний

Римский народ был прямодушен. Это прямодушие обладало такой силой, что законодателю часто достаточно было указать людям путь добра, чтобы заставить их идти этим путем. Казалось, им нужны были не приказания, а только советы.

Почти все кары, установленные законами царей и законами двенадцати таблиц, во время республики были отменены или законом Валерия, или законом Порция. Но не было замечено, чтобы от этого ухудшилось управление республикой или пострадал общественный порядок.

Закон Валерия запрещал судьям применять силу против гражданина, апеллировавшего к народу, и единственное наказание за его проступок заключалось в репутации дурного человека.

Глава XII. О силе наказаний

Опыт показал, что в странах, где наказания не жестоки, они производят на ум гражданина не менее сильное впечатление, чем самые жестокие наказания — в других странах.

Заметив какой-нибудь беспорядок в государстве, крутое и склонное к насильственным мерам правительство желает его прекратить тотчас же и вместо того, чтобы постараться восстановить силу старых законов, вводит новую жестокую казнь, которая разом пресекает зло. Но слишком

туго натянутые бразды правления скоро ослабевают. Воображение привыкает к этой большей каре, как оно привыкло к прежней меньшей; и так как в результате ослабевает страх перед этой меньшей карой, то является необходимость распространить большую на все случаи. В некоторых государствах стали обычным явлением грабежи на больших дорогах. Для прекращения их придумали казнь посредством колесования, которая и приостановила их на некоторое время. Но потом на больших дорогах снова стали так же грабить, как и прежде.

В наши дни участились случаи дезертирства; за дезертирство установили смертную казнь, но оно не уменьшилось. Причина этого весьма естественна: солдат, привыкший ежедневно рисковать своею жизнью, презирает или считает делом чести презирать опасности. Его ежедневно приучают бояться стыда, поэтому следовало отвергнуть наказание, налагавшее неизгладимое пятно стыда на всю его жизнь. Думая усилить наказание, на самом деле ослабили его.

Не следует править людьми с помощью крайних мер; надо экономно использовать предоставленные нам «природой средства руководства ими. Вникните в причины всякой распущенности. и вы увидите, что она — проистекает от безнаказанности преступлении, а не от слабости наказаний. Последуем природе. которая вместо бича дала человеку стыд, и пусть самая чувствительная часть наказания будет заключаться в позоре быть подвергнутым стыду.

Если же есть страны, где наказание не влечет за собой чувства стыда, то в этом виновата тирания, которая подвергает одинаковым наказаниям и преступников, и честных людей.

И если есть другие страны, где люди сдерживаются лишь жестокими наказаниями, то будьте уверены, что это по большей части происходит от жестокости правительства, налагавшего эти наказания за легкие провинности. Часто законодатель, желающий прекратить какое-нибудь зло. только и думает о достижении этой цели. Он видит лишь одну сторону дела и не замечает сопряженных с ней неудобств.

В результате после того, как зло пресекается, все видят только жестокость законодателя; в государстве остается зло, произведенное этой жестокостью: она извратила умы, она приучила людей к деспотизму.

После победы, одержанной Лисандром над афинянами, победители стали судить пленников. Афинян обвинили в том, что они побросали в море с двух галер всех своих пленников и постановили на всенародном собрании отрубать кисти рук у всех, кого захватят в плен. Все они были умерщвлены, за исключением Адиманта, протестовавшего против этого постановления. Прежде чем предать смерти Филоклеса, Лисандр упрекнул его в том, что он развратил умы и дал уроки жестокости всей Греции.

„Когда аргосцы, — говорит Плутарх, — утервили полторы тысячи своих граждан, афиняне принесли очистительные жертвы богам, умоляя их отвратить от сердец афинян такую жестокую мысль“.

Есть два рода испорченности: один, когда народ не соблюдает законов; другой, когда он развращается законами; последний недуг неизлечим, ибо причина его кроется в самом лекарстве.

Глава XIII. Бессилие японских законов

Чрезмерные наказания могут обессилить самый деспотизм. Взглянем на Японию. Там наказывают смертью почти за все преступления, потому что неповиновение такому великому императору, как японский, рассматривается как страшное преступление. Цель наказания не в исправлении виновного, а в отмщении государя.

Эти идеи порождены раболепием и возникли главным образом потому, что так как император является там собственником всех имуществ, то почти все преступления оказываются прямым нарушением его интересов.

Там наказывают смертью за всякую ложь перед властями, т. е. за самый естественный прием самозащиты.

Там строго наказывают даже за одну только видимость преступления; так, человек, принявший участие в азартной игре на деньги, подлежит смертной казни.

Правда, на первый взгляд может показаться, что необычайный характер этого народа, упрямого, капризного, решительного, причудливого, презирующего всякие опасности и бедствия, оправдывает свирепые постановления законодателей; но можно ли постоянным зрелищем мучительных казней исправить или сдержать людей, которые по натуре своей, естественно, презируют смерть и вспарывают себе животы по малейшему поводу? Не осwoятся ли они скорее с этими казнями?

В рассказах о воспитании у японцев говорится, что с детьми необходимо мягкое обращение, потому что наказания ожесточают их; что не следует слишком сурово обходиться с рабами, так как этим ставят их в необходимость защищаться. По духу, который должен господствовать в домашнем управлении, не следует ли заключить и о том, который необходимо бы внести в политическое и гражданское управление?

Благоразумный законодатель постарался бы умиротворить умы справедливой умеренностью наказаний и наград, правилами философии, морали и религии, соответствующими характеру данного народа, разумным применением правил чести, наказанием посредством стыда, радостями постоянного житейского благополучия и мирного благоденствия; и если бы он опасался, что людей, привыкших к жестоким карам, не будут сдерживать более легкие наказания, то стал бы действовать постепенно и осторожно и, начав со смягчения наказаний за легкие провинности, дошел бы до видоизменения их за все виды преступлений.

Но деспотизм не знает этих приемов; не такими путями ведет он людей. Он может злоупотреблять собою — и только. В Японии он напряг все свои силы и превзошел в жестокости себя самого.

Чтобы продолжать управлять людьми, напуганными и осwirепевшими, ему пришлось непрестанно усиливать жестокость своего управления.

Таков источник, таков дух законов Японии. Но в этих законах больше ярости, чем силы. Им удалось искоренить христианство, но самая чрезмерность их усилий служит доказательством их слабости. Они хотели создать хорошую полицию и еще более обнаружили свое бессилие.

Прочитайте сообщение о свидании императора с дейро в Меако. Там было задушено и убито невероятное количество людей. Негодяи похищали молодых девушек и мальчиков. Потом похищенных находили каждый день в самые неожиданные часы, выставленными в публичных местах нагими и зашитыми в холщовые мешки, чтобы они не знали мест, по которым их проводили; там грабили все, что хотели; распарывали животы лошадям, чтобы повергнуть на землю всадников; опрокидывали кареты, чтобы обобрать женщин. Когда голландцам сказали, что им нельзя провести ночь на подмостках, не рискуя быть убитыми, они спустились оттуда и т. д.

Попутно я хочу отметить еще одну своеобразную черту. Император, предаваясь гнусным наслаждениям, не помышлял о браке: он рисковал умереть, не оставив наследника. Дейро прислал ему двух очень красивых девушек; он женился на одной ради приличия, но не имел с нею никаких сношений. Его кормилица приводила к нему самых красивых женщин империи, но и это не помогло: дочь оружейника, наконец, его пленила; он решился и имел от нее сына. Придворные дамы, возмущенные тем, что он предпочел им особу столь низкого происхождения, задушили ребенка. Это преступление скрыли от императора: иначе он пролил бы потоки крови. Так самая жестокость законов препятствует их соблюдению. Когда наказание безмерно, ему часто приходится предпочитать безнаказанность.

Глава XIV. О духе римского сената

В консульство Ацилия Глабрия и Пизона был издан закон Ацилия для прекращения происков искателей должностей. Дион говорит, что сенат побудил консулов предложить этот закон потому, что трибун К. Корнелий задумал ввести ужасные кары против этого преступления и народ ему сочувствовал, Сенат полагал, что неумеренные кары, конечно, устрашат умы, но вместе с тем будут иметь и то последствие, что никто

уже не решится ни обвинять, ни осуждать, между тем как при более умеренных наказаниях найдутся и судьи, и обвинители.

Глава XV. О наказаниях в римском законодательстве

Я убеждаюсь в правильности моих основных положений, видя, что они подтверждаются историей римлян; я не могу сомневаться в том, что характер наказаний зависит от природы правления, когда вижу, что этот великий народ изменял в данном отношении свои гражданские законы по мере того, как он изменял политические законы.

Законы царей, которые были созданы для народа, состоящего из беглецов, рабов и разбойников, были очень суровы. Дух республики требовал, чтобы децемвиры не включали этих законов в свои двенадцать таблиц; но люди, мечтавшие о тирании, не считали нужным руководствоваться духом республики. Тит Ливий говорит, что мучительная казнь Метия Суффей, и диктатора Альбы, который по приговору Тулла Гостилия был разорван двумя телегами, явилась первой и последней казнью, свидетельствовавшей о забвении чувства человечности. Он ошибается: законы двенадцати таблиц изобилуют очень жестокими постановлениями.

Яснее всего обнаруживается замысел децемвиров в назначении смертной казни поэтам и авторам памфлетов. Это совсем не в духе республики, где народ любит видеть унижение сильных. Но люди, замышлявшие уничтожить свободу, опасались писаний, которые могли напомнить о духе свободы.

После изгнания децемвиров исчезли почти все их законы, устанавливавшие наказания. Формально они не были отменены, но и не применялись после того, как закон Порция запретил казнить смертью римского гражданина. Вот эпоха, к которой можно отнести заявление Тита Ливия, сказавшего о римлянах, что никогда еще ни один народ не проявил большего, чем они, сочувствия к смягчению кар.

Прибавив к мягкости наказаний право обвиняемого удалиться до суда в изгнание, мы увидим, что римляне неуклонно руководились этим духом, столь естественным, как я уже говорил, в республике.

Сулла, смешавший свободу с анархией и тиранией, создал законы Корнелия. Он, по-видимому, создавал законы только для того, чтобы создавать преступления. Так, назвав множество действий убийством, он везде находил убийц, и, действуя способами, нашедшими в дальнейшем столько последователей, ставил ловушки, сеял тернии и разверзал пропасти на пути каждого гражданина.

Почти все законы Суллы угрожали только лишением воды и огня. Цезарь добавил к этому конфискацию имущества ввиду того, что богачи, сохраняя в изгнании свои богатства, совершали преступления с большей смелостью. Учредив военное правление, императоры вскоре почувствовали, что оно столь же пагубно для них самих, как и для их подданных; они стали придумывать средства смягчить его и сочли нужным установить различные звания и внушить почет к этим званиям.

Правление несколько приблизилось к монархическому, и наказания были разделены на три класса: самые легкие — для первых людей в государстве, более суровые — для лиц менее высокого ранга и, наконец, самые тяжелые — для людей самого низкого положения.

Жестокий и глупый Максимин вместо того, чтобы смягчить военное правление, только, так сказать, раздражил его. Сенат, говорит Капитолин, то и дело слышал, что одних казнили распятием, других выставляли на растерзание зверям или зашивали в кожи только что убитых зверей, нисколько не считаясь с их званием. Он, по-видимому, вдохновлялся идеалом военной дисциплины, по образцу которой думал управлять делами гражданскими.

В Размышлениях о причинах величия и падения римляне рассказано, как Константин преобразовал военный деспотизм в деспотизм военно-гражданский и приблизился к монархии; там же можно проследить различные перевороты в этом государстве и увидеть, как в нем постепенно совершался переход от строгости к беспечности и от беспечности к безнаказанности.

Глава XVI. О точном соответствии между наказанием и преступлением

Необходимо, чтобы между наказаниями существовала взаимная гармония; законодатель должен стремиться к тому, чтобы в первую очередь не совершалось крупных преступлений, которые наносят обществу больший вред, чем менее серьезные.

Один самозванец, назвавшийся Константином Дука, поднял крупное восстание в Константинополе. Он был схвачен и приговорен к плетям; но за то, что он обвинял высокопоставленных особ, его приговорили за клевету к сожжению. Это очень странное распределение кар за преступление оскорбления величества и за преступление клеветы.

Этот пример приводит нас на память слова Карла II, короля Англии. Однажды он увидел на дороге человека, привязанного к позорному столбу, и спросил, за что он наказан. „Государь, — отвечали ему, — он сочинял пасквиль на ваших министров“. — „Вот глупец, — сказал король, — отчего он не сочинял их против меня? Ему бы ничего не сделали“.

„Семьдесят человек составили заговор против императора Василия. Он велел их подвергнуть бичеванию; им опалили волосы на голове и теле. Однажды олень ухватил его рогами за пояс. Некто из его свиты обнажил меч, разрезал пояс и выручил императора. Он приказал отрубить этому человеку голову за то, что тот обнажал против него меч“. Кто бы мог подумать, что оба эти приговора были вынесены при одном и том же государе?

У нас очень дурно делают, что назначают равное наказание за грабеж на большой дороге и за грабеж, сопровождающийся убийством. Очевидно, что тут следовало бы в видах общественной безопасности установить некоторое различие в наказаниях.

В Китае разбойников рассекают на части, а простых воров — нет: благодаря этому различию там воруют, но не убивают.

В Московском государстве, где воров и убийц наказывают одинаково, грабеж всегда сопровождается убийством. Мертвые, говорят там, ничего не расскажут. Если нет различия в наказаниях, то надо

внести различие в надежду на облегчение участи. В Англии не убивают, потому что воры могут надеяться на ссылку в колонии, а убийцы — нет.

Указы о помиловании — великий рычаг умеренной монархии. Право помилования, которым обладает государь, при благоразумном применении может приводить к весьма благотворным последствиям. Принцип деспотического государства, которое не прощает и которому также никогда не прощают, лишает его этих выгод.

Глава XVII. О пытке преступников или допросе с пристрастием

Вследствие того, что люди дурны, закон обязан считать их лучшими, чем они есть. Так, заявление двух свидетелей полагается достаточным для наказания всех преступлений. Закон верит им, как будто устами их говорит сама истина. Положено также считать законным всякого ребенка, зачатого во время брака; закон доверяет матери, как будто она — воплощенное целомудрие. Но пытка преступников не является такой же необходимостью. Мы знаем ныне очень благоустроенное государство, которое отменило ее без всяких для себя неудобств. Следовательно, она не является необходимой по своей природе.

Против этого обычая писало столько искусных писателей и великих гениев, что я не смею говорить после них. Я хотел было сказать, что он может быть уместным в деспотических государствах, где все, что внушает страх, становится одной из пружин правления; я хотел было сказать, что у греков и римлян рабы.... Но я слышу голос природы, вопиющий против меня.

Глава XVIII. О денежных и телесных наказаниях

Наши отцы, германцы, допускали только денежные наказания. Эти воинственные и свободные люди полагали, что их кровь должна проливаться лишь на поле битвы. Японцы, напротив, отвергают такого рода наказания под тем предлогом, что они не затронут богатых людей. Но разве богатые люди не боятся утраты своих имуществ? Разве денежные наказания не могут быть соразмерны богатству? И, наконец, разве нельзя соединить эти наказания с бесчестием?

Хороший законодатель избирает средний путь: он не всегда карает денежными штрафами и не всегда приговаривает к телесному наказанию.

Глава XIX. О законе талиона

Деспотические государства, где любят простые законы, широко пользуются законом талиона. Государства умеренные также иногда его допускают; но здесь есть та разница, что в первых он действует со всею строгостью, между тем как вторые почти всегда его смягчают.

Законы двенадцати таблиц допускали два решения в делах такого рода; они присуждали к талиону только в таком случае, когда жалобщик не соглашался на иное удовлетворение. После приговора можно было уплатить протори и убытки, и телесное наказание превращалось в денежное.

Глава XX. О наказании детей их отцами

В Китае наказывают отцов за проступки их детей. Тот же обычай был в Перу. Это опять-таки одно из проявлений идей деспотизма.

Сколько бы ни говорили, что в Китае наказывают отцов за то, что они не пользовались отеческою властью, которая установлена природой и усилена в этой стране законами, все же этот обычай предполагает, что у китайцев нет чести. У нас и отцы, дети которых присуждены к казни, и дети, отцы которых подверглись той же участи, настолько же наказаны стыдом, насколько в Китае они были бы наказаны лишением жизни.

Глава XXI. О милосердии государя

Милосердие есть отличительное качество монархов, в республике, принцип которой — добродетель, оно менее необходимо. В деспотическом государстве, где царствует страх, оно встречается реже, так как там надо сдерживать высокопоставленных лиц государства примерами строгости. В монархиях, где управляет честь, часто требующая того, что запрещает закон, милосердие более необходимо. Опала там равносильна каре; даже формальности судопроизводства являются наказаниями. Стыд

подкрадывается там со всех сторон и создает самые своеобразные роды наказаний.

Высокопоставленные лица чувствуют себя столь сильно наказанными немилостью государя, потерей — часто лишь воображаемой — своего благополучия, репутации, привычек, удовольствий, что строгость по отношению к ним становится излишней; она могла бы только привести к утрате подданными той любви, которую они питают к особе государя, и того уважения, которое они должны иметь к положению в обществе.

Непрочность положения высокопоставленных лиц соответствует природе деспотического правления, безопасность их соответствует природе монархии. Монархи могут так много выиграть милосердием, оно вызывает к ним такую любовь, приносит им столько славы, что почти всегда возможность оказать милосердие есть для них счастье; а в наших странах в этих возможностях нет недостатка.

У них могут оспаривать какую-нибудь часть их власти, но почти никогда не восстают против всей их власти; и если им иногда приходится бороться за корону, то они никогда не имеют надобности бороться за жизнь. Но, спросят нас, когда же следует наказывать? Когда следует прощать? Это легче почувствовать, так как никаких предписаний на этот счет дать нельзя. Случаи, когда миловать опасно, вполне ясны, и не трудно увидеть разницу между милосердием и тем слабодушием, которое заставляет государя пренебрегать наказаниями и доводит его до невозможности налагать их. Император Маврикий решил никогда не проливать крови своих подданных. Анастасий совсем не карал преступников. Исаак Ангел поклялся никого не лишать жизни в течение своего царствования. Греческие императоры забыли, что они не напрасно носят меч.

Книга седьмая. Влияние различных принципов трех видов правления на роскошь и законы против роскоши, а также на положение женщин

Глава I. О роскоши

Роскошь всегда пропорциональна неравенству состояний. — При равном распределении богатств в государстве роскоши не будет, так как она основана лишь на тех удобствах, которые люди доставляют себе посредством труда других людей.

Для равного распределения богатств надо, чтобы закон давал каждому лишь необходимое для жизни. Имея больше этого, одни будут тратить, другие приобретать, и установится неравенство.

Если мы определим необходимое для жизни некоторой суммой, то роскошь тех, которые имеют одно необходимое, будет равна нулю; у тех, которые имеют вдвое больше, чем первые, она будет равна единице; у тех, которые имеют вдвое больше, чем вторые, она будет равна трем; у тех, которые имеют вдвое больше, чем третьи, она будет равна семи; так что, при предположении, что имущество каждого последующего лица вдвое больше имущества лица предыдущего, роскошь будет возрастать путем удвоения каждой предшествующей цифры с прибавлением единицы, по прогрессии: 0, 1, 3, 7, 15, 31, 63, 127.

В республике Платона роскошь могла быть определена с полной точностью. Там было установлено четыре разряда ценза — первый на той границе, где кончается бедность, а второй, третий, четвертый были вдвое, втрое и вчетверо больше первого. В первом разряде роскошь равнялась нулю, во втором она была равна единице, в третьем — двум, в четвертом — трем, т. е. возрастала в арифметической прогрессии.

Что же касается до сравнения роскоши у разных народов, то она в каждом государстве определяется отношением неравенства богатств различных граждан к неравенству богатств различных государств. В Польше, например, неравенство состояний доведено до крайности; но бедность страны в целом не допускает в ней такой роскоши, которая встречается в более богатых государствах.

Роскошь пропорциональна также и величине городов, особенно столиц, так что она определяется отношением богатства государства к неравенству состояний отдельных лиц и к количеству людей, собранных в известных местах.

Чем больше собрание людей, тем люди тщеславнее и тем сильнее ощущают они желание выделиться какими-нибудь мелочами. Если количество их так велико, что они в большинстве незнакомы друг с другом, то стремление выделиться у них усугубляется, так как увеличивается надежда на успех. Надежду эту подает роскошь; каждый усваивает себе признаки положения, которое выше его собственного. Но усиленная жажда отличий приводит к равенству, которое уничтожает возможность отличиться; так как все хотят быть заметными, то уже никого нельзя заметить.

Все это порождает большие неудобства. Лица, отличающиеся в какой-нибудь профессии, назначают за произведения своего искусства какую им угодно цену; самые посредственный дарования следуют их примеру; нет более соответствия между средствами и потребностями. Если я вынужден вести тяжбу, то необходимо, чтобы у меня были средства нанять адвоката; если я болен, надо, чтобы я имел возможность пригласить доктора. Некоторые полагали, что при таком скоплении народа в столице слабеет торговля вследствие того, что люди уже не находятся на известном расстоянии друг от друга. Я этого не думаю: у людей больше становится желаний, больше потребностей. больше прихотей, когда они собираются вместе.

Глава II. О законах против роскоши при демократическом правлении

Я только что сказал, что в республике, где имущества распределены поровну, совсем не может быть роскоши; так как это равное распределение было, как показано в пятой книге, причиной превосходного состояния одной республики, то отсюда следует, что республика тем совершеннее, чем меньше в ней роскоши. Ее не было у древних римлян, не было и у спартанцев; и в республике, где равенство не совсем утрачено, дух торговли, трудолюбия и добродетели дает

каждому и возможность, и желание обходиться собственными средствами, вследствие чего там не бывает большой роскоши.

Законы о переделе земель, которых так настойчиво домогались в некоторых республиках, были по своей природе очень благодетельны. Они могут быть опасны лишь как мероприятие внезапное. Внезапно уменьшая богатства одних и увеличивая состояния других, они производят переворот в каждой семье и должны привести к общему перевороту во всем государстве. По мере того как в республике водворяется роскошь, умами овладевают частные интересы. Людям, которые довольствуются одним необходимым, не остается желать ничего, кроме славы для себя и отечества. Но душа человека, развращенного роскошью, имеет много иных желаний. Она вскоре станет врагом законов, которые стесняют ее. Роскошь, с которой познакомился гарнизон Реджии, побудила его к избиению жителей.

Когда римляне развратились, желания их стали безмерны. Об этом можно судить по росту цен. Кружка фалернского вина стоила 100 римских динариев; бочонок понтийской солонины — 400 динариев; хороший повар — 4 таланта; молодые мальчики и цены не имели. И когда всех увлекло неудержимое стремление к роскоши, что стало с добродетелью?

Глава III. О законах против роскоши при аристократическом правлении

Дурно устроенная аристократия несчастна тем, что таи знать обладает богатствами, а пользоваться ими не может. Роскошь, так как она противна духу умеренности, должна быть изгнана из этого государства. Население такого государства состоит из людей очень бедных, которые не имеют возможности получать, и очень богатых, которые не имеют возможности тратить.

В Венеции законы принуждали знатных людей к умеренности, и те так привыкли к бережливости, что одни только куртизанки умели выманивать у них деньги. Этим пользовались для поддержания промышленности. Презренные женщины безопасно предавались

роскоши, между тем как их данники вели самую скромную и незаметную жизнь.

Благоустроенные греческие республики имели на этот счет превосходные установления. Богачи тратили свои деньги на устройство празднеств и музыкальных хоров, на колесницы и лошадей для состязаний в беге, на исполнение должностей, сопряженных с большими расходами. Богатство было столь же тягостно, как и бедность.

Глава IV. О законах против роскоши в монархиях

Сейоны, народ германского племени, почитают богатства, говорит Тацит, вследствие чего они живут под управлением одного. Это значит, что роскошь особенно свойственна монархии и что в монархии не должно быть законов против роскоши.

Так как неравное распределение богатств вытекает из самого устройства монархии, то роскошь там неизбежна. Если богатые будут мало тратить, то бедным придется умирать с голоду. Необходимо даже, чтобы траты богатых были пропорциональны неравенству состояний и чтобы, как мы уже сказали, роскошь возрастала в той же самой пропорции. Отдельные богатства увеличились только потому, что часть граждан была лишена необходимого для жизни; надо, следовательно, чтобы эти граждане вновь получили утраченное.

Итак, для поддержания монархического государства роскошь должна возрастать от земледельца к ремесленнику — к торговцу — к знати — к чиновникам — к вельможам — к главным откупщикам государственных доходов — к государю; иначе все погибнет.

В правление Августа римскому сенату, состоявшему из важных сановников, юристов и людей, преданных идеям прошлого, было предложено заняться исправлением нравов и ограничением роскоши среди женщин. Интересно читать у Диона о том, как искусно отклонил император неуместные требования сенаторов: ведь он основывал монархию и уничтожал республику. В царствование Тиберия эдилы внесли в сенат предложение о восстановлении древних законов против роскоши. Государь, не лишенный проницательности, воспротивился

этому. „При настоящем положении вещей, — сказал он, — это погубило бы государство. Как стал бы существовать Рим? Как стали бы существовать провинции? Мы были умеренны, пока мы были гражданами одного только города, теперь же мы потребляем богатства всего мира и заставляем работать на себя господ и рабов“. Он ясно видел, что в законах против роскоши уже не было надобности.

Когда при том же императоре сенатору предложили запретить губернаторам брать с собою в провинции своих жен вследствие производимых ими там соблазнов, это предложение также было отвергнуто. Возразили, что „суровость древних теперь уже уступила место более приятному образу жизни“. Люди чувствовали, что теперь нужны иные нравы. Итак, роскошь необходима для монархических государств; необходима она также и для государств деспотических. В первых государствах она является особым видом употребления предоставленной людям свободы; во-вторых — особым видом злоупотребления теми выгодами, которые люди могут извлекать из своего рабства; раб, поставленный своим господином в качестве тирана над его другими рабами и неуверенный в своем завтрашнем дне, не знает другого наслаждения, кроме удовлетворения своего тщеславия, сладострастия и своих минутных прихотей.

Все это приводит к заключению, что республики погибают от роскоши, а монархии — от бедности.

Глава V. В каком случае законы против роскоши полезны в монархии

Законы против роскоши, появившиеся в половине XIII столетия в Арагонии, были созданы в духе республики, если только при этом не преследовалось каких-то особых целей. Иаков I приказал, чтобы король и все его подданные не имели за своими обедами более двух сортов мяса, приготовленных каждое по одному только способу, за исключением убитой ими самими дичи. В наши дни в Швеции тоже издаются законы против роскоши, но с иною целью, чем в Арагонии.

Государство может создавать законы против роскоши в целях безусловной умеренности; таков дух этих законов в республике, и, судя

по характеру законов Арагонии, они преследовали такую именно цель. Но законы против роскоши могут также иметь целью лишь относительную умеренность в том, например, случае, когда государство запрещает ввозить иностранные товары, видя, что ввоз этих товаров вследствие их высоких цен потребует такого вывоза его собственных товаров, что ему придется испытывать больше лишений вследствие вывоза, чем удовлетворения вследствие ввоза. Таков дух законов, созданных в наши дни в Швеции, и это единственные законы против роскоши, которые уместны в монархиях.

Вообще, чем государство беднее, тем более оно разоряется от относительной роскоши и тем более, следовательно, оно нуждается в законах против относительной роскоши. Чем государство богаче, тем более оно обогащается относительной роскошью и тем более оно должно воздерживаться от законов против этого вида роскоши. Все это мы подробнее объясним в книге о торговле. Здесь же речь идет лишь о роскоши безусловной.

Глава VI. О роскоши в Китае

В некоторых государствах существуют особые причины, требующие издания законов против роскоши. Народонаселение вследствие благоприятного климата может настолько возрасти, а средства к его существованию могут стать настолько ненадежными, что явится необходимость заставить его заниматься исключительно земледелием. В таких государствах роскошь опасна, и законы против нее должны быть очень строги. Таким образом, желая узнать, следует ли поощрять роскошь или противодействовать ей, надо прежде всего взвесить соотношение между численностью населения и его средствами к жизни. В Англии земля производит гораздо больше хлеба, чем нужно для прокормления как тех, кто обрабатывает землю, так и тех, кто изготавливает одежду; поэтому там могут существовать разные бесполезные ремесла, а следовательно, и роскошь. Во Франции родится довольно хлеба для пропитания земледельцев и людей, занятых мануфактурой. Кроме того, торговля с иностранцами может дать в обмен на предметы роскоши столько необходимых вещей, что там совсем не следует опасаться роскоши.

В Китае, напротив, женщины так плодовиты и народонаселение увеличивается с такой быстротой, что земля, как бы ее ни обрабатывали, едва может его прокормить. Поэтому роскошь там пагубна, а дух трудолюбия и экономии столь же желателен, как в любой республике. Люди должны там заниматься производством предметов необходимости, избегая производства предметов роскоши.

Вот образчик прекрасных указов китайских императоров. „Наши предки, — говорит один из императоров династии Хань, — держались того правила, что если есть мужчина, который не пашет, и женщина, которая не прядет, то кто-нибудь в империи вследствие этого страдает от холода или голода...“ И в силу этого правила он повелел разрушить множество монастырей бонз. Третий император двадцать первой династии, которому показали несколько драгоценных камней, найденных в шахте, велел эту шахту закрыть, не желая обременять свой народ работой на дело, которое не могло ему доставить ни пищи, ни одежды.

„Наша роскошь дошла до того, — говорит Киявенти, — что народ украшает шитьем башмаки тех самых мальчиков и девочек, которых ему приходится продавать вследствие нищеты“. Когда столько людей занято изготовлением одежды для одного, то как не быть людям, которые нуждаются в одежде? Когда на одного возделывающего землю приходится десять поедающих ее плоды, то как не быть людям, которые нуждаются в пище?

Глава VII. Роковые последствия роскоши в Китае

Из истории Китая видно, что там было двадцать две сменявших друг друга династии; это значит, что Китай испытал двадцать две революции общего характера, не считая множества частных. Три первые династии были у власти довольно долго, потому что они управляли благоразумно и государство не было так обширно, как впоследствии. Вообще же можно сказать, что все династии начинали довольно хорошо. Добродетель, осмотрительность, бдительность необходимы в Китае; ими знаменовалось начало правления каждой династии, но под конец они исчезали. Весьма естественно, в самом деле, что императоры, которые были воспитаны в суровой военной обстановке и только что низвергли с престола род, погрязший в наслаждениях, сохраняли добродетель, которая

принесла им столько пользы, и страшились наслаждений, губительные последствия которых они видели. Но после трех-четырех таких государей преемники их снова начинают предаваться разврату, роскоши, праздности, наслаждениям. Они замыкаются в дворце, ум их слабеет, они рано умирают, семья клонится к упадку; сановники усиливаются, возрастает влияние евнухов, на престол начинают возводить только детей; дворец становится врагом империи, праздные люди, населяющие его, разоряют тех, кто трудится; наконец, появляется узурпатор, который свергает или убивает императора и основывает новую династию; третий или четвертый правитель этой династии уходит в тот же дворец на новое затворничество.

Глава VIII. О публичной пристойности

Утрата женщинами добродетели связана с таким множеством пороков, вся душа их так глубоко извращается, исчезновение этой главной опоры нравственности влечет за собою утрату стольких других добродетелей, что публичную непристойность можно рассматривать как величайшее из несчастий народного государства и верный признак скорого изменения в его устройстве. Поэтому хорошие законодатели требовали от женщин известной строгости нравов. Они изгоняли из своих республик не только порок, но даже видимость порока. Они изгнали даже эти порождаемые праздностью галантные отношения, которые делают женщин способными развращать других. Прежде чем они сами успеют развратиться, которое придают цену всевозможным мелочам и обесценивают то, что действительно важно. Под влиянием таких отношений люди начинают руководствоваться в своем поведении лишь правилами боязни показаться смешными — этими правилами, которые так мастерски умеют устанавливать женщины.

Глава IX. О положении женщин в различных государствах

В монархиях женщины не отличаются скромностью, так как, будучи по условиям своего общественного положения призваны ко двору, они заражаются там духом вольного обращения, можно сказать, единственным, который там поощряется. Каждый стремится использовать их благосклонность и страсти в целях карьеры. И так как по

свойственной им слабости гордость заменяется у них тщеславием, то роскошь всегда царствует вместе с ними.

В деспотических государствах женщины не вносят роскоши, но они сами становятся там предметом роскоши. Рабство их должно достигать крайних пределов. Каждый приравнивается к духу правления и перенимает то, что видел у других. Так как законы там очень строги и применяются без промедлений, то люди боятся, чтобы свобода женщин не наделала им хлопот. Их ссоры, их болтливость, их злобность, их склонности, их ревность, их подстрекательство — это искусство мелких душ подчинять себе великие души — не могли бы там остаться без последствий.

Кроме того, властители этих государств, издевающиеся над человеческой природой, имеют по нескольку жен, которых по тысяче причин они вынуждены держать взаперти.

В республиках женщины свободны по закону, но порабощены правилами нравственности; роскошь изгнана из этих государств, а вместе с нею — разврат и пороки.

В греческих городах, где люди не исповедовали той религии, которая почитает добродетелью чистоту нравов даже у мужчин; в греческих городах, где темный порок господствовал во всей своей необузданности, где любовь приняла формы, о которых мы не решаемся даже упоминать, между тем как чистая дружба находила себе приют только в браке, — добродетель, простота, целомудрие женщин достигли такой высоты, что не видано было в мире народа, столь благоустроенного в этом отношении.

Глава X. О домашнем суде у римлян

У римлян не было, как у греков, особых должностных лиц для надзора за поведением женщин. Цензоры наблюдали за ними так же, как и за всеми прочими жителями республики. Установленную у греков должность заменял домашний суд. Муж созывал родственников жены и судил ее в их присутствии. Этот суд поддерживал чистоту нравов в республике, но и сам он поддерживался этими нравами. Он должен был

судить не только за нарушение законов, но и за безнравственность. Но чтобы судить за безнравственность, надо иметь безупречные нравы.

Наказания, налагаемые этим судом, могли быть только произвольными, какими они на самом деле и были, так как все, что касается нравов, все, что относится к правилам скромности, не может быть определено в своде законов. Законами можно определять наши обязанности к другим; но трудно обнять ими все наши обязанности к себе самим.

Ведению домашнего суда подлежало все поведение женщин. Но в числе преступлений, выносившихся на его рассмотрение, было одно, которое подлежало еще и публичному обвинению; таким преступлением было прелюбодеяние — потому ли, что в республике такое нарушение законов нравственности по важности своей должно было обратить на себя особое внимание правительства, или потому, что развратное поведение жены заставляло подозревать в том же и ее мужа, или, наконец, вследствие опасения, что порядочные люди предпочтут скрывать и оставлять без последствий это преступление, чем карать и мстить за него.

Глава XI. Как в Риме изменялись учреждения вместе с образом правления

Как домашний суд, так и публичное обвинение исходили из нравов, вследствие чего оба эти учреждения пали с падением нравов и исчезли вместе с республикой.

Установление *questiones perpetuae*, т. е. разграничение юрисдикции преторов, и все более утверждавшийся обычай, по которому все дела подлежали суду этих преторов, ослабили деятельность домашнего суда до такой степени, что когда Тиберий обратился к нему для решения нескольких дел, историки уже увидели в этом нечто совсем необычное, как бы восстановление древнего обычая.

С установлением монархии и переменой в нравах прекратилось и публичное обвинение. Можно было опасаться, что в ряде случаев бесчестный человек, оскорбленный презрением к нему со стороны женщины, раздосадованный ее упорством, озлобленный самой ее

добродетелью, мог воспользоваться этим обычаем, чтобы ее погубить. Закон Юлия предписал, чтобы каждому обвинению женщины в прелюбодеянии предшествовало обвинение ее мужа в потворстве ее распутству, что значительно сократило число этих обвинений и, так сказать, подорвало их.

Сикст V хотел, невидимому, восстановить публичное обвинение. Но не требуется долгих размышлений, чтобы понять, что в такой монархии, как его собственная, этот закон был еще более неуместен, чем во всякой другой монархии.

Глава XII. Об опеке над женщинами у римлян

По римским законам женщина находилась под постоянной опекой, если она не состояла под властью мужа. Эта опека поручалась ближайшему родственнику мужского пола и, судя по народной поговорке, очень стесняла их. Это было хорошо для республики, но не было необходимо в монархии.

Различные сборники варварских законов содержат указания на то, что у первобытных германцев женщины тоже состояли в постоянной опеке. Этот обычай перешел в основанные ими монархии, но не удержался там.

Глава XIII. О законах, установленных императорами против распутства женщин

Закон Юлия назначил наказание за прелюбодеяние. Но как этот закон, так и созданные вслед за ним законы против прелюбодеяния не только не свидетельствовали о чистоте нравов, но, напротив, служили признаком их испорченности.

Все прежние установления относительно женщин изменились во время монархии. Речь шла уже не о том, чтобы воспитать в них чистоту нравов, а о том, чтобы наказывать их за преступления. Новые законы о наказаниях за эти преступления издавались только потому, что уже перестали наказывать нарушения, не входившие в разряд этих преступлений.

Ужасающая распущенность нравов обязывала императоров создавать законы для того, чтобы положить некоторый предел бесстыдству. Но общее исправление нравов не входило в их намерения. Положительные факты, сообщаемые историками, служат тому доказательством, которого не опровергнут никакие законы. Можно видеть у Диона, каково было в этом отношении поведение Августа и как он в должности претора и цензора отклонял обращенные к нему требования по этому предмету.

У историков, правда, упоминается немало суровых приговоров, вынесенных при Августе и Тиберии против бесстыдного поведения римских дам; но, знакомя нас с духом царствования этих императоров, они ознакомили нас и с духом этих приговоров.

Август и Тиберии заботились главным образом о наказании распутства своих родственниц. Они карали не разнузданность нравов, но определенные преступления нарушения благочестия или оскорбления величества, которые они выдумали сами, как средства восстановить почтение к власти и удобные предлоги для своей мести. Вот почему римские писатели так сильно восстают против этой тирании.

Кары, установленные законом Юлия, не были суровы. Императоры требовали, чтобы суд усиливал наказания, установленные созданным ими законом. За это они навлекли на себя обвинение историков. Они заботились не о том, справедливо ли были наказаны женщины, а о том, был ли нарушен закон для того, чтобы наказать их.

Одним из излюбленных тиранических приемов Тиберия было злоупотребление древними законами. Желая наказать одну римлянку строже, чем следовало по закону Юлия, он восстановил для этого случая домашний суд.

Все эти меры относительно женщин касались не народа, а только семейств сенаторов. Они были внушены желанием найти поводы для обвинения сильных, а дурное поведение женщин могло доставить бесчисленное множество таких поводов.

Наконец, сказанное мною о том, что чистота нравов не есть Принцип единоличного правления, находит лучшее подтверждение в царствование этих первых императоров; достаточно почитать Тацита, Светония, Ювенала и Марциала, чтобы в этом убедиться.

Глава XIV. О законах против роскоши у римлян

Мы говорили о публичной непристойности потому, что она связана с роскошью, всегда предшествует ей и за нею следует. Дав полную свободу порывам сердца, будете ли вы в силах противиться заблуждениям рассудка? В Риме независимо от учреждений общего характера по настоянию цензоров было издано несколько частных законов с целью удержать женщин в границах умеренности. Эту цель преследовали законы Фанния, Лициния и Оппия. Надо видеть у Тита Ливия, в какое возбуждение пришел сенат, когда от него потребовали отмены закона Оппия. Валерий-Максим считает начало роскоши у римлян со времени уничтожения этого закона.

Глава XV. О приданом и об имущественных отношениях, связанных с браком в разных правлениях

В монархиях приданое женщин должно быть значительным. чтобы мужья их могли поддерживать образ жизни, соответствующий их положению и общепринятым требованиям роскоши. Оно не должно быть велико в республиках, где роскошь не должна царствовать. Оно должно почти совсем отсутствовать в деспотических государствах, где женщины находятся в более или менее рабском состоянии.

Установленная французскими законами общность имущества между мужем и женой весьма уместна в монархическом государстве, так как она пробуждает в женщинах интерес к хозяйству и как бы невольно привлекает их к домашним заботам. Она менее уместна в республике, где женщины более добродетельны. Она была бы нелепостью в деспотических государствах, где женщины сами почти всегда являются частью имущества своего господина

Так как женщины по самому положению своему достаточно склонны к замужеству, то нет никакой надобности поощрять их к этому

законами, предоставляющими им долю в имуществе мужа. В республике такие законы были бы даже очень вредны ввиду того, что обладание отдельным имуществом порождает среди женщин роскошь. В деспотических государствах все выгоды брака для женщин должны заключаться лишь в предоставлении им средств к существованию и ни в чем более.

Глава XVI. Прекрасный обычай самнитян

У самнитян существовал обычай, который в небольшой республике и особенно при том положении, в каком она находилась, должен был иметь превосходные последствия. Там собирали всех молодых людей и оценивали их достоинства. Тот, кого объявляли самым лучшим, брал себе в жены любую девицу, какую хотел; следующий за ним по достоинству делал такой же выбор и т. д. Великолепен был этот обычай ценить в молодых людях выше всего их личные достоинства и заслуги, оказанные ими отечеству. Кто был богаче всех достоинствами такого рода, тот мог выбрать любую девушку во всем государстве, Любовь, красота, целомудрие, добродетель, происхождение, даже богатство — все это, так сказать, шло в приданое к добродетели. Трудно было бы изобрести награду более благородную, более великую, менее обременительную для небольшого государства и более способную влиять на лиц того и другого пола.

Самнитяне происходили от спартанцев, и Платон, учреждения которого представляют собой не более как усовершенствование законов Ликурга, тоже создал почти такой же закон.

Глава XVII. О правлении женщин

Противно и разуму, и природе ставить женщин во главе дома, как это было у египтян, но нет ничего противоестественного в том, чтобы они управляли государством. В первом случае свойственная им слабость не позволяет им преобладать; во втором же случае эта самая слабость придает их управлению ту кротость и умеренность, которые гораздо нужнее для хорошего управления, чем суровые и жестокие нравственные качества.

В Индии люди прекрасно чувствуют себя под управлением женщин; там установлено, что если дети мужского пола на происходят от матери той же крови, то на престол вступают женщины, рожденные от матери царской крови. Чтобы облегчить им бремя правления, им дают известное количество помощников. По М. Смитю, африканцы тоже очень довольны женским правлением. Прибавив к этому примеры Московского государства и Англии, мы увидим, что женщины с одинаковым успехом управляют в государствах умеренного образа правления и в деспотических государствах.

Книга восьмая. О разложении принципов трех видов правления

Глава I. Общая идея этой книги

Разложение каждого правления почти всегда начинается с разложения принципов.

Глава II. О разложении принципа демократии

Принцип демократии разлагается не только тогда, когда утрачивается дух равенства, но также и тогда, когда дух равенства доводится до крайности и каждый хочет быть равным тем, кого он избрал в свои правители. В таком случае народ отказывается признать им же самим назначенные власти и хочет все делать сам: совещаться вместо сената, управлять вместо чиновников и судить вместо судей.

Тогда в республике уже нет места для добродетели. Народ хочет исполнять обязанности правителей — значит правителей уже не уважают. Постановления сената не имеют более веса — значит нет более почтения к сенаторам, а следовательно, и к старцам. Но если нет почтения к старцам, то его не будет и к отцам; мужьям не повинуются, господам не подчиняются; все проникаются духом своеволия; труд управления становится таким же тягостным, как и обязанность повиноваться. Дети, женщины, рабы забывают о покорности. Нет более нравственности, любви к порядку, нет более добродетели.

В Пире Ксенофонта есть очень наивное изображение республики, где народ злоупотребляет равенством. Участники пира высказывают

поочередно причины, почему каждый из них доволен собою. „Я доволен собою, — говорит Хармид, — потому что я беден. Когда я был богат, я вынужден был заискивать у клеветников, зная, что они могут причинить мне гораздо больше зла, чем я им; республика постоянно требовала от меня денег; я никуда не мог отлучиться. С тех пор как я обеднел, я стал господином; никто мне не угрожает, я сам угрожаю другим; хочу — сижу дома, хочу — уйду. Богачи, завидя меня, поднимаются и уступают мне место. Я царь, а был рабом; я платил дань республике, а теперь она меня кормит; я уже не боюсь разориться, а надеюсь приобрести“.

Это несчастье постигает народ, когда те, которым он доверился, стараются его развратить, желая этим скрыть свою собственную испорченность. Чтобы он не заметил их властолюбия, они говорят ему о его величии; чтобы он не заметил их алчности, они постоянно потакают его собственной алчности, Разврат будет усиливаться среди развратителей и тех, которые уже развращены. Народ разграбит казну, и, подобно тому, как он сумел совместить свою лень с заведыванием общественными делами, ему захочется совместить свою бедность с наслаждениями роскоши. Но при его лени и жажде роскоши единственной целью его стремлений может быть только общественная казна.

Не удивительно поэтому, что голоса начинают продаваться за деньги. Народу много дают только для того, чтобы получить от него еще больше. Но чтобы получить это большее, необходимо произвести государственный переворот. Чем значительнее будут казаться выгоды, извлекаемые народом из своей свободы, тем ближе он будет к моменту, когда придется ее утратить. Появляются мелкие тираны со всеми пороками крупных. Вскоре все, что осталось от свободы, становится невыносимым бременем; тогда возвышается один тиран, и народ теряет все, вплоть до выгод от своей испорченности.

Итак, демократия должна избегать двух крайностей: духа неравенства, который ведет ее к аристократии или правлению одного, и доведенного до крайности духа равенства, который ведет к деспотизму одного так же неминуемо, как деспотизм одного заканчивается завоеванием. Правда, люди, развращавшие греческие республики, не всегда становились тиранами. Это объясняется тем, что они были более опытные в красноречии, чем в военном искусстве; кроме того, в сердце

каждого грека жила непримиримая ненависть ко всем, кто ниспровергал республиканское правление. Вследствие всего этого анархия довела их до гибели, вместо того чтобы преобразоваться в тиранию.

Но Сиракузы, которые находились в центре множества мелких олигархий, превратившихся в тирании. Сиракузы, где был сенат, о котором почти не упоминают историки, подверглись бедствиям, превышающим последствия обыкновенной испорченности. Этот город, вечно переходивший от безначалия к рабству, одинаково страдавший и от свободы и от порабощения, которые всегда налетали на него неожиданно, как буря; город, в котором, несмотря на его внешнее могущество, при малейшей поддержке извне вспыхивали революции, — этот город вмещал в своих стенах громадное население, перед которым всегда стояла жестокая альтернатива: или подчиниться тирану, или самому стать тираном.

Глава III. О духе крайнего равенства

Как небо от земли, дух истинного равенства далёк от духа крайнего равенства. Первый состоит не в том, чтобы повелевали все или не повелевал бы никто, а в том, чтобы люди повиновались равным себе и управляли равными себе. Он стремится не к тому, чтобы над нами не было высших, но чтобы наши высшие были нам равны.

В природном состоянии люди рождаются равными, но они не могут сохранить этого равенства; общество отнимает его у них, и они вновь становятся равными лишь благодаря законам.

Различие между демократией правильной и неправильной заключается в том, что в первой люди равны только как граждане, между тем как во второй они равны еще и как правители, как сенаторы, как судьи, как отцы, как мужья и как господа.

Естественное место добродетели — рядом со свободой; но рядом с крайней свободой добродетель бывает только тогда, когда приближается к рабству.

Глава IV. Об одной особой причине испорченности народа

Великие успехи, особенно достигнутые при большом участии народа, наполняют его такой гордостью, что руководить им становится невозможно. Завидуя должностным лицам и враждуя с правителями, он вскоре становится врагом всего государственного строя. Так победа над персами при Саламине развратила Афинскую республику; так победа сиракузян над афинянами погубила Сиракузскую республику.

Марсельская республика никогда не испытывала этих резких переходов от унижения к величию, поэтому она всегда управлялась благоразумно и сохранила свои принципы.

Глава V. О разложении принципа аристократии

Аристократия терпит ущерб, когда власть знати становится произвольной: при этом уже не может быть добродетели ни у тех, которые управляют, ни у тех, которыми управляют.

Когда правящие фамилии соблюдают законы, аристократия подобна монархии с несколькими государями; это очень хорошая по своей природе форма правления. Почти все эти государи ограничены в своей деятельности законами, но в случае несоблюдения законов это — деспотическое государство со многими деспотами.

В таком случае республика существует лишь для знати и среди знати. Республика — это правящие круги, между тем как класс управляемых живет в деспотическом государстве, что приводит к образованию двух самых разъединенных классов в мире.

Испорченность достигает высшей степени, когда власть знати становится наследственной. Такие властители утрачивают всякую умеренность. Чем меньше их число, тем больше их власть и тем меньше их безопасность; чем больше их число, тем меньше у них власти и тем больше у них безопасности. Так власть возрастает, а безопасность уменьшается вплоть до самого деспота, в лице которого крайняя степень власти соединяется с крайней степенью опасности. Поэтому когда аристократия имеет наследственный характер, то при большом количестве знатных правление будет менее насильственным; но так как в нем будет

мало добродетели, то государством овладеет дух легкомыслия, небрежности и лени, и оно лишится и сил, и стимулов для деятельности.

Аристократия может сохранить силу своего принципа, если законы установят такой порядок, что она будет более ощущать опасности и тяготы управления, чем доставляемые им наслаждения; если государство находится в таком положении, что ему все время приходится быть настороже против какой-нибудь угрожающей ему опасности; если эта опасность угрожает ему извне, а внутреннее положение является устойчивым.

Чувство известной безопасности необходимо для славы и безопасности монархии; республика же, наоборот, должна всегда чего-нибудь опасаться, бтрах перед персами поддерживал соблюдение законов у греков. Карфаген и Рим взаимной угрозой укрепляли друг друга. Удивительная вещь! Чем более увеличивается безопасность этих государств, тем более они, как застоявшиеся воды, подвергаются порче.

Глава VI. О разложении принципа монархии

Как демократии погибают, когда народ лишает правителей и судей отправления служебных обязанностей, так монархии разлагаются, когда мало-помалу отменяются прерогативы сословий и привилегии городов. В первом случае идут к деспотизму всех; во втором — к деспотизму одного.

„Династии Тзин и Суй, — говорит китайский писатель, — погибли по той причине, что государи, вместо того чтобы ограничиться единственным достойным самодержца делом — общим надзором за управлением, захотели всем управлять непосредственно сами“⁶¹. Китайский писатель приводит нам здесь причину порчи почти всех монархий.

Монархия гибнет, когда государь полагает, что он покажет большее могущество, изменяя порядок вещей, чем соблюдая его неизменным, когда он отнимает у одних принадлежащие им по праву должности, чтобы произвольно передать их другим, и когда он более влюблен в свои фантазии, чем в решения своей собственной воли.

Монархия погибает, когда государь, все относя единственно к самому себе, сводит государство к своей столице, столицу — к своему двору, а двор — к своей особе.

Наконец, она гибнет, когда государь не имеет правильного представления о силе своей власти, о своем положении, о любви своего народа и когда он не проникся сознанием, что монарху столь же свойственно верить в свою безопасность, как деспоту считать себя в постоянной опасности.

Глава VII. Продолжение той же темы

Принцип монархии разлагается, когда высшие должности в государстве становятся последними ступенями рабства, когда садовников лишают уважения народа и обращают их в жалкое орудие произвола.

Он разлагается еще более, когда утрачивается связь между честью и почестями, так что человек может быть в одно и то же время покрытым бесчестьем и украшенным почестями.

Он разлагается, когда государь заменяет справедливость суровостью; когда он, подобно римским императорам, носит на груди голову Медузы; когда он усваивает себе тот грозный и устрашающий вид, который Коммод велел придавать своим статуям.

Принцип монархии разлагается, когда подлые души чванятся величию своего рабства и думают, что, будучи всем обязаны государю, они свободны от всяких обязанностей пред отечеством.

Во все времена по мере того, как власть государя становилась чрезмерной, безопасность его особы уменьшалась; но если это правда, то люди, развращающие его власть до изменения ее природы, не совершают ли против него преступления оскорбления величества?

Глава VIII. Опасное следствие разложения принципа монархического правления

Опасность возникает не тогда, когда государство от одного умеренного правления переходит к другому, также умеренному, правлению, как, например, от республики к монархии или от монархии к республике, а тогда, когда оно падает и устремляется от умеренного образа правления к деспотизму.

Большая часть народов Европы еще управляется обычаями. Но если вследствие долгого злоупотребления властью или крупной победы деспотизм утвердится там в каком-нибудь пункте, то никакие нравы и климаты не устоят перед ним и природа человека, по крайней мере на некоторое время, будет претерпевать такие же оскорбления в этой прекрасной части света, как и .в трех прочих.

Глава IX. О стремлении дворянства к защите трона

Английская знать похоронила себя вместе с Карлом I под обломками трона. И до того, как во время Филиппа II во Франции прозвучало слово „свобода“, корона всегда находила себе поддержку со стороны знати, которая считает делом чести повиноваться королю, но сочла бы высшим бесславием для себя разделить свою власть с народом.

Известно, что дом австрийских государей непрестанно притеснял венгерское дворянство. Он не предвидел, какие драгоценные услуги окажет ему это дворянство. Он искал у этого народа денег, которых у него не было, и не обратил внимания на людей, которые там были. Иностранные государи делили между собою его государство, и все составные части его империи, так сказать, распадались, как инертные и безжизненные массы. Жизнь была только в дворянстве; движимое негодованием, оно забыло свои обиды и бросилось в бой, послушное голосу славы, призывавшей его прощать и умирать.

Глава X. О разложении принципа деспотического государства

Принцип деспотического государства непрерывно разлагается, потому что он порочен по самой своей природе. Другие государства гибнут вследствие особенных обстоятельств, нарушающих их принципы; это же погибает вследствие своего внутреннего порока, если только какие-нибудь случайные причины не помешают его принципу

разлагаться. Поэтому оно может держаться лишь в том случае, если по особым условиям климата, религии, положения или народного духа оно оказывается вынужденным придерживаться какого-то порядка и подчиняться каким-то правилам. Все это противоречит его природе, но не изменяет ее; его свирепость остается прежней; она только на некоторое время укрощается.

Глава XI. Какие последствия вытекают в тех случаях, когда принципы крепки или же испорчены

Если принципы правления разложились, самые лучшие законы становятся дурными и обращаются против государства; когда же принципы здравы, то и дурные законы производят такие же последствия, как и хорошие; сила принципа все себе покоряет.

Чтобы заставить своих правителей подчиняться законам, критяне придумали весьма своеобразное средство, а именно — восстание. Часть граждан восставала, возмущалась, обращала в бегство правителей и заставляла их вернуться к частной жизни. Это считалось законным образом действия. Кажется, что учреждение, обращавшее мятеж в средство противодействия злоупотреблениям власти, должно было бы погубить любую республику; но оно не разрушило республики Крита и вот почему.

Когда древние желали назвать народ, отличающийся самой сильной любовью к отечеству, они обыкновенно указывали на критян. Отечество — слово, столь дорогое критянам, говорит Платон. Они называли его словом, которое выражало любовь матери к своим детям. А любовь к отечеству исправляет все. Законы Польши тоже допускали восстание. По происшедшие от этого неудобства удостоверяют, что один только народ Крита был в состоянии с успехом пользоваться таким средством.

Установленные у греков гимнастические упражнения также находились в зависимости от состояния принципа правления. „Лакедемоняне и критяне, — говорит Платон, — первые открыли эти знаменитые академии, которые дали им такое почетное положение в свете. Стыдливость вооружилась было против них, но должна была склониться пред общественной пользой“. Во время Платона это были

превосходные учреждения, связанные с важным делом военного искусства. Но когда греки утратили добродетель, они обратились на пагубу самому этому искусству; гимнастическую арену стали посещать не для развития тела, а для того чтобы предаваться разврату.

Плутарх говорит, что современные ему римляне считали, что эти гимнастические игры были главной причиной рабства греков; на самом же деле было обратное: рабство греков явилось причиной извращения этих гимнастических игр. Во времена Плутарха гимнастические бои в нагом виде и упражнения в борьбе развращали молодых людей, внушали им гнусную страсть и делали из них гаеров, между тем как во времена Эпаминонда благодаря тем же самым упражнениям в борьбе фиванцы смогли одержать победу под Левктрами. В государстве, не утратившем своих принципов, почти все законы хороши; „не жидкость в сосуде испортилась, а самый сосуд испорчен“, — сказал Эпикур по поводу богатств.

Глава XII. Продолжение той же темы

В Риме брали судей из сословия сенаторов. Гракхи перенесли эту привилегию на всадников. Друз дал ее и сенаторам и всадникам. Сулла — одним сенаторам, Котта — сенаторам, всадникам и трибунам общественной казны (Tribuni aerarii). Цезарь исключил последних. Антоний образовал декурии из сенаторов, всадников и центурионов.

Когда республика испорчена, ни один из зарождающихся в ней недугов не может быть исцелен иначе, как посредством устранения этой испорченности и восстановления принципов; всякое другое лечение или будет бесполезно, или явится новым злом. Пока Рим сохранял свои принципы, можно было, не опасаясь злоупотреблений, поручить судебные приговоры сенаторам; когда же он начал разлагаться, то кому бы их ни поручали: сенаторам, всадникам, трибунам, двум ли из этих корпораций или всем трем вместе, или какой бы то ни было иной корпорации — все выходило плохо. У всадников было не больше добродетели, чем у сенаторов, у трибунов — не больше, чем у всадников, и у всех их — не больше, чем у центурионов.

Когда римский народ добился доступа к патрицианским должностям, естественно было ожидать, что его льстецы овладеют правительством. Но этого не случилось: римляне, открывшие доступ плебейцам к правительственным должностям, всегда избирали на эти должности патрициев. Поскольку этот народ был доблестен, он был великодушен; поскольку он был свободен, он не гонялся за властью. Когда же он утратил свои принципы, то, чем более увеличивалась его власть, тем небрежнее он становился; так что, наконец, он стал и своим собственным тираном и своим собственным рабом. Он утратил силу свободы и впал в бессилие и распущенность.

Глава XIII. О силе присяги у добродетельного народа

Из всех народов, говорит Тит Пивий, римляне дольше всех противились разложению и держали в почете бедность и умеренность.

Присяга имела у этого народа такую силу, что не было лучшего средства заставить его соблюдать законы. Ради соблюдения присяги он неоднократно делал то, чего никогда не сделал бы ни ради славы, ни ради отечества. Консул Квинт Цинциннат, желая набрать в городе войско против эквов и вольсков, встретил сопротивление со стороны трибунов. „Хорошо, — сказал он, — пусть же все, кто присягнул прошлогоднему консулу, последуют за моими знаменами“. Напрасно трибуны говорили, что эта присяга уже никого не связывает, что она была принесена, когда Квинт был еще частным лицом; народ оказался религиознее своих руководителей, он не внял тонкостям и толкованиям трибунов.

Когда тот же народ захотел удалиться на Священную гору, он был удержан от этого клятвой, которую дал консулам, — следовать за ними на войну. Тогда он замыслил убить этих консулов, но ему разъяснили, что и после этого его клятвенное обещание останется во всей своей силе. Можно судить по задуманному им преступлению о том, каковы были его понятия о нарушении клятвы.

После битвы при Каннах испуганный народ хотел удалиться в Сицилию. Но Сципион взял с него клятву не покидать Рима, и страх нарушить эту клятву превозмог все прочие страхи. Рим был подобен

кораблю, утвердившемуся во время бури на двух якорях: религии и нравственности.

Глава XIV. Как самые незначительные изменения в государственном строе могут повлечь за собою гибель принципов

Аристотель говорит о Карфагене как о республике весьма благоустроенной. Полибий сообщает, что во время второй пунической войны недостатком Карфагенской республики было то, что ее сенат утратил почти всю свою власть. Тит Ливий поведал нам, что, возвратившись в Карфаген, Ганнибал увидел, что чиновники и первые граждане республики расхищают государственные доходы и злоупотребляют своей властью. Итак, добродетель правителей исчезла вместе с властью сената; все вытекало из одного и того же принципа.

Известны чудесные действия цензуры у римлян. Было время, когда она казалась тягостной; однако ее все-таки сохранили, потому что в обществе было еще более роскоши, чем порока. Клавдий ослабил цензуру; в результате порока стало больше, чем роскоши, и цензура исчезла, так сказать, сама собою. Так на протяжении всего своего существования цензура то ослаблялась, то признавалась необходимой, то вновь вводилась и, наконец, была совсем приостановлена вплоть до времени, когда стала бесполезной, в царствования Августа и Клавдия.

Глава XV. Весьма действенные средства для сохранения трех принципов

Чтобы надлежащим образом понять меня, надо прочесть следующие четыре главы.

Глава XVI. Отличительные свойства республики

Республика по своей природе требует небольшой территории, иначе она не удержится. В большой республике будут и большие богатства, а следовательно, и неумеренные желания. Круг общественных дел,

поручаемых заботам гражданина, станет слишком обширным. Усилятся личные интересы.

Сначала человек почувствует, что он может стать счастливым, великим и славным помимо своего отечества, а вскоре убедится, что он может достигнуть величия только один на развалинах отечества.

В большой республике общее благо подчинено тысяче разных соображений; не все могут им пользоваться; оно зависит от случайностей. В небольшой республике общее благо живее чувствуется, яснее сознается, ближе к каждому гражданину; злоупотребления встречаются там меньше простора, а следовательно, и меньше покровительства.

Лакедемон просуществовал так долго потому, что, несмотря на все свои войны, он сохранил неизменной свою территорию. Единственной целью Лакедемона была свобода, а единственным преимуществом его свободы — слава.

Довольствоваться своей территорией и своими законами — таков был дух греческих республик. Афины поддались честолюбию и внушили его Лакедемону; но оно влекло их руководить свободными народами, а не управлять рабами, встать во главе союза, а не разрушить его. Однако все погибло, когда возникла монархия — образ правления, дух которого более склонен к расширению территории государства.

При обычных условиях в государстве, состоящем из одного города, трудно удержаться какому-нибудь иному правлению, кроме республиканского. Монарх в таком малом государстве будет обладать большой властью, но ничтожными средствами для того, чтобы воспользоваться ею и заставить ей повиноваться; поэтому он, естественно, станет угнетать свой народ. С другой стороны, и сам он легко может подвергнуться нападению извне или даже со стороны внутренних сил; народ может в любой момент собраться и восстать против него. Но когда государь, царствующий в одном только городе, будет из этого города изгнан, то делу конец; если же у него много городов, то дело только начинается.

Глава XVII. Отличительные свойства монархии

Монархическое государство должно быть средней величины. Если бы оно было мало, оно сформировалось бы как республика; а если бы оно было слишком обширно, то первые лица в государстве, сильные по самому своему положению, находясь вдали от государя, имея собственный двор в стороне от его двора, обеспеченные от быстрых карательных мер законами и обычаями, могли бы перестать ему повиноваться; их не утратила бы угроза слишком отдаленной и замедленной кары.

Поэтому едва Карл Великий успел основать свою империю, как ему тотчас же пришлось разделить ее; потому ли, что начальники провинций не повиновались, или для того, чтобы заставить их лучше повиноваться, империю оказалось необходимо разделить на несколько государств.

После смерти Александра империя его распалась. Что могло заставить повиноваться вельмож Греции и Македонии, свободных и победоносных вождей, рассеянных по громадному пространству завоеванных земель?

По смерти Атилы его царство распалось: государи, освободившиеся от подчинения, не могли более мириться со своими цепями.

В таких случаях распад государства может быть предотвращен быстрым установлением неограниченной власти т. е. новым злом, следующим за злом завоевания!

Реки стремятся слиться с морем; монархии стремятся раствориться в деспотизме.

Глава XVIII. О том, что Испанская монархия находилась в исключительных условиях

Пусть не опровергают меня примером Испании; этот пример скорее подтверждает мою мысль. Чтобы удержать за собой Америку, Испания сделала то, чего не делает даже деспотизм, — истребила ее обитателей.

Для того чтобы сохранить свою колонию, она поставила ее в зависимость от себя даже в средствах пропитания.

Она попробовала править деспотически Нидерландами; когда она от этого отказалась, ее затруднения увеличились. С одной стороны, валлоны не захотели, чтобы ими управляли испанцы, с другой — испанские солдаты отказывались повиноваться офицерам-валлонам. Она удержалась в Италии только потому, что разорялась для ее обогащения; люди, желавшие отделаться от испанского короля, не были расположены отказываться от его денег.

Глава XIX. Отличительные свойства деспотического образа правления

Обширные размеры империи — предпосылка для деспотического управления. Надо, чтобы отдаленность мест, куда рассылаются приказания правителя, уравновешивалась быстротой выполнения этих приказаний; чтобы преградой, сдерживающей небрежность со стороны начальников отдаленных областей и их чиновников, служил страх; чтобы олицетворением закона был один человек; чтобы закон непрерывно изменялся с учетом всевозможных случайностей, число которых всегда возрастает по мере расширения границ государства.

Глава XX. Выводы из предшествующих глав

Если небольшие государства по своей природе должны быть республиками, государства средней величины — подчиняться монарху, а обширные империи — состоять под властью деспота, то отсюда следует, что для сохранения принципов правления государство должно сохранять неизменными свои размеры и что дух этого государства будет изменяться в зависимости от расширения или сужения пределов его территории.

Глава XXI. О китайской империи

Прежде чем закончить эту книгу, я отвечу на одно возражение, которое могут сделать против всего до сих пор мною сказанного.

Наши миссионеры рассказывают нам об обширной китайской империи, как о превосходном государстве, совмещающем в своем принципе страх, честь и добродетель. Выходит, что установленное мною различие принципов трех видов правления неосновательно.

Я не знаю, что можно понимать под словом честь у народов, которых ко всякому делу принуждают палочными ударами.

Сверх того, наши коммерсанты сообщают нам некоторые сведения об этой добродетели, которую так превозносят наши миссионеры. Послушайте, что они рассказывают о разбойничестве мандаринов.

Сошлюсь также на свидетельство великого человека, милорда Ансона. Да и сами письма Пареннена о суде, учрежденном императором над неугодными ему новообращенными принцами крови, обнаруживают перед нами тиранию, последовательно действующую по заранее составленному плану, и ряд оскорблений, нанесенных человеческой природе по правилу, т. е. хладнокровно.

Есть еще у нас письма Мэрана и того же Пареннена о правлении Китая. После весьма основательных ответов на заданные вопросы все чудеса его исчезли. Не могло ли случиться, что миссионеры были введены в заблуждение видимостью порядка, что они были поражены этим непрерывным, проявлением воли одного — воли, которая управляет и ими самими и которую им так приятно встречать при дворах государей Индии? По-видимому, посещая эти дворы с целью произвести там большие изменения, они находят, что гораздо легче уверить государей, что им все позволено делать, чем убедить народы, что они все должны выносить.

Наконец, доля истины часто бывает и в заблуждениях. Возможно, что в силу особенных и, может быть, единственных в своем роде обстоятельств китайское правление не так испорчено, как оно должно было бы быть. Причины, зависящие главным образом от климата, могли пересилить действие моральных причин в этой стране и произвести в ней своего рода чудесные явления, Климат Китая необыкновенно благоприятствует росту народонаселения. Женщины там так плодовиты, как нигде на земле, бамая жестокая тирания не останавливает там

процесса прироста населения. Государь Китая не может сказать, подобно фараону: „Будем притеснять их с благоразумием“. Ему, скорее, приходится пожелать вместе с Нероном, чтобы у рода человеческого была только одна голова. Несмотря на тиранию, население Китая благодаря его климату не перестанет размножаться и одолеет тиранию.

Китай, как и всякая страна, где возделывается рис, подвержен частым голодовкам. Умиравший от голода народ рассыпается по стране искать средства существования; повсюду образуются воровские шайки из трех-четырех или пяти человек. Большую часть их тотчас же истребляют; другие увеличиваются, но затем их тоже истребляют. Но при таком множестве областей, и притом столь отдаленных, может случиться, что какой-нибудь из этих шаек посчастливится. Она удерживается, усиливается, становится армией, идет прямо на столицу, и вождь ее восходит на престол.

Такова природа вещей, что дурное правительство там прежде всех несет наказание. Смуты возникают там внезапно, когда народ лишается продовольствия. Если в других государствах злоупотребления исправляются так медленно, то это потому, что там их последствия менее чувствительны, и государь не получает о них такого быстрого и решительного известия, как в Китае.

Китайский государь не будет, подобно нашим государям, печалиться о том, что если он дурно управляет, то будет менее блажен в той жизни и менее могуч и богат в этой: он знает, что если его управление дурно, то он лишится и престола, и жизни.

Так как, несмотря на забрасывание детей, население Китая все увеличивается, то необходим неустанный труд, чтобы извлечь из земли пропитание. Это требует усиленного внимания со стороны правительства. Собственный интерес побуждает его ежеминутно заботиться о том, чтобы люди могли работать без опасения лишиться плодов своего труда. Его управление должно быть более домашним, чем гражданским.

Вот причина регламентации, о которых столько говорят. Царство закона хотели соединить с царством деспотизма, но все, что соединяется с деспотизмом, утрачивает свою силу. Тщетно этот деспотизм,

преследуемый собственными бедствиями, попытался сам надеть на себя цепи: он вооружается этими цепями и становится еще ужаснее.

Итак, Китай есть государство деспотическое, принцип которого — страх. Может быть, при первых династиях, когда государство не было еще так обширно, оно несколько отклонялось от этого образца, но теперь этого уже нет.

Книга девятая. О законах в их отношении к оборонительной силе

Глава I. Как республики охраняют свою безопасность

Небольшие республики погибают от внешнего врага, а большие — от внутренней язвы.

Эти два бедствия свойственны и демократиям, и аристократиям, независимо от того, хороши они или дурны. Зло лежит в самой сути вещей, и никакое изменение формы не может его искоренить.

Очень вероятно поэтому, что люди оказались бы в конце концов вынужденными жить всегда под управлением одного, если бы они не изобрели особого строя, который со всеми внутренними достоинствами республиканского правления совмещает внешнюю силу монархического правления. Я говорю о федеративной республике.

Эта форма правления есть договор, посредством которого несколько политических организмов обязываются стать гражданами одного более значительного государства, которое они пожелали образовать. Это общество обществ, составляющих новое общество, которое может увеличиваться присоединением к нему новых членов до тех пор, пока оно не станет достаточно сильным, чтобы обеспечить безопасность входящих в него государственных единиц.

Греция была обязана своим долгим процветанием этим союзам. Благодаря им римляне смогли выступить против всего мира, и только благодаря им мир смог защищаться от Рима. И когда Рим достиг вершины своего величия, именно благодаря таким союзам, возникшим за

Дунаем и Рейном под влиянием страха, варвары смогли ему сопротивляться.

Благодаря им Голландия, Германия и швейцарские союзы слывут в Европе вечными республиками.

В былые времена союзы городов были более необходимы, чем теперь. Город, недостаточно могущественный, подвергался величайшим опасностям. В случае завоевания он лишался не только, как ныне, исполнительной и законодательной власти, но еще и всего того, что составляет собственность людей.

Такого рода республика, способная сопротивляться внешней силе, может сохранять свои размеры, не подвергаясь внутренней порче. Форма этого общества спасает его.

Человек, стремящийся к захвату власти, не мог бы там пользоваться одинаковым доверием со стороны всех государств, входящих в союз. Если бы он чрезмерно усилился в одном из них, то возбудил бы тревогу всех прочих; и если бы он подчинил своей власти какую-то часть союза, то другая, оставшаяся свободной часть могла бы противиться ему, используя силы, независимые от тех, которые он захватил, и одолеть его прежде, чем он успел бы утвердиться.

Если случится какая-нибудь смута в одном из членов союза, то прочие могут прекратить ее. Если где-либо возникнут какие-нибудь злоупотребления, то они могут быть исправлены свободными от подобных злоупотреблений членами федерации. Одна часть этого государства может разрушиться без разрушения другой части; союз может распасться, а члены его остаться независимыми государствами.

Состоя из небольших республик, федерация пользуется благами внутреннего управления каждой из них. а для отношений внешних она располагает благодаря объединению сил всеми выгодами крупных монархий.

Глава II. О том, что федерация должна состоять из государств одинаковой природы и в особенности из республик

Хананеяне погибли, потому что они были разделены на небольшие монархии, которые не заключили между собой союза и не защищались общими силами. Конфедерация не в природе малых монархий. Федеративная республика Германии состоит из вольных городов и небольших владений, подчиненных государям. Опыт показывает, что она менее совершенна, чем Голландия и Швейцария.

Дух монархии — война и расширение территорий; дух республики — мир и умеренность. Оба эти вида правления не могут без насилия над своей природой совмещаться в федеративной республике.

Римская история говорит нам, что когда жители Вей избрали себе царя, все маленькие тосканские республики отшатнулись от них. Когда цари Македонии добились места среди Амфикионов, все погибло в Греции.

Федеративная республика Германии, состоящая из вольных городов и государей, держится потому, что у нее есть глава, который является и чем-то в роде высшего должностного лица союза и чем-то в роде его монарха.

Глава III. Некоторые другие требования, предъявляемые к федеративной республике

В голландской республике ни одна провинция не может заключать союза без согласия всех прочих. Для федеративной республики это очень хороший и даже необходимый закон. Его недостает конституции Германии, где он мог бы предупредить много бед, которые могут постигнуть всех членов из-за неосторожности, честолюбия или жадности одного из них. Республика, примкнувшая к политической федерации, отдается ей всецело и ничего уже не может более дать.

Трудно ожидать, чтобы государства, вступившие в союз, были все равны по величине и могуществу. Республика ликийцев была ассоциацией 23 городов. Большие города имели в общем совете по три голоса каждый; средние — по два, а малые — по одному. Голландская республика состоит из семи провинций, различных по величине, каждая

из которых имеет по одному голосу. Налоги, уплачиваемые городами Ликий, были пропорциональны количеству голосов. Провинции Голландии не могут следовать этой пропорции: они должны платить пропорционально своему могуществу.

В Ликий судьи и городские власти избирались общим советом по указанной выше пропорции. В голландской республике они не избираются общим советом, но каждый город сам назначает своих должностных лиц. Если бы надо было привести образец прекрасной федеративной республики, я указал бы на республику Ликий.

Глава IV. Как обеспечивают свою безопасность деспотические государства

Республики охраняют себя, соединяясь друг с другом. а деспотические государства ради той же цели отделяются и, так сказать, изолируются друг от друга. Они жертвуют частью своей страны, опустошают ее окраины и обращают их в пустыню, вследствие чего ядро государства становится недоступным неприятелю.

По закону геометрии — чем больше объем тела, тем относительно меньше его поверхность. Поэтому практика опустошения окраин более выгодна для больших государств, чем для средних.

Такое государство само причиняет себе все то зло, которое мог бы причинить ему жестокий и неотразимый враг.

Деспотическое государство, охраняя себя, использует еще и другой вид отделения; оно передает свои отдаленные провинции в управление вассальным государям. Могол, Персия, императоры Китая имеют вассалов; турки с большими для себя выгодами поместили между собою и своими неприятелями татар, молдаван, валахов и некогда — трансильванцев.

Глава V. Как обеспечивает свою безопасность монархия

Монархия не разрушает сама себя, как деспотическое государство, Но государство средних размеров может подвергнуться нашествию.

Поэтому у монархии есть крепости для защиты границ и армии для защиты этих крепостей. Малейший клочок земли обороняется там с большим искусством, упорством и мужеством. Деспотические государства совершают друг против друга нашествия; войны ведутся только между монархиями.

Крепости составляют принадлежность монархии; деспотические государства боятся заводить их у себя. Они никому не решаются доверить их, так как там никто не любит ни государства, ни государя.

Глава VI. Об оборонительной силе государств вообще

Чтобы государство было сильным, оно должно иметь такие размеры, чтобы быть в состоянии отразить любое нападение с такой же быстротой, с какой оно будет предпринято. Так как нападения можно ожидать, то и защита должна быть готова явиться повсюду, что возможно только при ограниченных размерах государства. Размеры государства должны соответствовать степени скорости, которую природа дала человеку для его передвижений с места на место. Испания и Франция имеют именно такие размеры. Связь между их военными силами налажена так хорошо, что они легко могут быть переброшены в любую сторону; их войска быстро соединяются и переходят от одной границы к другой, и никакое дело, требующее известного времени для своего выполнения, не внушает там опасений.

Во Франции по счастливому совпадению близость столицы государства к его различным границам находится в прямом отношении к их слабости; таким образом, государь из своей столицы видит все части страны и лучше всего те, которые наиболее беззащитны.

Другое дело, когда приходится защищаться от нападения такому обширному государству, как Персия. Ему понадобится несколько месяцев, чтобы собрать рассеянные войска; и оно не может заставить их идти столько времени таким ускоренным маршем, который возможен в продолжение каких-нибудь двух недель. Если находящаяся на границе армия разбита, она непременно рассеется, ибо пункты ее отступления находятся слишком далеко.

Победоносное войско, не встречая сопротивления, подвигается большими переходами, подходит к столице и осаждает ее, в то время как государь едва успевает уведомить правителей провинций о необходимости присылки помощи. Те, кто думает, что переворот близок, ускоряют его, отказывая государю в повиновении, так как люди, верность которых основана только на страхе близкой кары, изменяют, когда угроза кары отдалается. Они действуют только в своих личных интересах. Империя распадается, столица переходит в руки врага, и победитель начинает борьбу с правителями областей из-за провинций.

Истинное могущество государя состоит не столько в том, что он легко завоевывает, сколько в том, что на него трудно нападать; оно заключается, если можно так выразиться, в неизменности его положения. Но с увеличением государства открываются новые пункты для нападения на него.

Итак, если государи нуждаются в мудрости для того, чтобы увеличивать свое могущество, то не менее нуждаются они в благоразумии для того, чтобы предписать этому могуществу надлежащие границы. Устранив неудобства, связанные с малыми размерами государства, они никогда не должны упускать из виду тех неудобств, которые связаны с чрезмерной его обширностью.

Глава VII. Размышления

Недрузи великого государя, столь долго царствовавшего, тысячу раз обвиняли его (как я полагаю, более вследствие своих опасений, чем на основании серьезных рассуждений) в том, что он составил проект всемирной монархии и стремился его осуществить. Ничто не могло бы быть пагубнее для Европы, для его подданных, для него самого и его семейства, чем успех такого намерения. Небо, которому лучше известно истинное благо, устроило так, что он более выиграл от своих поражений, чем мог бы выиграть от своих побед. Вместо того чтобы сделать его единственным государем Европы, оно сделало его самым могущественным из всех ее государей, что было для него гораздо лучше.

Народ этого государя, который в чужих странах думает только о том, что он оставил в своей; который, покидая родину, считает славу

верховным благом, а попав в далекие края, смотрит на славу лишь как на препятствие к своему возвращению домой; народ, в котором даже хорошие качества кажутся отталкивающими, так как к ним примешивается пренебрежение; который может выносить раны, опасности и всякие лишения, за исключением лишения своих удовольствий, который больше всего любит свою веселость и мирится с проигранным сражением, если ему удастся высмеять своего военачальника, — такой народ, говорю я, никогда не был бы в состоянии довести до конца предприятие, которое не может потерпеть неудачи в одной стране и в один определенный момент, чтобы не потерпеть ее во всех странах и навсегда.

Глава VIII. Случай, когда оборонительная сила государства слабее его наступательной силы

Сир Куси сказал королю Карлу V, что „англичане всего слабее у себя дома и легче всего могут быть побеждены именно там“. То же говорилось о римлянах, то же самое испытали карфагеняне, и то же самое случится со всяким государством, которое посылает в далекие страны армии, чтобы силой военной власти и дисциплины объединить людей, разъединенных у себя дома политическими и гражданскими интересами. Государство, ослабленное своей постоянной болезнью, ослабляется к тому же и лекарством от этой болезни.

Замечание сира Куси есть исключение из общего правила, запрещающего предпринимать отдаленные войны. Но это исключение отлично подтверждает правило, так как оно применяется лишь к тем, которые сами нарушили правило.

Глава IX. Об относительной силе государств

Всякое величие, всякая сила, всякое могущество — явления относительные. Стремясь увеличить действительное величие, следует всегда остерегаться, чтобы при этом не уменьшилось величие относительное.

Около середины царствования Людовика XIV Франция была на высшей точке своего относительного величия. Германия еще не имела тех

великих государей, которые явились там впоследствии. Италия была в таком же положении. Шотландия еще не составляла единой монархии с Англией, а Арагония с Кастилией, части, отделенные от Испании, были слабы и в свою очередь ослабляли Испанию. Москва была в Европе столь же мало известна, как Крым.

Глава X. О слабости соседнего государства

Имея по соседству государство, находящееся в упадке, государь отнюдь не должен ускорять его гибель, так как в таком случае он находится в самом счастливом из всех возможных положений. Ничто не может быть для него выгоднее, чем иметь у себя под боком государя, который получает за него все удары и оскорбления фортуны. И очень редко бывает, чтобы в результате завоевания такого государства действительная сила завоевавшего увеличилась настолько же, насколько при этом уменьшилась его относительная сила.

Книга десятая. О законах в их отношении к наступательной силе

Глава I. О наступательной силе

Наступательная сила регулируется международным правом, которое есть политический закон наций, рассматриваемых с точки зрения отношений, в которых они состоят друг к другу.

Глава II. О войне

Жизнь государства подобна жизни человека. Люди имеют право убивать в случае естественной самообороны; государства имеют право вести войну в целях самосохранения.

В случае естественной самообороны я имею право убить, потому что моя жизнь принадлежит мне, так же как жизнь того, кто на меня нападает, принадлежит ему; и государство вправе вести войну, потому что его самозащита равна всякой другой самозащите.

Между гражданами право естественной самообороны не заключает в себе необходимости нападения. Вместо того чтобы нападать, человек должен обратиться к судебным органам. Поэтому человек может осуществлять это право самообороны лишь в краткие моменты такого положения, когда он погиб бы, если бы стал дожидаться, пока ему помогут законы. Но что касается общества, то тут право естественной обороны иногда влечет за собою и необходимость нападения, в том, например, случае, когда народ видит, что более продолжительный мир даст другому государству возможность его уничтожить и что в данный момент нападение является для него единственным средством предотвратить это уничтожение.

Отсюда следует, что небольшие общества чаще, чем крупные, имеют право прибегать к войне, так как им чаще приходится опасаться за свое существование.

Поэтому право войны вытекает из необходимости и строгой справедливости. Если люди, которые управляют совестью государя или являются его советниками, превышают свои права, то все погибло; если в основу будут положены произвольные принципы славы, приличия и пользы, то земля будет залита потоками крови.

И главное — пусть не говорят нам о славе государя. Его властолюбие и гордость — вот что будет его славой; но это страсти, а не законное право. Правда, престиж его могущества может увеличить силы его государства; но престиж его справедливости может привести к тому же.

Глава III. О праве завоевания

Из права войны вытекает право завоевания; оно — его следствие, и потому должно следовать его духу.

Права завоевателя по отношению к завоеванному им народу определяются четырьмя родами законов: законом природы, по которому все существующее стремится к сохранению своего вида; законом естественного разума, который требует, чтобы мы поступали с другими так, как хотели бы, чтобы они поступали с нами; законом образования

политических обществ, по которому природа не ограничила продолжительности их существования, и, наконец, законом, который вытекает из самой сути дела. Завоевание есть приобретение; но дух приобретения связан с духом сохранения и пользования, а не с духом разрушения.

Государство, завоевавшее другое государство, поступает с ним по одному из следующих четырех способов: или оно продолжает управлять им по его собственным законам, взяв на себя лишь дело политического и гражданского управления, или оно дает ему новое политическое и гражданское управление. или оно разрушает это общество и растворяет его в Других обществах, или, наконец, истребляет всех граждан.

Первый способ согласен с международным правом, которым мы руководствуемся ныне; четвертый — более согласуется с международным правом римлян, из чего можно судить, до какой степени мы стали лучше их в этом отношении. Воздадим здесь должное новейшему времени, современному разуму, нашей религии, нашей философии, нашим нравам.

Наши авторы, занимавшиеся публичным правом, основываясь на данных древней истории, исходя из требования строгой справедливости, впали в большие заблуждения. Они увлеклись произвольными суждениями и признали за завоевателями какое-то неведомое право убивать, что привело их к заключениям, столь же ужасным, как и самый этот принцип, и побудило установить такие правила, которым никогда не следовали и сами завоеватели, если у них оставалась хоть капля здравого смысла. Ясно, что раз завоевание совершено, завоеватель уже не имеет права убивать, потому что он уже не находится в положении естественной обороны и действует не в целях самосохранения.

Думали же эти авторы так потому, что, признав за завоевателем право уничтожить общество, они заключили отсюда, что это дает ему и право уничтожить людей, из которых общество состоит. Но это не более как ложный вывод из ложного принципа, так как из того, что нужно уничтожить общество, вовсе не следует, что необходимо для этого уничтожить и людей, его составляющих. Общество есть союз людей, а не сами люди. Гражданин может погибнуть, а человек остаться.

Из права убивать при завоевании политики вывели право обращать в рабство; но это заключение столь же мало основательно, как и исходное положение. Завоеватель имеет право обращать в рабство лишь тогда, когда это необходимо для сохранения результатов завоевания. Цель завоевания — сохранение завоеванного, а отнюдь не порабощение; может, однако, случиться, что порабощение явится необходимым средством сохранения завоеванного.

В таком случае было бы противно природе вещей устанавливать это рабство на вечные времена. Надо, чтобы порабощенный народ мог обратиться в подданного. Порабощение есть случайное последствие завоевания. Когда по истечении некоторого времени все части государства-завоевателя объединятся с частями завоеванного государства, посредством обычаев, браков, законов, сообществ и некоторого единомыслия рабство должно прекратиться. Права завоевателя основываются лишь на отсутствии такого объединения и на наличии отчуждения между обоими народами, при котором между ними не может быть взаимного доверия.

Итак, завоеватель, обращающий народ в состояние рабства, должен всегда иметь в запасе средства, чтобы вывести его из этого состояния.

То, что я говорю здесь, — это не плод досужей фантазии. Так поступали наши отцы, завоевавшие Римскую империю. Законы, которые они, опьяненные гордостью по поводу своих побед, создали в пылу битв, в разгаре действия, были ими впоследствии смягчены: их законы были суровы, они же сделали их беспристрастными. Бургунды, готы и лангобарды всегда хотели держать римлян в положении побежденного народа, а законы Эврика, Гундобада и Ротаря сделали из варваров и римлян сограждан.

Карл Великий, чтобы укротить саксов, лишил их наивной простоты быта и права собственности на имущество, Людовик Благочестивый освободил их; это было самым лучшим делом его царствования. Время и рабство смягчили нравы саксов, и они всегда оставались верны ему.

Глава IV. Некоторые выгоды, приносимые покоренному народу завоеванием

Политики сделали бы лучше, если бы, вместо того чтобы выводить из права завоевания столь роковые последствия, они указали на те выгоды, которые это право может иной раз принести покоренному народу. Эти выгоды были бы для них ощутительнее, если бы наше международное право соблюдалось более строго и было бы установлено по всей земле.

Внутренние порядки государств, подвергшихся завоеванию, обыкновенно ослабляются: в учреждениях распространяется продажность, законы не соблюдаются, и правительство становится притеснителем. Можно ли сомневаться, что такое государство выиграло бы, извлекло бы для себя какие-нибудь выгоды даже из своего завоевания, если бы оно не было столь разрушительным! Что потеряет от преобразования правление, дошедшее до такого расстройствa, при котором оно уже не в силах само себя преобразовать? Завоеватель, явившийся среди народа, где богач с помощью тысячи уловок и ухищрений незаметно обеспечил себе бесчисленные средства ко всякого рода захватам; где бедняк видит, как все, что он считал злоупотреблением, становится законом, и, терпя угнетение, не смеет на него жаловаться, — завоеватель, говорю я, может все это разрушить, и слепая тирания первая пострадает от насилия.

Были, например, случаи, когда государства, угнетенные откупщиками, получали облегчение от завоевателя, свободного от обязательств и нужд, которые имел их законный государь, Злоупотребления исчезали сами собою, даже без содействия завоевателя.

Иногда завоеватели нации в силу своей умеренности не лишали побежденных необходимых средств существования, которых они не имели при законном государе.

Завоевание может разрушить вредные предрассудки и, если смею так выразиться, дать в руководители народу лучшего гения.

Сколько добра могли бы сделать испанцы мексиканцам! Они должны были даровать мексиканцам кроткую религию, а они принесли с собой свирепые предрассудки. Они должны были сделать рабов свободными, — вместо того они свободных сделали рабами. Они могли

разъяснить мексиканцам зло человеческих жертвоприношений, — а вместо этого они истребили их. Я бы никогда не кончил, если бы стал перечислять все добро, которого они не сделали, и все причиненное ими зло.

Завоеватель должен исправить часть сделанных им зол. Право завоевания я определяю так: это необходимое, законное и злосчастное право, которое всегда налагает на завоевателя громадные обязательства, чтобы он мог расквитаться с человеческой природой.

Глава V. Гелон, царь Сиракузский

Мирный договор, который Гелон заключил с карфагенянами, является, как я полагаю, самым прекрасным из всех известных истории договоров этого рода. Он потребовал от них отмены жертвоприношения детей. Это поистине великолепно! Одержав победу над 300 тысячами карфагенян, он предъявил им требование, которое было полезно только для них же самих, или, вернее, явился перед ними заступником за человеческий род.

Бактриане отдавали своих престарелых родителей на съедение большим собакам, Александр запретил им это, и это запрещение было победой, которую он одержал над предрассудками.

Глава VI. О завоеваниях республики

Противно природе вещей, чтобы в федеративном государстве один из членов союза делал завоевание за счет другого члена его, как это мы видели в наши дни у швейцарцев. Но в смешанных федеративных республиках, состоящих из небольших республик и небольших монархий, это менее неуместно.

Несогласно также с природою вещей, чтобы демократическая республика завоевывала города, которые не могут войти в сферу демократии. Надо, чтобы завоеванный народ мог пользоваться привилегиями верховной власти, как это было вначале установлено римлянами. Размер завоевания должен быть ограничен для демократии определенным количеством граждан.

Если демократия покорит народ, чтобы управлять им как своим подданным, то этим она подвергнет опасности свою собственную свободу, так как ей придется доверять слишком большую власть лицам, которых она пошлет управлять завоеванным государством.

Какая опасность угрожала бы республике Карфагена, если бы Ганнибал овладел Римом! Чего бы не мог сделать в своем городе после победы тот, кто произвел в нем столько переворотов после своего поражения! Ганнон никогда не смог бы убедить сенат не посылать помощи Ганнибалу, если бы в нем говорила только одна зависть. Этот сенат, благоразумие которого хвалит Аристотель (оно доказывается и цветущим состоянием карфагенской республики), мог принять такое решение лишь на основании разумных доводов. Было бы уже слишком нелепо не понимать, что армия, удаленная на 300 миль от своей страны, должна неизбежно нести потери, которые необходимо пополнять.

Партия Ганнона хотела, чтобы Ганнибал был предан римлянам. Римлян тогда еще не боялись, значит боялись Ганнибала.

Говорят, что карфагеняне не могли поверить победам Ганнибала. Но возможно ли было такое сомнение? Могли ли рассеянные по всей земле карфагеняне не знать того, что происходило в Италии? Нет, именно потому, что они знали это, они и не хотели посылать помощи Ганнибалу. После битв при Тре-бии, Тразименском озере и при Каннах Ганнон все более и более утверждался в своем решении: в нем усиливалось не недоверие, а страх.

Глава VII. Продолжение той же темы

Завоевания, совершаемые демократиями, имеют еще следующую отрицательную сторону: правление их всегда ненавистно покоренным государствам. Оно кажется монархическим, но на деле оно более сурово, чем монархическое, как об этом свидетельствует опыт всех времен и стран.

Положение покоренных народов под этим правлением очень печально; они не могут пользоваться ни преимуществами республики, ни преимуществами монархии.

Сказанное мною о народном государстве может быть применено и к аристократическому государству.

Глава VIII. Продолжение той же темы

Итак, республика, которая держит в подчинении какой-нибудь народ, должна стараться исправить неудобства, естественно вытекающие из такого порядка вещей, и с этой целью даровать этому народу хорошее государственное право и хорошие гражданские законы.

Одной итальянской республике были подчинены островитяне, но ее политическое устройство и гражданское право были по отношению к ним очень дурны. Все помнят дарованную ею амнистию, в которой сказано, что жителей не будут более присуждать к телесным наказаниям по усмотрению губернатора. Нередко народы требуют себе привилегий; здесь же властитель дарует народу как привилегию право, общее для всех народов.

Глава IX. О монархии, покоряющей соседние страны

Если монархия может существовать долгое время, прежде чем ослабит себя чрезмерным расширением своих границ, то она достигнет грозного могущества и не утратит своей силы, пока ее будут теснить соседние монархии.

Но ее завоевания должны продолжаться только до тех пор, пока они не выйдут из границ, свойственных природе ее правления. Благоразумие предписывает ей остановиться, как только она переступила эти границы.

При завоеваниях такого рода надо, чтобы в завоеванной стране все осталось в прежнем положении: те же суды, те же законы, те же обычаи, те же привилегии; ничто не должно быть изменено, кроме армии и имени государя.

Когда монархия расширит свои пределы путем завоевания нескольких соседних провинций, она должна управлять ими с величайшей кротостью.

Если монархия долгое время вела завоевательную политику, то области, составляющие ее исконное владение, обыкновенно бывают очень истощены. Им приходится терпеть и от новых, и от старинных злоупотреблений, и часто обширная столица, которая все поглощает, отнимает у них значительную часть населения. Если же монархия, завоевав провинции, окружающие ее исконные владения, станет обращаться с покоренными народами так же, как со своими исконными подданными, то государство погибнет. Покоренные провинции ничего не получают за те подати, которые они будут посылать в столицу; пограничные области будут разорены и, следовательно, ослаблены; их население исполнено неприязни; в результате станет труднее содержать армии, которые должны там оставаться и действовать,

Таково неизбежное положение монархии, которая ведет завоевательную политику; чудовищная роскошь в столице, нищета в отдаленных от нее провинциях и изобилие на окраинах — совсем как на нашей планете: огонь в центре, зелень на поверхности, сухая, бесплодная и холодная земля посередине.

Глава X. О монархии, которая завоевывает другую монархию

Иногда монархия завоевывает другую монархию. Чем последняя меньше, тем легче удерживать ее в подчинении посредством крепостей; чем она больше, тем удобнее сохранять ее в своем владении посредством колоний.

Глава XI. Об обычаях побежденного народа

При такого рода завоеваниях недостаточно оставить побежденному народу его законы; быть может, еще более важно сохранить его обычаи, потому что народ всегда лучше знает, сильнее любит и ревностнее защищает свои обычаи, чем свои законы.

Французов девять раз изгоняли из Италии по причине, как говорят историки, их наглого обращения с женщинами. Народ, страдающий от высокомерия победителя, отказывается терпеть еще и его невоздержанность, и эту беззастенчивость, которая хуже всего, потому что порождает бесчисленные оскорбления.

Глава XII. Об одном законе Кира

Я не считаю хорошим закон Кира, по которому лидянам разрешалось заниматься одними только низкими и постыдными профессиями. Спешат предупредить ближайшую беду и, опасаясь восстаний, не помышляют о нашествиях. Но вскоре последуют и нашествия; завоеватели и завоеванные смешиваются и развращают друг друга. Я считаю, что законы должны скорее поддерживать суровые нравы победителя, чем поощрять изнеженность побежденного.

Аристодем, тиран Кум, старался подорвать мужество молодежи. Он хотел, чтобы юноши, также как и девушки, отпускали длинные волосы, украшали их цветами и одевались в разноцветные платья длиной до пят; чтобы женщины носили за ними зонтики, ароматы и опахала, когда они отправлялись к своим учителям танцев или музыки, и подавали им гребни и зеркала, когда они находились в банях. Такое воспитание продолжалось до двадцатилетнего возраста. Все это прилично лишь маленькому тирану, который подрывает свою власть ради спасения своей жизни.

Глава XIII. Карл XII

Этот государь, опиравшийся только на свои собственные силы, погубил себя потому, что строил замыслы, требовавшие для своего выполнения долгой войны, которая была не по силам его государству.

Он задумал сокрушить не государство в период упадка, а империю в период ее зарождения. Для московитов война с ним явилась хорошей школой. После каждого поражения они приближались к победе и, терпя внешний урон, научались внутренней обороне.

Блуждая по пустыням Польши, которые как бы стали частью Швеции, он считал себя повелителем мира, между тем как его главный враг укреплялся против него, теснил его, утверждался на берегах Балтийского моря и частью разрушал, частью завоевывал Ливонию.

Швеция походила на реку, течению которой дали другое направление, поставив плотину у ее истока.

Не Полтава погубила Карла, он все равно погиб бы, если не в этом, так в другом месте. Случайности фортуны можно легко исправить, но нельзя отразить события, постоянно порождаемые природой вещей.

Однако главным врагом его была не столько природа или фортуна, сколько он сам.

В своей деятельности он не считался с существующим положением вещей, а следовал принятому им известному образцу, которому притом подражал очень дурно. Он не был Александром, но мог бы быть лучшим солдатом Александра. Замыслы Александра увенчались успехом только потому, что они были разумны.

Неудачный исход нашествий персов на Грецию, завоевания Агесилая и отступление 10 тысяч ясно обнаружили превосходство военной тактики и вооружения греков; всем было известно, что персы слишком высокомерны, чтобы исправиться.

Они не могли уже ослаблять Грецию, производя в ней внутренний раскол. Она была объединена тогда под властью вождя, который знал, что лучшим средством не дать Греции заметить ее подчиненного положения будет ослепить ее уничтожением ее исконного врага и надеждой на покорение Азии.

Государство, населенное самым трудолюбивым народом в мире и возделывавшее землю по заповеди религии, плодоносное и изобилующее всеми благами, давало неприятелю удобные возможности удерживать свои позиции.

Судя по высокомерию его царей, которые не извлекли никаких уроков из своих поражений, можно было предвидеть, что они ускорят свое падение тем, что постоянно будут давать сражения, и что лесть никогда не позволит им усомниться в своем величии.

Предприятие Александра было не только мудро задумано, но и разумно выполнено. При всей стремительности своих действий и даже в самом пылу своих страстей Александр всегда сохранял ту, если можно так выразиться, остроту рассудка, которая всегда руководила им и которую не удалось скрыть от нас тем, кто по внушению своего более слабого рассудка хотел сделать роман из его истории. Поговорим же о нем.

Глава XIV. Александр

Он выступил в поход лишь после того, как обезопасил Македонию от соседних варварских народов и закончил покорение греков; он воспользовался покорением этого народа лишь для выполнения своего замысла; он сделал бессильной зависть лакедемонян; он атаковал приморские области; он повел свою сухопутную армию по берегу моря, чтобы не удалять ее от флота; он с необыкновенным искусством ввел строгую дисциплину в своей многочисленной армии; он не терпел нужды в продовольствии; и если победа доставила ему все, чего он желал, то и он тоже сделал все, чтобы доставить себе победу.

В начале своего предприятия, т. е. в то время, когда каждая неудача могла его погубить, он очень немного оставлял на волю случая; когда же счастье вознесло его превыше случайностей, дерзкая отвага бывала иногда одним из средств его успехов. Напав перед выступлением в поход на трибаллов и иллирийцев, он ведет с ними войну, подобную той, которую Цезарь вел против галлов. Возвратившись в Грецию, он как бы нехотя берет и разрушает Фивы.

Расположившись лагерем против этого города, он ждет от фиванцев предложения мира; они сами ускоряют свою гибель. Когда дело идет о сражении с персидским флотом, то наиболее отважным является Парменион, а наиболее благоразумным Александр. Он искусно отводит персов от берегов моря, чтобы они сами покинули свой флот, который был могущественнее его флота. Тир был принципиально сторонником

персов, которые не могли обходиться без его торговли и его кораблей; Александр разрушил этот город. Он взял Египет, который был оставлен без защиты Дарием, собиравшим в то время бесчисленные армии в другой части света.

Переход через Граник доставил Александру господство над греческими колониями; битва при Иссе отдала в его руки Тир и Египет; битва при Арбеллах сделала его господином всей земли.

После битвы при Иссе он оставляет без внимания бегущего Дария и заботится только об упрочении и приведении в порядок своих завоеваний; после битвы при Арбеллах он преследует его по пятам, не оставляя ему ни одного убежища во всем его царстве. Дарий вступает в свои города и области только для того, чтобы тотчас же бежать далее; переходы Александра так быстры, что господство над миром как будто стало не столько вопросом борьбы и победы, сколько наградой за состязание в беге, как на играх Греции.

Так он совершал свои завоевания; посмотрим, как он сохранял их.

Он не внимал тем, кто хотел, чтобы он обращался с греками, как с господами, а с персами, как с рабами. Он заботился только о том, чтобы соединить обе нации и стереть различия между народом-завоевателем и народом завоеванным. Он отбросил после победы все предрассудки, которые помогли ему одержать ее. Он принял персидские обычаи, чтобы не огорчить персов тем, что он заставил их принять обычаи греков. Поэтому он так почтительно обошелся с женой и матерью Дария и выказал такую воздержанность, которая привлекла к нему симпатии персов. Не удивителен ли этот завоеватель, оплаканный всеми завоеванными им народами? Не поразителен ли этот узурпатор, чья смерть вызывает слезы семьи государя, которого он лишил престола? Это неповторимая черта этой единственной в своем роде жизни; историки не сообщают нам ничего подобного ни об одном завоевателе.

Ничто так не упрочивает завоевания, как брачные союзы между завоевателями и завоеванными. Александр брал себе жен из среды побежденного им народа; он хотел, чтобы так же поступали его придворные; остальные македоняне последовали этому примеру. Франки

и бургунды разрешали такие браки; вестготы сначала воспретили их в Испании, а потом разрешили; лангобарды не только разрешали, но и поощряли их. Когда римляне захотели ослабить Македонию, они запретили заключение браков между жителями ее различных провинций.

Желая объединить оба народа, Александр задумал основать в Персии большое количество греческих колоний. Он построил бесчисленные города и так крепко спаял части своего нового царства, что по его смерти среди тревог и смут жесточайших междоусобиц, в то время, когда греки, так сказать, сами уничтожали себя, ни одна из провинций Персии не возмутилась.

Чтобы не истощать Грецию и Македонию, он послал в Александрию колонию евреев: для него были безразличны нравы народа, лишь бы он был верен ему. Он оставлял побежденным народам не только их обычаи, но и их гражданские законы, а часто даже и их прежних царей и областных правителей. Он ставил македонян во главе войск, а во главе гражданского управления — туземцев, предпочитая возможную измену какого-нибудь отдельного лица (что иногда и случалось) возможности общего восстания. Он относился с уважением к древним традициям и ко всем памятникам славы или тщеславия народов.

Персидские цари разрушили храмы греков, вавилонян и египтян, он восстановил их. Он приносил жертвы на алтарях почти всех подчинившихся ему народов. Казалось, он совершал свои завоевания для того, чтобы стать государем каждого народа в отдельности и первым гражданином каждого города. Римляне все завоевали, чтобы все разрушить; он хотел все завоевать, чтобы все сохранить. В какой бы стране он ни появлялся, первая мысль его, первые его намерения всегда были направлены на то. Чтобы сделать что-нибудь для увеличения ее благосостояния и могущества. Средства для этого он находил прежде всего в величии своего гения, затем в своей воздержанности и умеренности своих личных расходов и, наконец, в своей безграничной щедрости на великие дела. Его рука сжималась для личных издержек и широко раскрывалась для публичных. В ведении своего домашнего хозяйства он был македонцем, уплачивая долги своих солдат, делясь военной добычей с греками и заботясь о благополучии каждого воина своей армии, — он был Александром.

Он сделал два дурных дела — сжег Персеполь и убил Клита, но он прославил их своим раскаянием. Люди забыли его преступления, сохранив лишь память о его уважении к добродетели, так что на эти преступления смотрели скорее как на постигшее его несчастье, чем на свойственные ему поступки. Потомство даже любит прекрасными проявлениями его души почти рядом с его увлечениями и слабостями; приходилось его жалеть, потому что ненавидеть его было невозможно.

Сравню его с Цезарем, Когда Цезарь захотел подражать царям Азии. он возмутил римлян своим тщеславием; когда Александр захотел подражать царям Азии, он совершил дело, входившее в план его завоевания.

Глава XV. Новые средства сохранить завоевания

Монарху, завоевавшему большое государство, предстоит прекрасная деятельность, направленная на то, чтобы умерять деспотизм и сохранить завоеванное. Завоеватели Китая проявляли именно такую деятельность. Чтобы не довести до отчаяния побежденный народ и не дать слишком возгордиться победителю, чтобы предотвратить образование военного правления и удержать оба народа в пределах долга, татарская династия, ныне царствующая в Китае, определила, чтобы войска, размещенные по провинциям, состояли наполовину из китайцев и наполовину из татар, дабы самая вражда, с которой обе эти нации относятся друг к другу, удерживала их в границах долга. Суды там тоже наполовину китайские, наполовину татарские. Все это принесло много положительных результатов: 1) обе нации сдерживают друг друга; 2) поскольку та и другая обладают военной и гражданской властью, они не могут подавлять друг друга; 3) народ-завоеватель может рассеяться повсюду, не ослабляясь и не растворяясь в побежденном народе; он становится способным противостоять врагам внутренним и внешним. Это учреждение настолько благогворно, что именно отсутствие его и погубило почти всех, кто совершал завоевания на земле.

Глава XVI. О завоеваниях деспотического государства

Грандиозный характер завоевания порождает деспотизм. Войско, рассыпанное по провинциям, тогда уже не может справиться со всеми стоящими перед ним задачами. Надо, чтобы около государя был всегда отряд из особо ему преданных воинов, всегда готовых устремиться в ту область империи, где могло бы вспыхнуть восстание. Эта гвардия должна сдерживать все прочие части войска и наводить трепет на всякого, кому пришлось предоставить какую-то власть в государстве. Китайский император всегда имеет под рукой большой отряд татар, готовый выступить при первой надобности. У Могола, у турок, в Японии помимо армии, которая содержится на доходы от земли, есть особые полки, состоящие на жалованьи государя. Эти отдельные силы удерживают в повиновении общие силы.

Глава XVII. Продолжение той же темы

Мы уже сказали, что государства, завоеванные деспотическим монархом, должны быть обращены в вассальные государства. Историки восхваляют великодушные завоевателей, которые возвращали корону побежденным ими государям. С этой точки зрения надо считать особенно великодушными римлян, которые всюду ставили государей, чтобы затем пользоваться ими как своими орудиями в целях порабощения. Подобная мера объясняется необходимостью.

Если завоеватель присоединит завоеванное государство, то посылаемые им туда губернаторы не будут в силах справляться с подданными, а он сам не сможет справляться с губернаторами. Ему придется ослабить военную охрану своих исконных владений ради упрочения за собою новых. Всякое бедствие в одном из государств станет общим бедствием обоих; междоусобие одного распространится и на другое. Если же, напротив, победитель возвратит престол законному государю, то будет иметь в нем союзника, который увеличит его силы своими собственными силами. Так, на наших глазах Шах-Надир завоевал у Могола его сокровища, но оставил ему Индустан.

Книга одиннадцатая. О законах, устанавливающих политическую свободу в ее отношении к государственному устройству

Глава I. Общая идея

Я отличаю те законы, которые определяют политическую свободу в ее отношениях к государственному устройству, от тех, которые определяют ее отношения к гражданину. Первые составляют предмет настоящей книги; о вторых я буду говорить в следующей.

Глава II. Различные значения, придаваемые слову „свобода“

Нет слова, которое получило бы столько разнообразных значений и производило бы столь различное впечатление на умы, как слово „свобода“. Одни называют свободой легкую возможность низлагать того, кого они наделили тиранической властью; другие — право избирать того, кому они должны повиноваться; третьи — право носить оружие и совершать насилия; четвертые видят ее в привилегии состоять под управлением человека своей национальности или подчиняться своим собственным законам. Некий народ долгое время принимал свободу за обычай носить длинную бороду. Иные соединяют это название с известной формой правления, исключая все прочие.

Люди, вкусившие блага республиканского правления, отождествили понятие свободы с этим правлением, а люди, пользовавшиеся благами монархического правления, — с монархией. Наконец, каждый именовал свободой то правление, которое наиболее отвечало его обычаям или склонностям. Так как в республике пороки правления, на которые жалуются люди, выступают не так заметно и назойливо, причем создается впечатление, что там более действует закон, чем исполнители закона, то свободу обыкновенно отождествляют с республиками, отрицая ее в монархиях. Наконец, ввиду того что в демократиях народ, по-видимому, может делать все, что хочет, свободу приурочили к этому строю, смешав, таким образом, власть народа со свободой народа.

Глава III. Что такое свобода

Действительно, в демократиях народ, по-видимому, делает, что хочет. Но политическая свобода состоит совсем не в том, чтобы делать то, что хочется. В государстве, т. е. в обществе, где есть законы, свобода может заключаться лишь в том, чтобы иметь возможность делать то, чего

должно хотеть, и не быть принуждаемым делать то, чего не должно хотеть.

Необходимо уяснить себе, что такое свобода и что такое независимость. Свобода есть право делать все, что дозволено законами. Если бы гражданин мог делать то, что этими законами запрещается, то у него не было бы свободы, так как то же самое могли бы делать и прочие граждане.

Глава IV. Продолжение той же темы

Демократия и аристократия не являются государствами, свободными по самой своей природе. Политическая свобода имеет место лишь при умеренных правлениях. Однако она не всегда встречается и в умеренных государствах; она бывает в них лишь тогда, когда там не злоупотребляют властью. Но известно уже по опыту веков, что всякий человек, обладающий властью, склонен злоупотреблять ею, и он идет в этом направлении, пока не достигнет положенного ему предела. А в пределе — кто бы это мог подумать! — нуждается и сама добродетель.

Чтобы не было возможности злоупотреблять властью, необходим такой порядок вещей, при котором различные власти могли бы взаимно сдерживать друг друга. Возможен такой государственный строй, при котором никого не будут понуждать делать то, к чему его не обязывает закон, и не делать того, что закон ему позволяет.

Глава V. О цели различных государств

Хотя у всех государств есть одна общая им всем цель, заключающаяся в охране своего существования, тем не менее у каждого из них есть и своя особенная, ему только свойственная цель. Так, у Рима была цель — расширение пределов государства, у Лакедемона — война, у законов иудейских — религия, у Марсея — торговля, у Китая — общественное спокойствие, у родосцев — мореплавание; естественная свобода есть предмет заботы дикарей, цель деспотических государств — наслаждения государя, цель монархий — слава государя и его государства, цель законов Польши — независимость каждого отдельного лица и вытекающее отсюда угнетение всех.

Есть также на свете народ, непосредственным предметом государственного устройства которого является политическая свобода. Обратимся к рассмотрению общих начал, на которых он ее утверждает. Если они хороши, то свобода отразится в них, как в зеркале.

Нам не потребуется много труда для того, чтобы обнаружить в конституции политическую свободу. Если можно увидеть ее там, где она есть, если она уже найдена, то зачем долее искать ее?

Глава VI. О государственном устройстве Англии

В каждом государстве есть три рода власти: власть законодательная, власть исполнительная, ведающая вопросами международного права, и власть исполнительная, ведающая вопросами права гражданского.

В силу первой власти государь или учреждение создает законы, временные или постоянные, и исправляет или отменяет существующие законы. В силу второй власти он объявляет войну или заключает мир, посылает или принимает послов, обеспечивает безопасность, предотвращает нашествия. В силу третьей власти он карает преступления и разрешает столкновения частных лиц.

Последнюю власть можно назвать судебной, а вторую — просто исполнительной властью государства.

Для гражданина политическая свобода есть душевное спокойствие, основанное на убеждении в своей безопасности. Чтобы обладать этой свободой, необходимо такое правление, при котором один гражданин может не бояться другого гражданина.

Если власть законодательная и исполнительная будут соединены в одном лице или учреждении, то свободы не будет, так как можно опасаться, что этот монарх или сенат станет создавать тиранические законы для того, чтобы так же тиранически применять их.

Не будет свободы и в том случае, если судебная власть не отделена от власти законодательной и исполнительной. Если она соединена с

законодательной властью, то жизнь и свобода граждан окажутся во власти произвола, ибо судья будет законодателем. Если судебная власть соединена с исполнительной, то судья получает возможность стать угнетателем.

Все погибло бы, если бы в одном и том же лице или учреждении, составленном из сановников, из дворян или простых людей, были соединены эти три власти: власть создавать законы, власть приводить в исполнение постановления общегосударственного характера и власть судить преступления или тяжбы частных лиц.

В большинстве европейских государств установлен умеренный образ правления, потому что их государи, обладая двумя первыми властями, предоставляют своим подданным отправление третьей.

У турок, где эти три власти соединены в лице султана, царствует ужасающий деспотизм.

В республиках Италии, где эти три власти также соединены, свободы меньше, чем в наших монархиях. Поэтому там правительство нуждается в целях самосохранения в столь же свирепых мерах, как турецкое, о чем свидетельствуют государственные инквизиторы и ящик, куда всякий доносчик может в любое время бросить свою обвинительную записку. Подумайте, в каком положении находится гражданин такой республики. Каждое ведомство обладает там, как исполнитель законов, всею полнотой власти, которую предоставило себе, как законодатель. Оно может разрушить государство своей волей, облеченной в форму общеобязательных законов; обладая, кроме того, судебною властью, оно имеет возможность погубить каждого гражданина своей волей, облеченной в форму единичного приговора. Все три проявления власти являются тут в нераздельном единстве; и хотя там и нет той внешней пышности, которая отличает деспотического государя, но дух его чувствуется ежеминутно.

Поэтому государи, стремившиеся к деспотизму, всегда начинали с того, что объединяли в своем лице все отдельные власти, а многие короли Европы — с того, что присваивали себе все главные должности в своем государстве.

Конечно, чистая наследственная аристократия итальянских республик не воспроизводит в точности азиатского деспотизма. Многочисленность должностных лиц иногда смягчает там самую должность; там не все дворяне бывают согласны в своих намерениях; там существуют различные суды, взаимно ограничивающие друг друга. Так, в Венеции Большой совет обладает законодательной властью, прегадия — исполнительной, а квантанти — судебной. Но дурно то, что все эти различные трибуналы состоят из должностных лиц одного и того же сословия, вследствие чего они представляют собою в сущности одну и ту же власть.

Судебную власть следует поручать не постоянно действующему сенату, а лицам, которые в известные времена года по указанному законом способу привлекаются из народа для образования суда, продолжительность действия которого определяется требованиями необходимости.

Таким образом, судебная власть, столь страшная для людей, не будет связана ни с известным положением, ни с известной профессией; она станет, так сказать, невидимой и как бы несуществующей. Люди не имеют постоянно перед глазами судей и страшатся уже не судьбы, а суда.

Необходимо даже, чтобы в случае важных обвинений преступник пользовался по закону правом самому избирать своих судей или по крайней мере отводить их в числе настолько значительном, чтобы на остальных можно было бы уже смотреть как на им самим избранных.

Обе же другие власти можно поручить должностным лицам или постоянным учреждениям ввиду того, что они не касаются никаких частных лиц, так как одна из них является лишь выражением общей воли государства, а другая — исполнительным органом этой воли.

Но если состав суда не должен быть неизменным, то в приговорах его должна царить неизменность, так чтобы они всегда были лишь точным применением текста закона. Если бы в них выражалось лишь частное мнение судьбы, то людям пришлось бы жить в обществе, не имея

определенного понятия об обязанностях, налагаемых на них этим обществом.

Нужно даже, чтобы судьи были одного общественного положения с подсудимым, равными ему, чтобы ему не показалось, что он попал в руки людей, склонных притеснять его.

Если власть законодательная предоставит исполнительной право заключать в тюрьму граждан, которые могут представить в обеспечение своего поведения поручительство, то свобода будет уничтожена, за исключением случаев, когда человека арестуют для того, чтобы без всякой отсрочки привлечь к ответу по обвинению в уголовном преступлении. В этих последних случаях арестованные на самом деле свободны, так как они подчиняются лишь власти закона.

Но если бы законодательная власть оказалась в опасности вследствие какого-нибудь тайного заговора против государства или каких-либо сношений с внешним врагом, то она могла бы разрешить исполнительной власти арестовать на короткое и ограниченное время подозрительных граждан, которые в таком случае утратили бы свободу на время для того, чтобы сохранить ее навсегда.

И это — единственная сообразная с разумом замена тирании эфоров и столь же деспотической власти государственных инквизиторов Венеции.

Ввиду того что в свободном государстве всякий человек, который считается свободным, должен управлять собою сам, законодательная власть должна бы принадлежать там всему народу. Но так как в крупных государствах это невозможно, а в малых связано с большими неудобствами, то необходимо, чтобы народ делал посредством своих представителей все, чего он не может делать сам.

Люди гораздо лучше знают нужды своего города, чем нужды других городов; они лучше могут судить о способностях своих соседей, чем о способностях прочих своих соотечественников. Поэтому членов законодательного собрания не следует избирать из всего населения

страны в целом; жители каждого крупного населенного пункта должны избирать себе в нем своего представителя.

Большое преимущество избираемых представителей состоит в том, что они способны обсуждать дела. Народ для этого совсем непригоден, что и составляет одну из слабейших сторон демократии.

Нет необходимости в том, чтобы представители, получив от своих избирателей общую инструкцию, получали от них еще и частные указания по каждому особому делу, как это делается на сеймах в Германии. Правда, в последнем случае слова депутата были бы более верным отзвуком голоса нации; но это повело бы к бесконечным проволочкам, дало бы каждому депутату власть над всеми остальными, и в самых неотложных случаях вся сила народа могла бы быть парализована чьим-нибудь капризом.

Сидней совершенно прав, говоря, что если депутаты являются представителями сословий, как в Голландии, то они должны отчитываться перед теми, кто их уполномочил; но иное дело, когда они являются представителями городов и местечек, как в Англии.

Право подавать голос в своем округе для выбора представителей должны иметь все граждане, исключая тех, положение которых так низко, что на них смотрят как на людей, неспособных иметь свою собственную волю.

Большинство древних республик имело один крупный недостаток: народ имел здесь право принимать активные решения, связанные с исполнительной деятельностью, к чему он совсем неспособен. Все его участие в правлении должно быть ограничено избранием представителей. Последнее ему вполне по силам, так как если и мало есть людей, способных установить точные границы способностей человека, то всякий способен решить в общем, является ли его избранник более способным и сведущим, чем большинство остальных.

Представительное собрание следует также избирать не для того, чтобы оно выносило какие-нибудь активные решения, — задача, которую оно не в состоянии хорошо выполнить, — но для того, чтобы создавать

законы или наблюдать за тем, хорошо ли соблюдаются те законы, которые уже им созданы, — дело, которое оно — и даже только оно — может очень хорошо выполнить.

Во всяком государстве всегда есть люди, отличающиеся преимуществами рождения, богатства или почестей; и если бы они были смешаны с народом, если бы они, как и все прочие, имели только по одному голосу, то общая свобода стала бы для них рабством и они отнюдь не были бы заинтересованы в том, чтобы защищать ее, так как большая часть решений была бы направлена против них. Поэтому доля их участия в законодательстве должна соответствовать прочим преимуществам, которые они имеют в государстве, а это может быть достигнуто в том случае, если они составят особое собрание, которое будет иметь право отменять решения народа, как и народ имеет право отменять его решения.

Таким образом, законодательная власть была бы поручена и собранию знатных, и собранию представителей народа, каждое из которых имело бы свои отдельные от другого совещания, свои отдельные интересы и цели. Из трех властей, о которых мы говорили, судебная в известном смысле вовсе не является властью. Остаются две первые; для того, чтобы удержать их от крайностей, необходима регулирующая власть; эту задачу очень хорошо может выполнить та часть законодательного корпуса, которая состоит из знати.

Законодательный корпус, состоящий из знатных, должен быть наследственным. Он является таким уже по самой своей природе. Кроме того, необходимо, чтобы он был очень заинтересован в сохранении своих прерогатив, которые сами по себе ненавистны и в свободном государстве неизбежно будут находиться в постоянной опасности.

Но так как власть наследственная может быть вовлечена в преследование своих отдельных интересов, забывая об интересах народа, то необходимо, чтобы -во всех случаях, когда можно опасаться, что имеются важные причины для того, чтобы ее развратить, как, например, в случае законов о налогах, все ее участие в законодательстве состояло бы в праве отменять, но не постановлять.

Под правом постановлять я разумею право приказывать самому или исправлять то, что было приказано другим. Под правом отменять я разумею право обратить в ничто решение, вынесенное кем-либо другим, — право, в котором заключалась власть трибунов Рима. И хотя тот, кто имеет право отменять, имеет также и право одобрять, однако это одобрение в данном случае не что иное, как заявление об отказе пользоваться своим правом отмены, и вытекает из этого права.

Исполнительная власть должна быть в руках монарха, так как эта сторона правления, почти всегда требующая действия быстрого, лучше выполняется одним, чем многими; напротив, все, что зависит от законодательной власти, часто лучше устраивается многими, чем одним.

Если бы не было монарха и если бы законодательная власть была вверена известному количеству лиц из числа членов законодательного собрания, то свободы уже не было бы: обе власти оказались бы объединенными, так как одни и те же лица иногда пользовались бы — и всегда могли бы пользоваться — и тою, и другою властью.

Свободы не было бы и в том случае, если бы законодательное собрание не собиралось в течение значительного промежутка времени, так как тогда произошло бы одно из двух: либо законодательная деятельность совсем прекратилась бы и государство впало бы в состояние анархии, либо эту деятельность приняла бы на себя исполнительная власть, вследствие чего эта власть стала бы абсолютной.

Нет никакой надобности в том, чтобы законодательное собрание было постоянно в сборе. Это было бы неудобно для представителей и слишком затруднило бы исполнительную власть, которой в таком случае пришлось бы заботиться уже не о том, чтобы выполнять свои обязанности, а лишь о том, чтобы защищать свои прерогативы и свое право на исполнительную деятельность.

Кроме того, если бы законодательное собрание было в постоянном сборе, то могло бы случиться, что все изменения в его личном составе свелись лишь к замещению умершего депутата новым. В таком случае, если бы законодательное собрание оказалось не соответствующим своему назначению, этому уже ничем нельзя было бы помочь. При смене одного

состава законодательного собрания другим народ, не расположенный к данному законодательному собранию, возлагает не без основания свои надежды на то, которое придет ему на смену, между тем как при бессменности этого собрания он в случае испорченности последнего не ожидает уже ничего хорошего от его законов и впадает в ярость или в равнодушие.

Законодательное собрание должно собираться по собственному усмотрению, так как всякий политический организм признается обладающим волею лишь тогда, когда он уже находится в сборе. Если бы оно собралось не единодушно, то нельзя было бы решить, какая часть является действительно законодательным собранием: та ли, которая собралась, или та которая не собралась. Если же оно имело бы право само распускать себя, то могло бы случиться, что оно никогда не постановило бы этого роспуска, что было бы опасно в случае, если бы оно замыслило какое-нибудь покушение на исполнительную власть. К тому же одни времена более благоприятны для деятельности законодательного собрания, чем другие; необходимо поэтому, чтобы время созыва и продолжительность заседания этих собраний определяла исполнительная власть, основываясь на известных ей обстоятельствах.

Если исполнительная власть не будет иметь права останавливать действия законодательного собрания, то последнее станет деспотическим, так как, имея возможность предоставить себе любую власть, какую оно только пожелает, оно уничтожит все прочие власти.

Наоборот, законодательная власть не должна иметь права останавливать действия исполнительной власти. Так как исполнительная власть ограничена по самой своей природе, то нет надобности еще как-то ограничивать ее; кроме того, предметом ее деятельности являются вопросы, требующие быстрого решения. Один из главных недостатков власти римских трибунов состоял в том, что они могли останавливать деятельность не только законодательной, но даже исполнительной власти, что причиняло большие бедствия.

Но если в свободном государстве законодательная власть не должна иметь права останавливать власть исполнительную, то она имеет право и должна рассматривать, каким образом приводятся в исполнение

созданные ею законы; и в этом состоит преимущество такого правления над тем, которое было у критян и в Лакедемоне, где космы и эфоры не отчитывались в своем управлении.

Но к чему бы ни привело это рассмотрение, законодательное собрание не должно иметь власти судить лицо, а следовательно, и поведение лица, отправляющего исполнительную власть. Личность последнего должна быть священна, так как она необходима государству для того, чтобы законодательное собрание не обратилось в тиранию; свобода исчезла бы с того момента, как исполнительная власть подверглась бы обвинению или была бы привлечена к суду.

В таком случае государство было бы не монархией, а республикой без свободы. Но так как тот, кому принадлежит исполнительная власть, может дурно пользоваться ею только потому, что у него дурные советники, которые как министры ненавидят законы, хотя и покровительствуют им как люди, то эти советники могут быть привлечены к ответу и наказаны. И в этом заключается преимущество этого рода правления над правлением Гнида, где закон не позволял привлекать к суду амимонов даже по окончании срока их управления, вследствие чего народ никогда не мог добиться удовлетворения за причиненные ему несправедливости.

Хотя вообще судебную власть не следует соединять ни с какою частью власти законодательной, это правило допускает три исключения, основанные на наличии особых интересов у лиц, привлекаемых к суду.

Люди знатные всегда возбуждают к себе зависть; поэтому если бы они подлежали суду народа, то им угрожала бы опасность и на них не распространялась бы привилегия, которой пользуется любой гражданин свободного государства, — привилегия быть судимым равными себе. Поэтому необходимо, чтобы знать судилась не обыкновенными судами нации, а той частью законодательного собрания, которая составлена из знати.

Возможно, что закон, в одно и то же время дальновидный и слепой, окажется в некоторых случаях слишком суровым. Но судьбы народа, как мы уже сказали, — не более как уста, произносящие слова закона,

безжизненные существа, которые не могут ни умерить силу закона, ни смягчить его суровость.

Поэтому и в настоящем случае должна взять на себя обязанности суда та часть законодательного собрания, о которой мы только что говорили как о необходимом суде в другом случае. Верховному авторитету этого суда предстоит умерять закон для блага самого же закона произнесением приговоров, менее суровых, чем те, которые им предписываются.

Может также случиться, что гражданин нарушит в каком-либо общественном деле права народа и совершит преступления, которые не смогут и не пожелают карать назначенные судьи. Но, как правило, законодательная власть не имеет права судить; тем менее она может пользоваться этим правом в том особенном случае, когда она представляет заинтересованную сторону, какой является народ. Итак, за ней остается только право обвинения. Но перед кем же будет она обвинять? Не перед теми ли судами, которые поставлены ниже ее и к тому же состоят из людей, которые, принадлежа, как и она, к народу, будут подавлены авторитетом столь высокого обвинителя? Нет: для охранения достоинства народа и безопасности частного лица надо, чтобы часть законодательного собрания, состоящая из народа, обвиняла перед тою частью законодательного собрания, которая состоит из знатных и потому не имеет с первой ни общих интересов, ни одинаковых страстей.

И в этом заключается преимущество такого рода правления перед правлением большей части древних республик, имевших тот недостаток, что народ там был в одно и то же время и судьей, и обвинителем.

Исполнительная власть, как мы сказали, должна принимать участие в законодательстве своим правом отмены решений, без чего она скоро лишилась бы своих прерогатив. Но она погибнет и в том случае, если законодательная власть станет принимать участие в отправлении исполнительной власти. Если монарх станет участвовать в законодательстве своим правом издавать постановления, то свободы уже не будет. Но так как ему все же надо участвовать в законодательстве ради интересов собственной защиты, то необходимо, чтобы его участие выражалось только в праве отмены.

Причина изменения образа правления в Риме заключалась в том, что сенат, обладавший одной частью исполнительной власти, и судьи, обладавшие другою ее частью, не имели, подобно народу, права отмены законов.

Итак, вот основные начала образа, правления, о котором мы ведем речь. Законодательное собрание состоит здесь из двух частей, взаимно сдерживающих друг друга принадлежащим им правом отмены, причем обе они связываются исполнительной властью, которая в свою очередь связана законодательной властью.

Казалось бы, эти три власти должны прийти в состояние покоя и бездействия. Но так как необходимое течение вещей заставит их действовать, то они будут вынуждены действовать согласованно.

Так как исполнительная власть участвует в законодательстве только посредством своего права отмены, она не должна входить в самое обсуждение дел. Нет даже необходимости, чтобы она вносила свои предложения; ведь она всегда имеет возможность не одобрить заключения законодательной власти и потому может отвергнуть любое решение, состоявшееся по поводу нежелательного для нее предложения.

В некоторых древних республиках, где дела обсуждались всенародно, исполнительная власть, естественно, должна была и вносить предложения, и обсуждать их вместе с народом, так как иначе получилась бы необычайная путаница в постановлениях.

Если исполнительная власть станет участвовать в постановлениях о налогах не одним только изъявлением своего согласия, то свободы уже не будет, потому что исполнительная власть обратится в законодательную в одном из- самых важных пунктов законодательства.

Если по тому же вопросу законодательная власть будет выносить свои постановления не на годичный срок, а навсегда, то она рискует утратить свою свободу, так как исполнительная власть уже не будет зависеть от нее; а если такое право приобретено навсегда, вопрос о том, кому мы обязаны этим приобретением — самим ли себе или кому-то

другому, — уже становится безразличным. То же самое произойдет, если законодательная власть станет выносить такие же бессрочные постановления по вопросам о сухопутных и морских силах, которые она должна поручать ведению исполнительной власти.

Чтобы тот, кому принадлежит исполнительная власть, не мог угнетать, надо, чтобы поручаемые ему войска представляли собою народ и были проникнуты одним духом с народом, как это было в Риме до времени Мария. А чтобы это было так, необходимо одно из двух: или те, кто служит в армии, должны иметь достаточные средства, чтобы отвечать за свое поведение перед прочими гражданами своим имуществом. причем служба их должна быть ограничена годичным сроком, как это практиковалось в Риме; или, если имеется в виду постоянное войско, составленное из подонков народа, законодательной власти должно быть предоставлено право распустить это войско, когда ей вздумается; солдаты должны жить вместе с народом; не следует создавать ни отдельных лагерей, ни казарм, ни крепостей.

Армия, после того как она создана, должна находиться в непосредственной зависимости не от законодательной, а от исполнительной власти; это вполне согласуется с природой вещей, ибо армии надлежит более действовать, чем рассуждать.

По свойственному им образу мыслей люди более уважают смелость, чем осторожность; деятельность, чем благоразумие; силу, чем советы. Армия всегда будет презирать сенат и уважать своих офицеров. Она отнесется с пренебрежением к приказам, посылаемым ей от имени собрания, состоящего из людей, которых она считает робкими и потому не достойными ею распоряжаться, Таким образом, если армия будет зависеть единственно от законодательного собрания, правление станет военным. Если и были где-либо уклонения от этого правила, то лишь вследствие каких-нибудь чрезвычайных причин: оттого, например, что армия была изолирована; оттого, что она состояла из нескольких частей, зависящих от разных провинций; оттого, что главные города страны были отлично защищены по своему природному положению и потому не содержали в себе войска.

Голландия еще лучше защищена, чем Венеция. Она может потопить взбунтовавшиеся войска или уморить их голодом. Там войска размещаются не по городам, которые могли бы снабжать их продовольствием, поэтому их легко можно лишить этого продовольствия.

Но если в случае непосредственной зависимости армии от законодательного корпуса какие-нибудь особенные обстоятельства и помешают правлению стать военным правлением, то этим не устраняются другие неудобства такого положения.

Должно будет случиться одно из двух: или армия разрушит правительство, или правительство ослабит армию.

И это ослабление явится следствием причины поистине роковой: оно будет порождено слабостью самого правительства.

Всякий, кто пожелает прочитать великолепное творение Тацита о нравах германцев, увидит, что свою идею политического правления англичане заимствовали у германцев. Эта прекрасная система найдена в лесах. Все человеческое имеет конец, и государство, о котором мы говорим, утратит свою свободу и погибнет, как погибли Рим, Лакедемон и Карфаген; погибнет оно тогда, когда законодательная власть окажется более испорченной, чем исполнительная.

Не мое дело судить о том, пользуются ли в действительности англичане этой свободой или нет. Я довольствуюсь указанием, что они установили ее посредством своих законов, и не ищу большего.

Я не имею намерения ни унижать другие правления, ни говорить, что эта крайняя политическая свобода должна служить укором тем, у которых есть свобода умеренная. Да и как мог бы я сказать это, когда сам считаю, что в избытке даже разум не всегда желателен и что люди почти всегда лучше приспосабливаются к середине, чем к крайностям?

Гаррингтон в своей Осеапа стремился выяснить, какова та высшая степень свободы, которой может достигнуть конституция государства. Но можно сказать, что он разыскивал эту свободу, отвернувшись от нее, и что он построил Халкедон, имея перед глазами берега Византии.

Глава VII. Об известных нам монархиях

Монархии, которые нам известны, не имеют своим непосредственным предметом свободу, подобно той монархии, о которой мы только что говорили; они стремятся лишь к славе граждан, государства и государя. Но из этой славы проистекает дух свободы, который может в этих государствах творить дела столь же великие и, возможно, столько же способствовать счастью людей, как и сама свобода.

Распределение и соединение трех властей там осуществлено не по образцу того государственного устройства, о котором мы говорили выше. Каждая власть распределена там особым образом, который более или менее приближает ее к свободе, без чего монархия выродилась бы в деспотизм.

Глава VIII. Почему древние не имели достаточно ясного представления о монархии

Древние совсем не знали правления, основанного на сословии знати, и тем более правления, основанного на законодательном собрании, составленном из представителей нации. Республики Греции и Италии были городами, каждый из которых управлялся по-своему и заключал в своих стенах всех своих граждан. Прежде чем все эти республики были поглощены римлянами, королей не было почти нигде; в Италии, Галлии, Испании. Германии — всюду были небольшие народы да маленькие республики. Даже Африка находилась в подчинении у большой республики, а Малая Азия была занята греческими колониями.

Городского представительства и государственных собраний не было нигде, и надо было добраться до Персии, чтобы найти правление одного лица.

Существовали, правда, федеративные республики; несколько городов посылали своих представителей на общее собрание. Но монархии, устроенной по такому образцу, не было.

Вот как возникли первоначальные очертания известных нам монархий. Племена германцев, которые завоевали Римскую империю, как известно, пользовались очень большой свободой. Стоит только почитать, что говорит Тацит о нравах германцев, чтобы убедиться в этом. Завоеватели распространились по всей стране; они расселялись по деревням, и очень немногие жили в городах. Пока они жили в Германии, весь народ мог сходиться на общее собрание. После того как они рассеялись по завоеванной территории, это уже стало невозможным. Но так как народ все же должен был совещаться о своих делах, как он это делал до завоевания, то он стал совещаться посредством представителей. Вот зародыш готического правления у наших предков.

Первоначально оно представляло собой смесь аристократии с монархией и имело то неудобство, что простой народ был там рабом. Но все же это было хорошее правление, обладавшее способностью сделаться лучшим. В нем установился обычай давать освободительные грамоты, и вскоре гражданская свобода народа, прерогативы знати и духовенства, власть королей были так хорошо согласованы, что я не знаю, было ли когда-нибудь на земле правление, столь хорошо уравновешенное, как то, которым пользовались все части Европы в то время, когда оно там существовало. И не поразителен ли тот факт, что самое разложение правления народа-завоевателя породило лучшее из правлений, которое люди могли только себе вообразить.

Глава IX. Воззрения Аристотеля

Видно, что Аристотель испытывает затруднения, когда он говорит о монархии. Он устанавливает пять родов ее и различает их не по форме государственного устройства, а по случайным признакам, каковы добродетели или пороки государя, или по признакам внешним, каковы захват тирании или ее преемственность.

Аристотель причисляет к монархиям и государство персов, и государство лакедемонян. Но кто не видит, что первое было деспотическим государством, а второе республикой?

Не зная распределения трех властей в правлении одного, древние не могли составить себе верного представления о монархии.

Глава X. Воззрения других политиков

Аррибас, царь Эпира, видел в республике средство умерить власть одного. Молоссы, не зная, как ограничить ту же самую власть, поставили двух царей; этим они более ослабили государство, чем государей; они думали создать соперников и получили врагов.

Существование двух царей могло быть терпимо лишь в Лакедемоне; там они были не сущностью государственного устройства, но лишь одним из его элементов.

Глава XI. О греческих царях героической эпохи

У греков в героическую эпоху установилось нечто вроде монархии, которая продержалась недолго. Лица, которые создавали ремесла, вели войны за народ, соединяли людей в общества или наделяли их землями, получали царскую власть и передавали ее своим детям. Они были царями, жрецами и судьями. Это один из пяти родов монархии, о которых нам говорит Аристотель, и единственный действительно имеющий сходство с монархическим строем. Но характер этого строя противоположен устройству наших нынешних монархий.

Распределение трех властей было в нем таково, что народ имел законодательную власть, а царь — исполнительную власть вместе с судебной; между тем как в известных нам государствах государь обладает властью исполнительной и законодательной или по крайней мере частью законодательной, но сам не судит.

В правлении царей героической эпохи распределение трех властей было проведено очень дурно. Эти монархии были недолговечны, так как народ, обладая законодательной властью, мог уничтожить их по малейшему капризу, что он повсюду и сделал.

У народа, свободного и обладающего законодательной властью, у народа, заключенного в стенах города, где все ненавистное является еще более ненавистным, высшее искусство законодательства состоит в умении хорошо распорядиться судебной властью. Но ею нельзя было

распорядиться хуже. чем поручив тому, кто имел уже исполнительную власть. С этого момента монарх становился страшным. Но так как в то же время он не участвовал в законодательстве и потому был перед ним беззащитен, можно сказать, что у него было и слишком много, и слишком мало власти.

Тогда еще не было обнаружено, что истинная деятельность государя состоит в том, чтобы назначать судей, а не судить самому. Противоположная этому политика сделала власть одного невыносимой. Все эти цари были изгнаны. Греки не составили себе правильного представления о распределении трех властей в правление одного; они дошли до этого представления только в применении к правлению многих и назвали государственный строй такого рода политией.

Глава XII. О правлении царей Рима и о том, как там были распределены три власти

Правление царей Рима в некоторых отношениях сходно с правлением царей у греков героического периода. Оно пало, как и прочие, вследствие общего им всем порока, хотя само по себе и по своей природе оно было очень хорошим.

Для ознакомления с этим правлением я разделю его на правление пяти первых царей, правление Сервия Туллия и правление Тарквиния.

Царя избирали, но во времена пяти первых царей сенат играл преобладающую роль при его избрании.

По смерти царя сенат обсуждал, следует ли сохранить существующую форму правления. Если он находил нужным сохранить ее, то он назначал из своей среды сановника, который избирал царя; сенат должен был одобрить избрание, народ — утвердить его, гадания — освятить. Если одного из этих трех условий не было налицо, совершались новые выборы.

Государственный строй был монархическим, аристократическим и народным; между властями была установлена такая гармония, что в период первых царствований не было ни зависти, ни вражды. Царь предводительствовал войсками и ведал жертвоприношениями; он имел власть судить дела гражданские и уголовные; он созывал сенат и собирал народ; некоторые дела он выносил на рассмотрение народа, а остальные решал совместно с сенатом.

Сенат пользовался большим авторитетом. Цари часто призывали сенаторов для участия в своем суде и не выносили на рассмотрение народа ни одного дела, которое не было бы предварительно обсуждено в сенате.

Народ имел право избирать должностных лиц, изъявлять согласие на издание новых законов и с дозволения царя объявлять войну и заключать мир. Но он не имел власти судить; и если Тулл Гостилий отдал на его суд Горация, то у него были для этого особые причины, которые приводит Дионисий Галикарнасский.

Государственный строй изменился при Сервии Туллии. Сенат уже не участвовал в избрании этого царя; он был провозглашен народом. Он перестал судить гражданские дела и оставил за собой только уголовные; он выносил все дела на обсуждение народа; он облегчил налоги и все бремя их возложил на патрициев. Так, ослабляя царскую власть и авторитет сената, он соответственно этому усиливал власть народа.

Тарквиний не был избран ни сенатом, ни народом. Он видел в Сервии Туллии узурпатора и занял престол, считая, что имеет на него наследственное право. Он истребил большую часть сенаторов, а с оставшимися не совещался и не привлекал их даже к участию в своем суде. Его власть увеличилась; но все, что было в этой власти ненавистного, стало еще более ненавистным.

Он захватил власть народа; он создавал законы без него и даже против него. Он соединил бы в своем лице все три власти, но народ, наконец, вспомнил, что законодатель — он сам, и Тарквиния не стало.

Глава XIII. Общие рассуждения о состоянии Рима после изгнания царей

Расстаться с римлянами невозможно; так еще и теперь в их столице люди покидают новые дворцы и ищут развалин; так глаз, успокоенный зеленой эмалью лугов, любит созерцать скалы и горы.

Патрицианские фамилии всегда имели большие привилегии. Эти привилегии, столь значительные в эпоху царей, стали еще значительнее после их изгнания. Это возбудило зависть плебеев, которые захотели принизить патрициев. Недовольство было направлено против государственного строя и не ослабляло правления: поскольку учреждения сохраняли свою власть, было в общем безразлично, к каким семьям принадлежали должностные лица. Избирательная монархия, какою был Рим, должна по необходимости опираться на могущественную аристократию, без которой она превратится в тиран-ию или народное государство. Но народное государство не нуждается для своей поддержки в родовых привилегиях. Поэтому патриции, которые были необходимым элементом государственного строя во времена царей, стали в нем излишними во времена консулов. Народ мог принизить патрициев без вреда для себя и преобразовать строй, не извращая его.

После того как Сервий Туллий унизил патрициев, Рим должен был перейти из рук царей в руки народа, между тем как народ, принижая патрициев, не имел основания опасаться снова оказаться под властью царей.

Природа государства изменяется двумя путями: или потому, что государственный строй исправляется, или потому, что он разлагается. Если он изменяется, сохраняя свои принципы, — это значит, что он исправляется; если же при изменении он утрачивает свои принципы, — это значит, что он разлагается.

Рим после изгнания царей должен был стать демократией. Народ уже обладал законодательной властью; цари были изгнаны по его единодушному решению; и если бы он не настаивал на этом решении, то Тарквиний могли бы возвратиться ежеминутно. Предполагать, что он изгнал их для того, чтобы стать рабом нескольких фамилий, было бы

неразумно. Итак, положение вещей требовало, чтобы Рим стал демократией, и, однако, он не был ею. Надо было умерить власть главных сановников и изменить законы в сторону демократии.

Часто государства более процветают в период незаметного перехода от одного строя к другому, чем в период господства того или другого строя. В такую пору все пружины правления напрягаются, все граждане исполнены честолюбивых стремлений, люди то борются между собой, то ласкают друг друга, и возникает благородное соревнование между защитниками падающего государственного строя и сторонниками строя, получающего преобладание.

Глава XIV. Каким образом распределение трех властей начало изменяться после изгнания царей

Четыре обстоятельства более всего нарушали свободу Рима. Все должности — жреческие, политические, гражданские и военные — доставались одним патрициям; консулам была дана чрезмерная власть: народ подвергали оскорблениям и, наконец, ему не оставили почти никакого влияния на голосование. Эти-то четыре злоупотребления и исправил сам народ.

1. Он добился того, что плебеям было предоставлено право занимать некоторые должности, и мало-помалу распространил это право на все, за исключением должности интеррекса.

2. Власть консулов была разделена, из нее образовали несколько должностей. Была создана должность преторов с властью судить гражданские дела; были назначены квесторы для суда над преступлениями против общества; были установлены эдилы, которым поручили полицейские функции; была учреждена должность казначеев для заведования общественной казной; наконец, посредством создания должности цензоров консулы были лишены той части законодательной власти, которая следит за нравами граждан и касается временного надзора за различными государственными сословиями. Главные оставшиеся за ними прерогативы заключались в праве председательствовать на больших народных собраниях, созывать сенат и предводительствовать войсками.

3. Священные законы установили должность трибунов, которые могли в любой момент останавливать действия патрициев и не допускать не только частных, но и общих несправедливостей.

Наконец, плебеи добились усиления своего влияния в общественных постановлениях. Римский народ был разделен трояким образом: по центуриям, по куриям и по трибам; для подачи голосов его собирали и распределяли по одному из этих трех подразделений.

В центуриях почти вся власть принадлежала патрициям, первым гражданам, богачам и сенату, что было почти одно и то же; в куриях они имели менее власти, и еще менее — в трибах.

Деление по центуриям было более делением цензов и достатков, чем делением лиц. Весь народ был разделен на 193 центурии, причем каждая имела один голос. Первые 98 центурий состояли из патрициев и первых граждан; остальные граждане были распределены по 95 прочим центуриям. Таким образом, в этом делении патриции господствовали при голосовании.

В делении по куриям патриции не имели этих преимуществ. Тем не менее некоторые преимущества были у них и тут. Здесь надо было обращаться к гаданиям, которыми ведали патриции, и нельзя было выносить на рассмотрение плебеев никакого предложения, которое предварительно не было представлено сенату и одобрено его постановлением.

Только в делении по трибам не было речи ни о гаданиях, ни о сенатских постановлениях, и патриции на эти собрания не допускались.

Но народ всегда добивался того, чтобы собрания, которые обыкновенно проводились по центуриям, проводились по куриям, а собрания, которые проводились по куриям, проводились по трибам, вследствие чего дела, наконец, и перешли из рук патрициев в руки плебеев.

Поэтому когда плебеи добились права судить патрициев, чего они домогались со времени дела Кориолана, то они стали судить их в

собраниях по трибам, а не по центуриям; когда же были установлены в пользу народа новые должности трибунов и эдилов, то народ добился права избирать этих должностных лиц в собраниях по куриям; а вслед затем, когда власть его достаточно упрочилась, он получил право избирать их в собраниях по трибам.

Глава XV. Каким образом во время процветания республики Рим внезапно утратил свою свободу

В пылу раздоров между патрициями и плебеями последние потребовали установления определенных законов, дабы приговоры суда перестали быть следствием произвола или прихотей власти. После долгого сопротивления сенат дал свое согласие. Для составления этих законов назначили децемвиров. Полагали, что их необходимо наделить большой властью, ввиду того что им предстояло создать законы для сторон, почти ни в чем не согласных друг с другом. Назначение всех должностных лиц было приостановлено; в комициях были избраны децемвиры, для того чтобы они одни распоряжались всеми делами в качестве правителей республики. Они были облечены и консульской, и трибунской властью. Первая давала им право созывать сенат; вторая — созывать народ; но они не созывали ни сената, ни народа. Десять человек в республике обладали всей полнотой законодательной, исполнительной и судебной власти. Рим оказался во власти тирании, столь же жестокой, как тирания Тарквиния. Когда Тарквиний чинил свои насилия, Рим был возмущен властью, которую Тарквиний захватил; когда чинили свои насилия децемвиры, он был поражен властью, которую сам вручил им.

Но какова же была система тирании, проводимая людьми, которые получили политическую и военную власть только потому, что они были сведущи в гражданских делах, и которым по обстоятельствам того времени внутри страны было необходимо малодушие граждан, чтобы они позволили властвовать над собою, а вне ее границ — их мужество, чтобы они могли защищать своих владык?

Зрелище смерти Виргинии, закланной своим отцом на алтаре стыда и свободы, низвергло власть децемвиров. Каждый стал свободным, потому что каждый был оскорблен; все стали гражданами, потому что все почувствовали себя отцами. Сенат и народ вновь обрели свободу, которая

была доверена жалким тиранам. Римский народ более, чем какой-либо другой, был чувствителен к зрелищам. Зрелище окровавленного тела Лукреции положило конец власти царей. Покрытый ранами должник, появившийся на площади, заставил изменить форму республики. Образ Виргинии побудил изгнать децемвиров. Чтобы заставить осудить Манлия, надо было скрыть от народа вид Капитолия. Окровавленная тога Цезаря снова ввергла Рим в рабство.

Глава XVI. О законодательной власти в римской республике

Раздоры были воспрещены при децемвирах, но зависть воскресла вместе со свободой; пока у патрициев оставались какие-то привилегии, плебеи не переставали отнимать у них эти привилегии.

Большого зла тут не было бы, если бы плебеи удовлетворились тем, что лишили патрициев их преимуществ и не оскорбили их еще и как граждан. В народных собраниях по куриям или по центуриям народ состоял из сенаторов, патрициев и плебеев. В ходе борьбы плебеи завоевали себе право создавать законы одни, без участия патрициев и сената. Эти законы были названы плебисцитами, а комиции, в которых они создавались, — комициями по трибам. Таким образом, были случаи, когда патриции не имели никакого участия в законодательной власти и когда они были подчинены законодательной власти другого государственного сословия. Это было какое-то опьянение свободой. Во имя установления демократии народ ниспровергал основы демократии. Казалось бы такая чрезмерная власть должна была уничтожить власть сената; но Рим имел превосходные учреждения. Особенно хороши были два, из коих одно регулировало законодательную власть народа, а другое — ограничивало ее.

Цензоры, а до них консулы каждые пять лет, так сказать, формировали и создавали политическое тело народа; им принадлежало законодательство над самой законодательной властью. «Цензор Тиберий Гракх, — говорит Цицерон, — переместил вольноотпущенников в городские трибы не силой своего красноречия, но одним только словом и жестом; и если бы он не сделал этого, то у нас не было бы этой республики, которую мы теперь с таким трудом поддерживаем».

С другой стороны, сенат имел власть изъять, так сказать, республику из рук народа посредством назначения диктатора, перед которым преклонял голову самодержавный народ и смолкали самые благоприятные для народа законы.

Глава XVII. Об исполнительной власти в той же республике

Народ, столь ревниво охранявший свою законодательную власть, менее дорожил своей исполнительной властью. Он отдал ее почти целиком сенату и консулам, а за собою оставил только право избирать должностных лиц и утверждать распоряжения сената и полководцев.

Вследствие своей страсти повелевать и честолюбивого стремления все подчинить своей власти, вследствие узурпации, которые он всегда производил и продолжал производить, Рим был постоянно обременен большими заботами: то против него составляли заговор его враги, то он сам составлял заговор против своих врагов.

Все это обязывало его действовать, с одной стороны, с героической отвагой, а с другой — с величайшим благоразумием и создавало такое положение вещей, которое требовало, чтобы делами его руководил сенат. Народ оспаривал у сената все отрасли законодательной власти, потому что дорожил своей свободой. Но он не оспаривал у него ни одной из отраслей исполнительной власти, потому что дорожил своею славой.

Доля участия сената в исполнительной власти была так велика, что, по словам Полибия, все иностранцы считали Рим аристократией. Сенат распорядился общественной казной и отдавал на откуп государственные доходы, был третейским судьей в делах между союзниками, решал вопросы о войне и мире и руководил в этом отношении консулами. Он определял численность войск римлян и союзников, распределял провинции и войска между консулами или преторами и по истечении их служебного года мог назначать им преемников. Он присуждал триумфы, принимал и отправлял послов, возводил на престол царей, награждал, наказывал, судил их, жаловал им звание союзника римского народа или лишал их этого звания.

Консулы собирали войска, которые они должны были вести на войну; они командовали сухопутными и морскими силами, располагали союзниками; они имели в провинциях неограниченную власть; они заключали мир с побежденными - народами и предписывали им условия мира сами или отсылали их для этого к сенату.

Даже в те времена, когда народ принимал некоторое участие в делах войны и мира, он проявлял при этом более свою законодательную власть, чем власть исполнительную. Он только утверждал то, что было сделано царями, а после них — консулами или сенатом. Он не только не объявлял войны, но мы даже видим, что консулы или сенат часто вели ее вопреки сопротивлению его трибунов. Но, опьяненный своим могуществом, народ усилил свою исполнительную власть. Так, он сам стал назначать военных трибунов, которых ранее назначали полководцы, и незадолго до первой пунической войны постановил, что ему одному принадлежит право объявления войны. .

Глава XVIII. О судебной власти в римском государстве

Судебная власть была предоставлена народу, сенату, государственным сановникам и судьям. Надо рассмотреть, как она была распределена. Начинаю с дел гражданских.

Консулы судили после царей, а преторы — после консулов. Сервий Туллий сложил с себя обязанность творить суд по делам гражданским; консулы тоже не решали этих дел, за исключением очень редких случаев, которые поэтому получили название чрезвычайных. Они довольствовались тем, что назначали судей и формировали трибуналы, которые должны были судить. Судя по речи Аппия Клавдия, переданной Дионисием Галикарнасским, начиная с 259 года от основания Рима в этом видели установившийся обычай; и мы не зайдем слишком далеко, если отнесем установление этого обычая к Сервию Туллию.

Претор каждый год составлял список, или таблицу, лиц, которых он избирал для выполнения обязанности судей в продолжение года отправления им своей должности. Для каждого дела привлекали достаточное для его рассмотрения количество судей. Почти то же самое практикуется в Англии. Особенно благоприятно для свободы было тут то,

что претор назначал судей с согласия сторон. Значительное количество отводов, которое допускается теперь делать в Англии, очень близко подходит к этому обычаю.

Эти судьи должны были только устанавливать факты, например, была или нет уплачена такая-то сумма, было или не было совершено такое-то действие. Что же касается вопросов о праве, решение которых требует некоторых специальных способностей, то они выносились на обсуждение трибунала центумвиров.

Цари сохранили за собой право суда по делам уголовным; от них это право перешло к консулам. В силу этой-то судебной власти консул Брут и предал смерти своих детей и всех участников заговора в пользу Тарквиниев. Эта власть была чрезмерна. Консулы уже обладали военной властью, теперь они стали применять эту власть и к гражданским делам, и их судебные решения, не стесняемые никакими формами судопроизводства, были скорее актами насилия, чем суда.

Этим было вызвано издание закона Валерия, позволявшего апеллировать к народу по поводу всякого распоряжения консулов, угрожавшего жизни гражданина. Консулы уже не могли вынести смертного приговора римскому гражданину иначе, как по воле народа.

Мы видим, что во время первого заговора в пользу возвращения Тарквиниев виновных судит консул Брут, во время второго — для суда над виновными созывают сенат и комиции.

Законы, названные священными, дали народу трибунов, которые образовали корпорацию, заявившую вначале безмерные притязания. Трудно сказать, что было сильнее: дерзкая требовательность плебеев или робкая уступчивость сенаторов. Закон Валерия позволил апеллировать к народу, т. е. к народу, состоящему из сенаторов, патрициев и плебеев; но плебеи постановили, что апелляции следует обращать только к ним одним. Вскоре был поднят вопрос, о том, могут ли плебеи судить патриция, что стало предметом распри, порожденной делом Кориолана и вместе с этим делом окончившейся. Кориолан, обвиненный трибунами перед народом, утверждал вопреки духу закона Валерия, что его как патриция могут судить только консулы. Плебеи также вопреки духу

закона решили, что его должны судить только одни плебеи, и действительно судили его.

Законы двенадцати таблиц все это изменили. Они постановили, что вопрос о жизни и смерти гражданина должен решаться лишь большими народными собраниями. Таким образом, плебеи, или, что то же самое, комиции по трибам, стали судить только преступления, наказуемые денежным штрафом. Для вынесения смертного приговора нужен был закон; для присуждения к денежному штрафу достаточно было плебисцита.

Это определение законов двенадцати таблиц было очень благоразумно. Благодаря ему плебеи и сенаторы стали действовать с удивительным согласием: так как компетенция тех и других была поставлена в зависимость от строгости наказания и природы преступления, то им было невозможно обойтись без взаимного соглашения.

Закон Валерия лишил государственный строй Рима всего, что у него еще оставалось общего с правлением греческих царей героической эпохи. Консулы уже не имели власти карать за преступления. Хотя все преступления имеют публичный характер, тем не менее надо отличать те из них, которые касаются взаимных отношений граждан, от тех, которые, скорее, касаются отношений государства к гражданам. Первые называются преступлениями частными, а вторые — публичными. Публичные преступления судил сам народ. Что касается частных, то он поручал специальной комиссии назначать квестора для суда над каждым преступлением этого разряда. В квесторы народ часто избирал должностное лицо, но иногда и частное. Их называли квесторами отцеубийства. О них упоминается в законах двенадцати таблиц. Квесторы назначали так называемого судью данного дела, который избирал по жребию судей, составлял суд и председательствовал в нем. Следует обратить внимание на участие, которое принимал сенат в назначении квестора, для того чтобы уяснить себе, каким образом были в этом отношении уравновешены власти. Иногда сенат заставлял избрать диктатора для отправления должности квестора; иногда он приказывал, чтобы избрание квестора было поручено народному собранию, созванному трибуном; наконец, случалось, что народ давал поручение

избранному им для этого должностному лицу сообщить сенату о каком-нибудь преступлении и просить его назначить квестора, как это видно из суда над Луцием Сципионом, о котором говорит Тит Ливий.

В 604 году от основания Рима некоторые из этих временных комиссий были обращены в постоянные. Мало-помалу материал преступлений был разделен по вопросам, которые составили предмет постоянных судов. Каждый из этих судов был поручен ведению особого претора. Власть преторов судить эти преступления была ограничена годичным сроком, по истечении которого они отправлялись управлять своими провинциями.

В Карфагене совет ста состоял из пожизненных судей. Но в Риме преторы назначались на один год, а судьи — даже на более короткий срок, потому что они назначались для каждого дела особо. Мы уже сказали в VI главе этой книги, насколько такой порядок был в некоторых государствах благоприятен для свободы.

До Гракхов судей избирали из сословия сенаторов. Тиберий Гракх заставил избирать их из сословия всадников; эта перемена была настолько важной, что сам трибун считал, что он одной этой мерой подорвал силу сословия сенаторов.

Надо заметить, что распределение трех властей может быть очень благоприятно для свободы конституции, хотя менее благоприятно для свободы гражданина. В Риме могущество народа, обладавшего законодательной властью и частью власти исполнительной и судебной, было так велико, что оно нуждалось в противовесе со стороны другой власти. Хотя сенат и обладал частью исполнительной власти и некоторыми отраслями законодательной, но этого было мало для противовеса народу. Нужно было, чтобы он пользовался частью судебной власти, и он пользовался ею, когда судей выбирали из сенаторов. Но после того как Гракхи лишили сенаторов участия в суде, сенат уже не мог противостоять народу. Таким образом, Гракхи поколебали свободу строя ради усиления свободы народа, но последняя погибла вместе с первой.

Отсюда произошли бесконечные бедствия. Государственный строй был изменен в такое время, когда в пылу гражданской борьбы основные

законы уже почти не существовали. Всадники перестали быть тем средним сословием, которое соединяло народ с сенатом, и узы единения в государственном строе были порваны.

Существовали и частные причины, в силу которых не следовало поручать судебную власть всадникам. Государственный строй Рима был основан на том принципе, что войско его должно было состоять из лиц, достаточно состоятельных, чтобы отвечать перед республикой за свое поведение своим имуществом. Всадники, как люди самые богатые, составляли кавалерию легионов. Но после своего возвышения они уже не захотели служить в этом войске. Надо было образовать новую кавалерию: Марий стал набирать в свои легионы всякий сброд, и республика погибла.

Кроме того, всадники брали на откуп доходы республики; они были жадны, они сеяли одно общественное бедствие за другим, одну нужду за другой. Таких людей не только не следовало делать судьями, но и самих их надо было бы постоянно держать под надзором судей. К чести наших старинных французских законов надо сказать, что при заключении договоров с деловыми людьми они относились к ним с недоверием, которое, естественно, внушает неприятель. Когда в Риме судебная власть была передана откупщикам, не стало ни добродетели, ни порядка, ни законов, ни судов, ни судей.

В некоторых отрывках из Диодора Сицилийского и Диона встречается довольно наивное изображение такого положения дел. «Муций Сцевола, — говорит Диодор, — захотел воскресить нравы старицы, жить честно и воздержанно, только на средства от своего собственного имущества. Предшественники его, вступив в сообщничество с откупщиками, которые были в это время судьями в Риме, наводнили провинцию всякого рода преступлениями. Но Сцевола покарал ростовщиков и посадил в тюрьмы тех, которые сажали туда других».

Дион рассказывает, что наместник Сцеволы Публий Рутилий — человек, не менее Сцеволы ненавистный всадникам, был обвинен по своему возвращении из провинции в том, что он получил подарки и присужден к денежному штрафу. Он тотчас же заявил об уступке своего имущества. Он доказал свои права на владение им, и его невинность

обнаружилась в том, что ценность его имущества оказалась гораздо меньше ценности того, в похищении чего его обвиняли. Он не захотел более жить в одном городе с такими людьми.

Диодор говорит еще, что итальянцы закупали в Сицилии партии рабов для возделывания своих полей и ухода за своими стадами и не кормили их, вследствие чего эти несчастные, одетые в шкуры животных, вооруженные копьями и дубинами и окруженные стаями больших собак, были вынуждены грабить по большим дорогам. Они опустошали всю провинцию, так что жители ее могли считать своим только то имущество, которое находилось под охраной городских стен. И ни один проконсул, ни один претор не мог или не хотел воспротивиться этим беспорядкам, не смел наказать этих рабов, потому что они принадлежали всадникам, которые обладали судебной властью в Риме. Это было, однако, одной из причин восстания рабов. Скажу только одно: людям, занимавшимся профессией, единственная цель которой — нажива, профессией, которая всегда всего требовала, но от которой никто ничего не требовал, профессией, неумолимой и глухой ко всему на свете, — этим людям, которые не только расхищали богатства, но разоряли и самую бедность, не следовало вручать судебную власть в Риме.

Глава XIX. Об управлении римскими провинциями

Таково было распределение трех властей в столице, но далеко не таким было оно в провинциях. В центре царила свобода, а на окраинах господствовала тирания.

Пока господство Рима простиралось на одну Италию, он управлял ее народами как союзниками. В каждой республике соблюдались ее законы. Но когда Рим расширил свои завоевания, когда сенат не мог уже осуществлять непосредственного надзора за провинциями, когда должностные лица, находившиеся в Риме, не могли более управлять империей, — пришлось посылать в провинции преторов и проконсулов. С этих пор не стало более гармонии между тремя властями. Посылаемый правитель соединял в своем лице власть всех должностных лиц Рима; да что я говорю? — даже власть самого сената, даже власть самого народа. Это были правители деспотические, очень подходящие для тех

отдаленных мест, куда их посылали. Они обладали всеми тремя властями и были, если можно так выразиться, пашами республики.

Мы уже сказали в другом месте, что в республике соединение в лице одного и того же гражданина должностей военных и гражданских вытекало из природы вещей. Это доказывает, что республика, производящая завоевания, не может управлять завоеванным государством в согласии с формой своего собственного государственного строя, не может передать ему своего образа правления. В самом деле, посылаемый ею правитель, имея уже в руках исполнительную власть — и гражданскую, и военную — должен обладать еще и законодательной властью, так как кто же без него будет издавать законы? Столь же необходимо, чтобы он обладал и властью судебной, так как кто же будет судить независимо от него? Необходимо, следовательно, чтобы назначаемый республикой правитель обладал всеми тремя властями, как это и было в римских провинциях.

Монархия может с меньшими затруднениями навязывать свой образ правления, так как из посылаемых ею для управления чиновников одни обладают исполнительной властью гражданской, а другие — исполнительной властью военной, что не влечет за собой деспотизма.

Право римского гражданина быть подсудным только суду народа было для него очень важной привилегией, так как иначе, находясь в провинций, он оказался бы оставленным на произвол проконсула или пропретора. Рим не ощущал тирании, которая действовала только среди покоренных народов.

Таким образом, в Риме, как и в Лакедемоне, свободные пользовались крайней свободой, а рабы были в крайнем рабстве.

С граждан налоги собирали со строгой справедливостью. Основой налогообложения служило постановление Сервия Туллия, который разделил граждан на шесть классов по степени их богатства и определил размеры налога, уплачиваемого каждым из этих классов пропорционально его участию в делах правления. Благодаря этому большие налоги не возбуждали неудовольствия по причине связанного с ними большого

доверия, а с малым доверием мирились вследствие связанных с ним малых размеров налога.

Была тут и еще одна прекрасная сторона: так как деление Сервия Туллия было, так сказать, основным принципом государственного строя, то, следовательно, справедливость при взимании налогов коренилась в самом основном принципе правления и могла быть нарушена лишь вместе с ним. Но между тем как город легко уплачивал налоги или вовсе не платил их, провинции опустошались всадниками — откупщиками республики. Мы уже говорили об их насилиях; история сохранила множество рассказов об этом.

«Вся Азия ожидает меня как избавителя, — сказал Митридат, — до того возбуждена ненависть к римлянам хищничеством проконсулов, вымогательствами дельцов и клеветами судей».

Вот почему все, что составляло силу провинций, не только не усилило республику, но, напротив, ослабило ее. Вот почему провинции видели в утрате Римом его свободы начало своего собственного освобождения.

Глава XX. Конец этой книги

Я хотел бы рассмотреть способ распределения трех властей во всех известных нам умеренных правлениях и согласно с этим определить степень свободы, присущей каждому из них. Но никогда не следует исчерпывать предмет до того, что уже ничего не остается на долю читателя. Дело не в том, чтобы заставить его читать, а в том, чтобы заставить его думать.

Книга двенадцатая. О законах, которые устанавливают политическую свободу в ее отношении к гражданину

Глава I. Основная мысль этой книги

Недостаточно рассмотреть политическую свободу в ее отношении к государственному строю, надо еще рассмотреть ее в отношении к гражданину.

Я уже сказал, что в первом случае она устанавливается известным распределением трех властей, но во втором случае ее следует рассматривать с иной точки зрения; тут она заключается в безопасности или в уверенности гражданина в своей безопасности.

Может случиться, что и при свободном государственном строе гражданин не будет свободен, или при свободе гражданина строй все-таки нельзя будет назвать свободным. В этих случаях свобода строя бывает правовая, но не фактическая, а свобода гражданина фактическая, но не правовая.

Свобода по отношению к государственному строю устанавливается только законами и даже законами основными; но по отношению к гражданину она может явиться результатом известных нравов, обычаев, усвоенных примеров при благоприятном характере некоторых гражданских законов, как мы все это увидим в настоящей книге.

Кроме того, так как в большей части государств свобода стесняется, нарушается и подавляется более, чем это требуется их устройством, то следует обратить внимание на те отдельные законы, которые в каждом государстве могут оказывать полезное или вредное влияние на принцип свободы, в зависимости от того, отрицают ли они его или нет.

Глава II. О свободе гражданина

Свобода философская состоит в беспрепятственном проявлении нашей воли, или по крайней мере (по общему смыслу всех философских систем) в нашем убеждении, что мы ее проявляем беспрепятственно. Свобода политическая заключается в нашей безопасности или по крайней мере в нашей уверенности, что мы в безопасности.

Эта безопасность всего более подвергается нападениям в уголовных процессах по обвинениям публичного или частного характера. Поэтому свобода гражданина зависит главным образом от доброкачественности уголовных законов.

Уголовные законы усовершенствовались не сразу. Даже там, где наиболее усердно искали свободы, не всегда находили ее. Аристотель

говорит, что в Кумах родственники обвинителя могли выступать свидетелями на суде. В Риме эпохи царей закон был еще настолько несовершенным, что Сервий Туллий вынес приговор над детьми Анка Марция, обвиненными в убийстве царя, который был тестем Сервия Туллия. В эпоху первых королей Франции Хлотарь издал закон, по которому обвиненный не мог быть осужден, не будучи предварительно выслушан. Это доказывает, что в некоторых случаях или у некоторых варварских народов такие осуждения имели место. Наказания за лжесвидетельство были впервые установлены Харондом. Если не ограждена невиновность граждан, то не ограждена и свобода.

Сведения о наилучших правилах, которыми следует руководствоваться при уголовном судопроизводстве, важнее для человечества всего прочего в мире. Эти сведения уже приобретены в некоторых странах и должны быть усвоены прочими.

Только на применении к делу этих сведений и может быть основана свобода. В государстве, которое обладает в этом отношении самыми лучшими законами, человек, которого суд приговорил повесить на следующий день, будет более свободен, чем паша в Турции.

Глава III. Продолжение той же темы

Законы, допускающие гибель человека на основании показаний одного только свидетеля, пагубны для свободы. Разум требует двух свидетелей, потому что свидетель, который утверждает, и обвиняемый, который отрицает, уравновешивают друг друга, и нужно третье лицо для решения дела.

У греков и римлян можно было осуждать большинством одного голоса. Наши французские законы требуют двух голосов. Греки говорили, что их обычай был установлен богами, но с большим основанием это можно сказать о нашем.

Глава IV. О том, каким образом характер и степень строгости наказаний благоприятствуют свободе

Свобода торжествует, когда уголовные законы налагают кары в соответствии со специфической природой преступлений. Здесь нет места произволу; наказание зависит уже не от каприза законодателя, но от существа дела, и оно перестает быть насилием человека над человеком.

Есть четыре рода преступлений: к первому роду принадлежат преступления против религии, ко второму — преступления против нравов, к третьему — преступления против общественного спокойствия, к четвертому — преступления против безопасности граждан. Налагаемые за них наказания должны вытекать из природы каждого рода преступлений.

Я отношу к разряду преступлений против религии только те, которые затрагивают религию непосредственно, каково, например, всякое святотатство. Так как преступления, нарушающие исповедание религии, по природе своей принадлежат к тем, которые нарушают спокойствие и безопасность граждан, они должны быть причислены к последнему разряду. Чтобы наказание за святотатство проистекало из природы преступления, оно должно заключаться в лишении всех доставляемых религией преимуществ: в изгнании из храмов, в отлучении от общества верных на время или навсегда. в том, чтобы избегать присутствия преступника, выражать по отношению к нему чувства омерзения, отвращения, отчуждения.

В делах, нарушающих спокойствие или безопасность государства, тайные действия подлежат ведению человеческого правосудия; но в преступлениях против божества, там, где нет публичного действия, нет и материала для преступления: все происходит между человеком и богом, который знает время и меру своего отмщения. Если же судья, не обратив внимания на это различие, станет разыскивать и скрытое святотатство, то он внесет иск в область таких деяний, где в нем нет никакой необходимости, он разрушит свободу граждан, вооружив против них религиозное рвение и робких, и смелых душ.

Зло произошло от представления, что надо мстить за божество. Но божество надо почитать, и никогда не следует мстить за него. В самом деле, если бы люди стали руководствоваться этим последним правилом, то когда же наступил бы конец казням? Если человеческие законы должны будут мстить за существо бесконечное, то они будут

сообразоваться с бесконечностью этого существа, а не со слабостями, невежеством и непостоянством человеческой природы.

Один провансальский историк приводит факт, отлично рисующий, какого рода действие может произвести на слабые умы эта мысль о мщении за божество. Еврей, обвиненный в хуле на святую деву, был присужден к казни через сдирание кожи. Несколько рыцарей в масках и с ножами в руках поднялись на эшафот и прогнали палача, чтобы самим отомстить за честь святой девы... Не хочу предвосхищать мнение читателя.

Второй разряд состоит из преступлений против нравов. Таковы оскорбления публичной и частной благопристойности, т. е. установленных способов пользования чувственными удовольствиями и половыми сношениями. Здесь наказания тоже должны вытекать из природы преступления. Они должны заключаться в лишении выгод, которые общество связывает с чистотой нравов, в штрафах, позоре, необходимости скрываться, публичном посрамлении, в изгнании из города и общества, наконец, все наказания, относящиеся к области исправительной юстиции, достаточны для борьбы с распущенностью обоих полов. В самом деле, основание этих преступлений лежит не столько в злой воле, сколько в забвении своего достоинства и в неуважении к самому себе.

Но здесь идет речь лишь о тех преступлениях, которые касаются исключительно нравов, а не о тех, которые кроме того нарушают и общественную безопасность, каковы изнасилование и похищение. Эти уже принадлежат к четвертому разряду.

К преступлениям третьего разряда относятся те, которые нарушают спокойствие граждан. Наказания за них должны соответствовать природе преступления, следовательно, они должны быть связаны с общественным спокойствием. Таковы: тюрьма, ссылка, исправительные меры и другие наказания, которые укрощают беспокойные умы и возвращают их в границы установленного порядка.

Преступления против спокойствия я отношу к простым нарушениям благочиния, так как те из этих преступлений, которые,

нарушая спокойствие, направлены в то же время и против безопасности, должны быть отнесены к четвертому разряду.

Наказания за эти последние преступления состоят в том, что именуется казнью. Это своего рода талион, посредством которого общество лишает безопасности гражданина, лишившего или покушавшегося лишить безопасности других. Это наказание извлечено из природы вещей, оно почерпнуто из разума и из самого источника добра и зла. Гражданин заслуживает смерти, если он нарушил безопасность до такой степени, что лишил кого-нибудь жизни или покушался это сделать. Смертная казнь является тут как бы лекарством для больного общества. Могут быть причины, оправдывающие ее применение и к преступлениям, нарушающим безопасность собственности; но, может быть, было бы лучше и сообразнее с природой, если бы преступления против собственности наказывались только лишением собственности. Так и должно бы быть, если бы собственность состояла в общем владении или была равно распределена. Но так как всего охотнее покушаются на чужую собственность те, кто не имеет своей, то явилась надобность добавить к денежному наказанию еще и телесное.

Все сказанное мною почерпнуто из самой природы и весьма благоприятствует свободе гражданина.

Глава V. О некоторых обвинениях, которые требуют особенной умеренности и осмотрительности

Вот важное правило: надо быть очень осмотрительным в деле преследования волшебства и ереси. Обвинения в этих преступлениях могут иметь самые пагубные последствия для свободы и породить бесчисленные акты тирании, если законодатель не сумеет ввести их в надлежащие границы. Поскольку эти обвинения основываются не непосредственно на действиях гражданина, а скорее на мнении, составившемся о его характере, они становятся тем опаснее, чем невежественнее народ, и являются вечной угрозой для гражданина, так как самое безукоризненное в мире поведение, самая чистая нравственность, выполнение всех обязанностей не могут защитить человека от подозрения в этих преступлениях.

В царствование Мануила Компина протестатор был обвинен в заговоре против императора и в употреблении для этой цели тайных средств, с помощью которых можно делать людей невидимками. Аарон, сказано в жизнеописании этого императора, был застигнут над книгой Соломона, чтением которой вызывались легионы демонов. Но если исходить из представления о волшебстве как о средстве повелевать адом, то, естественно, на того, кого называют волшебником, будут смотреть как па человека, более чем кто бы то ни было способного возмущать и разрушать общество и потому заслуживающего безмерного наказания.

Негодование против волшебства возрастает, когда ему приписывается способность разрушать религию. В истории Константинополя сообщается, что некий епископ имел откровение о том, что некоторое чудо перестало совершаться вследствие волшебства одного человека; в результате этот человек и его сын были приговорены к смерти. Чтобы такое преступление могло совершиться, надо было признать наличие целого ряда необычайных фактов: что нередко бывают откровения, что епископ имел такое откровение, что это откровение было истинным, что совершалось чудо, что это чудо перестало совершаться, что виною этому было волшебство, что волшебство может разрушать религию, что этот человек был волшебник, что он, наконец, действительно совершил этот акт волшебства.

Император Феодор Ласкарис приписал свою болезнь волшебству; обвиняемые могли оправдаться, только взяв раскаленное железо без обжога рук. Таким образом, надо было быть волшебником, чтобы очиститься от обвинения в волшебстве. Эти люди были до такой степени неразумны, что самое сомнительное в мире преступление обставляли столь же сомнительными доказательствами.

В царствование Филиппа V евреи были изгнаны из Франции, так как их обвинили в отравлении колодцев посредством прокаженных. Казалось бы, это нелепое обвинение должно было бы заставить усомниться в правдивости всех обвинений, основанных на общественной ненависти.

Я не говорю, что ересь совсем не надо наказывать, я хочу только сказать, что ее следует наказывать очень осмотрительно.

Глава VI. О преступлении против естества

Избави бог, я отнюдь не намерен ослабить ужас, внушаемый преступлением, которое одинаково осуждается религией, нравственностью и политикой. Это преступление надо было бы преследовать в том случае, если бы оно только сообщало слабости одного пола другому и посредством постыдно проводимой юности подготавливало бесславленную старость. Я вовсе не собираюсь ослабить заслуженный им позор; все, что я хочу сказать, будет направлено лишь против тирании, которая способна употребить во зло даже самое отвращение, которое вызывает к себе это преступление.

Так как это преступление в силу самой своей природы всегда тщательно скрывается, то случалось, что законодатели наказывали его на основании свидетельского показания ребенка. Этим они открывали двери клевете. «Юстиниан, — сообщает Прокопий, — издал закон против этого преступления и приказал разыскивать всех, которые провинились в нем не только после обнародования его закона, но и ранее. Показания одного свидетеля, иногда ребенка, иногда раба, было достаточно для осуждения человека, особенно если он был богат или принадлежал к партии зеленых».

Замечательно, что три преступления: волшебство, ересь и преступление против естества, из коих о первом можно сказать, что оно вовсе не существует, о втором, что оно подлежит множеству различений, истолкований и ограничений, а о третьем, что его часто очень трудно определить, — что все эти три преступления одинаково наказывались у нас сожжением на костре.

Надо сказать, что преступления против естества никогда не получают большого распространения в обществе, если склонность к ним не будет развиваться каким-нибудь существующим у народа обычаем, как это было у греков, где молодые люди совершали все свои гимнастические упражнения обнаженными; как это есть у нас, где домашнее воспитание стало редкостью; и как мы видим у народов Азии, где некоторые лица имеют большое количество жен, которыми они пренебрегают, между тем как прочие люди не могут иметь ни одной. Не создавайте благоприятных

условий для развития этого преступления, преследуйте его строго определенными полицейскими мерами наравне с прочими нарушениями правил нравственности, и вы скоро увидите, что сама природа встанет на защиту своих прав или вернет их себе. Эта кроткая, ласковая и очаровательная природа щедрою рукой рассыпала удовольствия и, окружив нас наслаждениями, готовит нам в наших детях, в которых мы, так сказать, возрождаемся, еще более значительные радости, чем все эти наслаждения.

Глава VII. О преступлении оскорбления величества

Законы Китая осуждают на смерть всякого, кто провинится в неуважении к императору. Так как они не определяют, в чем состоит это неуважение, то любое действие может послужить предлогом для того, чтобы лишить жизни какого угодно человека и истребить какое угодно семейство.

Два лица, на обязанности которых лежало составление придворной газеты, при изложении какого-то факта сообщили некоторые подробности, оказавшиеся неверными, и были за это преданы смерти на том основании, что лгать в газете, предназначенной для двора, значит выказывать неуважение к двору. Принц крови, сделавший по рассеянности несколько замечаний на документе, подписанном государем красной кистью, был обвинен в неуважении к императору и навлек на всю свою семью одно из жесточайших преследований, о которых когда-либо сообщала история.

Итак, если преступление оскорбления величества не определено точно, этого уже достаточно, чтобы правление выродилось в деспотизм. Я останавливаюсь на этом подробнее в книге О составлении законов.

Глава VIII. О неправильном применении терминов «святотатства» и «оскорбления величества»

Одно из жесточайших злоупотреблений заключается в том, что иногда определение «оскорбления величества» относят к действиям, которые не заключают в себе этого преступления. Один закон римских императоров преследовал как виновных в святотатстве, тех, кто

критиковал приговор государя или сомневался в достоинстве назначенных им на какую-нибудь должность чиновников. Конечно, закон этот был установлен кабинетом и фаворитами государя. Другой закон определил, что лица, покушающиеся на жизнь министров или чиновников государя, виновны в преступлении оскорбления величества, как бы совершившие покушение на особу самого государя. Мы обязаны этим законом двум государям, знаменитым в истории своей слабостью, двум государям, которыми управляли министры, как пастухи управляют своими стадами, двум государям, которые во дворце были рабами, а в совете — детьми, которые были чужды своим армиям и сохраняли власть только потому, что ежедневно поступались ею. Некоторые из этих фаворитов составляли заговоры против своих императоров. Они делали больше: составляли заговоры против самой империи, призывая в нес варваров. Когда, наконец, решились взять их под стражу, государство было уже так ослаблено, что пришлось нарушить изданный ими закон и совершить преступление оскорбления величества для того, чтобы наказать их.

Тем не менее именно на этом законе основывался докладчик по делу Сен-Мара; доказывая, что Сен-Мар виновен в преступлении оскорбления величества, потому что стремился отстранить от дел кардинала Ришелье, он говорил: «Преступление против министра государя признано законами императоров равносильным преступлению против особы самого императора. Министр служит своему государю и государству; устранить его значит нанести ущерб и тому и другому; это то же самое, как если бы государя лишили руки, а государство — части его могущества». Олицетворенное рабство не говорило бы иным языком.

Другой закон, Валентиниана, Феодосия и Аркадия, объявил фальшивомонетчиков виновными в преступлении оскорбления величества. Но не значило ли это смешивать разнородные вещи? Не будет ли ослаблено страшное понятие оскорбления величества, если это название будут применять к преступлениям иного рода?

Глава IX. Продолжение той же темы

Павлин доложил императору Александру, «что он намерен преследовать по обвинению в оскорблении величества судью за

произнесение приговора, противного постановлению императора». Император ответил ему, что «в веке, ознаменованном его царствованием, косвенные преступления оскорбления величества не имеют места».

Фаустиниан писал тому же императору, что однажды он поклялся жизнью государя никогда не простить своего раба и теперь видит себя вынужденным держать этого раба в вечной опале, дабы не оказаться виновным в оскорблении величества. «Ваши страхи напрасны, — отвечал ему император, — и вам неизвестны мои правила».

Один сенатусконсульт повелел не приравнивать к оскорблению величества расплавку неудачно отлитых статуй императора. Императоры Север и Антонин писали Понтию, что человек, продающий непосвященные статуи императора, не совершает преступления оскорбления величества. Те же императоры писали Юлию Кассиану, что того, кто нечаянно попадет камнем в статую императора, не следует преследовать как виновного в оскорблении величества. Особенно нуждался в подобных смягчениях закон Юлия, так как он признавал оскорблением величества не только переплавку статуй императоров, но и всякое подобное этому действие, что давало возможность произвольных истолкований. После того как были установлены преступления оскорбления величества, появилась необходимость установить различия между этими преступлениями. Так, юрисконсульт Ульпиан, сказав, что преступление оскорбления величества не погашается даже смертью виновного, прибавил, что это относится не ко всем преступлениям оскорбления величества, установленным законом Юлия, но только к тем из них, которые содержат покушение на безопасность империи или на жизнь императора.

Глава X Продолжение той же темы

Один английский закон, проведенный при Генрихе VIII, объявлял виновным в государственной измене всякого, кто предсказывает смерть короля. Вот, поистине, недостаточно ясный закон. Деспотизм так ужасен, что губит даже самих деспотов. Во время последней болезни этого короля медики ни разу не осмелились сказать, что он находится в опасности, и, конечно, сообразно с этим лечили его.

Глава XI. О помышлениях

Некто Марсий видел однажды во сне, что перерезал горло Дионисию. Последний предал его за это смерти, рассудив, что ему не приснилось бы ночью то, о чем он не помышлял днем. Это был акт грубой тирании, так как если бы он даже и помышлял об этом, то он все-таки не покушался этого сделать. Законы обязаны карать одни только внешние действия.

Глава XII. О нескромных словах

Нет ничего произвольнее преступления оскорбления величества в тех случаях, когда предметом его становятся нескромные слова. Речи людей так легко могут быть превратно истолкованы, различие между несдержанностью и злоумышлением так велико, а различие между словами, в которых они выражаются, так мало, что закон не должен назначать смертной казни за слова, не обозначив по крайней мере в точности те слова, за которые она назначается.

Слова не входят в состав преступления, они остаются в сфере мысли. Значение их по большей части заключается не в них самих, а в тоне, которым они высказаны. Часто одни и те же слова повторяются в различном смысле: смысл слов зависит от их связи с другими вещами. Иногда молчание бывает выразительнее всяких речей. Все это совершенно неуловимо. Как же можно создавать из такого материала преступление оскорбления величества? Везде, где установлен такой закон, нет не только свободы, но даже и тени ее. По манифесту покойной царицы, изданному против семьи Долгоруких, один из этих князей был приговорен к смерти за произнесение неприличных слов против ее особы, а другой — за злонамеренное истолкование ее мудрых государственных мер и оскорбление ее священной особы непочтительными отзывами.

Я вовсе не намерен ослабить негодование, которое люди должны чувствовать к тем, кто хочет омрачить славу своего государя; но скажу не обинуясь; для того чтобы умерить деспотизм, в таких случаях более уместно простое исправительное наказание, чем обвинение в оскорблении величества, всегда страшное даже для самой невинности,

Такие деяния совершаются не каждый день; они могут быть замечены многими, и ложное обвинение, опирающееся на те или иные факты, может быть легко выяснено. Слова, сопровождающиеся действием, получают свой смысл от этого действия. Так, человек, призывающий подданных на площади к восстанию, виновен в оскорблении величества, потому что слова его сопровождаются действием и составляют часть этого действия. В таком случае карают не за слова, а за совершенное действие, при котором эти слова употребляются.

Слова становятся преступлением лишь тогда, когда они готовят преступное деяние, сопровождают его или следуют за ним. Но делать из слов преступление, подлежащее смертной казни, вместо того чтобы видеть в них один из признаков такого преступления, значит все извратить и перепутать. Императоры Феодосии, Аркадий и Гонорий писали префекту Руфину: «Человека, который сказал бы что-либо дурное о нашей особе или о нашем правлении, не следует подвергать наказанию: если он сказал это по легкомыслию, то этим делом надо пренебречь, если по безумию, то надо его пожалеть, если это брань с целью оскорбления, то надо его простить. Поэтому, ничего не предпринимая со своей стороны, доведите его дело до нашего сведения, дабы мы могли, оценивая слова по людям, основательно взвесить, следует ли предать этих людей суду или пренебречь ими».

Глава XIII. О литературных произведениях

Литературные произведения представляют собой нечто более прочное, чем устное слово; но если они не подготавливают к преступлению оскорбления величества, то и не являются материалом для этого преступления. Август и Тиберий наказывали за них, однако, именно как за оскорбление величества; первый — в деле о некоторых памфлетах, направленных против знаменитых мужей и женщин; а второй — в деле о сочинениях, которые, как он думал, были направлены против него самого. Это имело самые роковые последствия для римской свободы. Кремуций Корд был обвинен за то, что в своих анналах назвал Кассия последним из римлян,

Сатирические сочинения совсем неизвестны в государствах деспотических, где вследствие подавленности, с одной стороны, и

невежества — с другой, ни у кого нет ни желания, ни способности заниматься ими. В демократиях им не препятствую!" по той же причине, по которой они запрещаются в правлении одного. Эти произведения, обыкновенно направленные против людей могущественных, приятно щекочут в демократии злорадство самодержавного народа. В монархии их запрещают, но там они бывают более предметом полицейских мер, чем уголовных кар. Их насмешки забавляют общество, они могут доставить утешение недовольным, ослабить зависть к людям высокопоставленным, дать народу силу терпеливо переносить свои страдания и даже заставить его смеяться над ними.

Аристократическое правление ревностнее всех прочих преследует сатирические произведения. Правители его — маленькие монархи, неспособные возвыситься до того, чтобы отвечать на брань презрением. В монархии государь стоит так высоко, что стрелы сатиры не достают до него, между тем как аристократического сановника они пронизывают насквозь; поэтому-то децемвиры, представлявшие собой аристократию, и наказывали смертью за сатирические произведения.

Глава XIV. Оскорбление стыдливости при наказании преступников

Существуют определенные правила стыдливости, соблюдаемые почти всеми народами мира, и было бы нелепо нарушать их при наказании преступлений, которое всегда должно иметь предметом восстановление порядка,

Жители Востока, отдававшие женщин в жертву слонам, выдрессированным для совершения чудовищной казни, кажется, задались целью нарушать закон посредством закона.

Древний обычай Рима запрещал предавать смертной казни девственниц, но Тиберий сумел обойти этот обычай, приказав палачам изнасиловать их перед казнью. Этот хитрый и свирепый тиран разрушал нравы ради сохранения обычаев.

Японское правительство, выставив в публичных местах раздетых донага женщин и приказав им ходить, подобно скотам, на четвереньках,

заставило содрогнуться человеческую стыдливость; но когда оно захотело принудить мать..., когда оно захотело принудить сына..., я не в силах продолжать, — оно заставило содрогнуться самую природу.

Глава XV. Об освобождении раба с целью дать ему возможность обвинять своего господина

Август постановил, чтобы рабы господ, составляющих заговоры против него, продавались с торгов, чтобы они могли показывать против своего господина. Ради раскрытия важного преступления не надо ничем пренебрегать. Поэтому в государстве, где есть рабы, они, естественно, могут быть доносчиками, но они не могут быть свидетелями.

В индекс донес о составленном в пользу Тарквиния заговоре; но он не мог быть свидетелем против детей Брута. Человеку, оказавшему столь великую услугу отечеству, по справедливости даровали свободу, но он получил ее не для того, чтобы иметь возможность оказать эту услугу.

Поэтому император Тацит издал закон, воспрещавший рабам свидетельствовать против своих господ даже в случае преступления оскорбления величества. Закон этот не был внесен в сборник Юстиниана.

Глава XVI. Клеветническое обвинение в оскорблении величества

Надо отдать справедливость цезарям: изданные ими мрачные законы не были плодом их собственной изобретательности. Оставлять клеветников безнаказанными научил их Сулла. Вскоре этих клеветников стали даже награждать.

Глава XVII. О раскрытии заговоров

«Если твой брат или твой сын, или твоя дочь, или жена твоя возлюбленная, или твой друг, который тебе, как душа твоя, скажет тебе втайне: обратимся к другим богам, то побей его камнями: сперва твоя рука да поднимется на него, а затем и рука всего народа». Это постановление Второзакония не может быть гражданским законом у

большей части известных нам народов, так как оно открыло бы у них двери для всевозможных преступлений.

Существующий во многих государствах закон, который требует под страхом наказания, чтобы человек доносил даже о тех заговорах, в которых он сам не участвовал, не менее жесток, чем вышеприведенный. Если он вводится в монархическом государстве, то необходимо подвергнуть его ограничениям. Там он должен применяться во всей своей строгости лишь к преступлениям оскорбления величества по первому пункту. В этих государствах очень важно не смешивать различные виды этого преступления.

В Японии, где законы опрокидывают все понятия человеческого разума, обвинение в недонесении применяется к самым обыденным случаям. Мы читаем о двух девушках, которых там продержали до смерти в утыканном гвоздями сундуке, — одну за ее любовные похождения, а другую за то, что она не донесла на первую.

Глава XVIII. Как опасно в республиках наказывать слишком строго за преступление оскорбления величества

Когда республике удалось уничтожить тех, кто хотел ее ниспровергнуть, она должна поспешить положить конец мщению, наказаниям и даже наградам. Нельзя осуществлять больших наказаний, а следовательно, и больших изменений, не доверяя нескольким гражданам большой власти; поэтому в таких случаях лучше много прощать, чем много наказывать, лучше изгонять немногих, чем многих, лучше вовсе не лишать имущества, чем производить массовые конфискации. Иначе под предлогом мщения за республику установится тирания мстителей. Надо уничтожать не того, кто господствует, а господство. Надо как можно скорее возвратиться к обычному порядку правления, при котором закон все охраняет и никого не угнетает.

Греки не полагали никаких пределов мщению тиранам или тем, кого они считали тиранами. Они предавали смерти детей, иногда — пятерых ближайших родственников осужденного. Они изгнали бесчисленное количество семейств. Их республики были потрясены этим до основания, и возвращение сосланных всегда было эпохой,

знаменовавшей перемену государственного строя. Римляне поступали благоразумнее. Когда Кассий был осужден за стремление к тирании, был поставлен вопрос: не следует ли умертвить его детей, но их не подвергли никакому наказанию. «Те, — говорит Дионисий Галикарнасский, — которые в конце марсийской войны и гражданской войны хотели изменить этот закон и не допускать к должностям детей лиц, изгнанных Суллой, были настоящими преступниками».

Из войн Мария и Суллы видно, до какой степени мало-помалу извратились души римлян. События этого времени были так ужасны, что, казалось, они уже не повторятся. Но во время триумвиров люди хотели быть более жестокими и в то же время казаться менее жестокими; можно прийти в отчаяние от софизмов, которыми оправдывала себя эта жестокость. Аппиан сообщает нам формулу проскрипций. Можно подумать, что единственным их предметом было благо республики, так хладнокровно говорится там об интересах общества, о превосходстве принятых мер над всеми прочими, о безопасности богачей и спокойствии простого народа, об опасении подвергнуть угрозе жизнь граждан, о желании умиротворить солдат и, наконец, о том, как все будут счастливы. Рим был залит потоками крови, когда Лепид праздновал свой триумф после побед в Испании; несмотря на это, он отдал беспримерный по нелепости приказ, повелевавший гражданам радоваться под угрозой проскрипции.

Глава XIX. Как приостанавливают пользование свободой в республике

В государствах, где наиболее дорожат свободой, существуют законы, позволяющие нарушить свободу одного, дабы сохранить ее для всех. Таковы в Англии так называемые bills of attainder. Они принадлежат к одному разряду с теми афинскими законами, которые создавались против отдельного лица голосованием 6 тысяч граждан. Они принадлежат к одному разряду с теми законами, которые создавались в Риме против отдельных граждан и назывались там привилегиями. Право создавать их принадлежало лишь большим собраниям народа. Но каким бы образом народ их и создавал, Цицерон требовал, чтобы они были уничтожены, на том основании, что вся сила закона заключается в его всеобщем применении. Признаюсь, однако, что ввиду обычая, существующего у

самых свободных народов мира, я склонен думать, что в некоторых случаях на свободу следует набросить покрывало, подобно тому как закрывали иногда статуи богов.

Глава XX. О законах, благоприятствующих свободе гражданина в республике

В народных государствах обвинения часто бывают публичными, так что каждому дозволяется обвинять, кого он захочет. Это вызвало установление законов, ограждающих невинность граждан. В Афинах обвинитель, не поддержанный пятой частью голосов собрания, уплачивал штраф в 5 тысяч драхм. К такому штрафу был приговорен Эсхин, обвинявший Ктесифона. В Риме недобросовестный обвинитель считался опозоренным, и ему клеймили лоб литерой К. Чтобы обвинитель не мог подкупить судей или свидетелей, к нему приставляли стражу.

Я уже говорил об афинском и римском законе, который позволял обвиненному избавляться от суда добровольным изгнанием.

Глава XXI. О жестокости законов против должников в республике

Гражданин, ссудивший деньги другому гражданину, который занял их для того, чтобы израсходовать, и потому уже не имеет их, в силу одного этого обстоятельства получает над ним большое превосходство. Что же произойдет в республике, если это превосходство будет еще более усилено законами?

В Афинах и в Риме первоначально дозволялось продавать несостоятельного должника. Солон отменил этот обычай в Афинах; он постановил, что кредитор не имеет власти над личностью должника. Но в Риме децемвиры не отменили этого обычая; имея перед глазами реформу Солона, они не захотели последовать его примеру, и это не единственный пункт в законах двенадцати таблиц, где обнаруживается намерение децемвиров поколебать дух демократии.

Эти жестокие законы против должников не раз подвергали опасности Римскую республику. Человек, покрытый ранами, выбежал из

дома своего кредитора на площадь. Народ был потрясен этим зрелищем. Тогда и другие граждане вышли из тюрем своих кредиторов, которые не решились их задерживать. Им надавали обещаний, но ничего этим не добились, и народ удалился на Священную Гору. Он добился не отмены законов, а назначения особого должностного лица, на обязанности которого лежало защищать народ. Общество вышло из состояния анархии, но ему угрожала тирания. Манлий задумал для приобретения популярности вырвать из рук кредиторов граждан, которых они обратили в рабство. Замыслы Манлия были предупреждены; но старое зло продолжало существовать. Было издано несколько отдельных законов, облегчавших уплату долгов, и в 428 году от основания Рима консулы провели закон, который лишил кредиторов права держать своих должников в рабстве у себя в доме. Ростовщик Папирий попытался обесчестить молодого человека по имени Публий, которого он держал в оковах, и, подобно тому как преступление Секста дало Риму политическую свободу, преступление Папирия дало ему гражданскую свободу.

Такова была судьба этого города, что новые преступления упрочили в нем свободу, доставленную ему старыми преступлениями. Покушение Аппия на Виргинию вновь пробудило в народе то отвращение к тиранам, которое вселила в него несчастная участь Лукреции. Через 37 лет после позорного преступления Папирия подобное же преступление заставило народ удалиться на Яникульский холм и придало новую силу закону, созданному для ограждения должников.

С этого времени не столько кредиторы преследуют своих должников за неуплату долгов, сколько должники — своих кредиторов за нарушение законов против ростовщичества.

Глава XXII. О мерах, нарушающих свободу в монархиях

В монархиях свобода часто терпела ущерб от меры, бесполезной в первую очередь для самого государя, а именно — от назначения особых комиссаров для суда над отдельной личностью.

Государь получает так мало пользы от комиссаров, что не стоило бы из-за этого изменять обычного порядка вещей. В моральном отношении

он должен быть уверен, что у него больше честности и справедливости, чем у его комиссаров, которые всегда считают себя достаточно оправданными его приказами, сомнительными требованиями государственной пользы, оказанным им предпочтением и даже своей трусостью.

При Генрихе VIII для суда над пэрами назначали комиссаров из палаты пэров, в результате были казнены все пэры, от которых желательно было отделаться.

Глава XXIII. О шпионах в монархии

Нужны ли шпионы в монархии? Хорошие государи обычно не пользуются их услугами. Человек, который соблюдает законы, выполняет все, чего может требовать от него государь; надо, чтобы по крайней мере он мог найти убежище в собственном доме и спокойно заниматься своими делами, поскольку это не связано с каким-либо нарушением законов. Шпионаж, может быть, и был бы терпим, если бы шпионами были честные люди. Но по позору, который неизбежно ложится на лицо, можно судить о позоре самого дела. Государь должен проявлять по отношению к своим подданным кротость, прямоту и доверие. Тот, кто много тревожится, подозревает и опасается, подобен актеру, который затрудняется выполнить свою роль. Видя, что законы в общем остаются в силе и уважаются, государь может считать себя в безопасности. Поведение всех служит ему порукой за повеление каждого. Пусть он только оставит страх — и он сам поразится тому, как его будут любить. Да и в самом деле, почему бы его не любить? В нем видят лишь источник чуть ли не всего добра, которое совершается в государстве, между тем как все кары ставятся в счет законам. Государь показывается народу всегда с ясным выражением лица. Даже его славу мы считаем нашей славой и в его могуществе видим нашу силу. Одно из доказательств любви к государю заключается в том доверии, которое питают к нему: когда министр откажет в просьбе, думают, что государь удовлетворил бы ее. Даже в пору общественных бедствий его не обвиняют, но только сожалеют о том, что он многого не знает или находится под влиянием дурных людей. Если бы государь знал — говорит народ. Эти слова — призыв к государю и доказательство доверия, которым он пользуется.

Глава XXIV. Об анонимных письмах

Татары должны надписывать свои имена на стрелах, чтобы можно было узнать, чья рука выпустила их. Филипп Македонский был ранен при осаде города дротиком, на котором было написано: этот смертельный удар Филиппу нанес Астер. Если бы те, которые обвиняют человека, имели в виду общественное благо, то они обращались бы со своими обвинениями не к государю, который может быть легко предубежден, а к судьям, которые действуют по правилам, страшным только для одних клеветников. Если же обвинитель не хочет допустить между собою и обвиненным посредничества законов, то это значит, что он имеет основание бояться их, и самое малейшее наказание, которого он заслуживает в таком случае, состоит в том, чтобы не верить ему. Можно удостоить его внимания лишь в тех случаях, которые не терпят медлительных приемов обычного судопроизводства и когда дело идет о безопасности государя. В таком случае можно предположить, что тот, кто обвиняет, сделал над собой усилие, чтобы заставить себя говорить. Во всех же прочих случаях следует сказать вместе с императором Констанцием: «Мы не можем подозревать того, кто, имея врага, не имел обвинителя».

Глава XXV. О приемах правления в монархии

Королевская власть есть великий двигатель, действия которого должны совершаться легко и без шума. Китайцы прославляют одного из своих императоров, который, по их словам, правил, как само небо, т. е. своим личным примером.

Есть случаи, когда власть должна действовать со всею своею силой, и другие, когда она должна действовать, ограничивая себя. Высшее искусство управления состоит в том, чтобы твердо знать, каковы должны быть пределы власти, которую следует применять при различных обстоятельствах.

В наших монархиях все наше благоденствие состоит в мнении, которое составил себе народ о кротости правления. Неискусный министр любит заявлять вам, что вы рабы. Но если бы это было и так, то он должен был бы стараться скрывать это от вас. Он только и знает, что

извещает вас и словесно, и письменно о том, что государь разгневался, что он возмущен, что он наведет порядок. Дело управления может быть сильно облегчено; для этого надо, чтобы государь ободрял, а угрожали только законы.

Глава XXVI. О том, что монарх должен быть доступным

Легче всего это понять из примера противоположного: «Царь Петр I, — рассказывает г. Перри, — издал новый указ, по которому подавать ему жалобы разрешается лишь после того, как уже будут поданы две жалобы его чиновникам. Тогда в случае отказа в правосудии можно подать ему третью; но тот, чья жалоба окажется несправедливой, подвергается смертной казни. С тех пор никто не подавал царю жалоб».

Глава XXVII. О нравах монарха

Нравы государя содействуют свободе в такой же степени, как и законы. Государь, как и закон, может обращать людей в животных и животных в людей. Если он любит свободные души — у него будут подданные; если ему нравятся низкие души — у него будут рабы. Если он желает постигнуть великое искусство царствовать, пусть приближает к себе честь, добродетель, пусть поощряет личные заслуги. Он даже может иногда обратить взор и на таланты. Ему незачем бояться соперничества так называемых достойных людей; он равен им, коль скоро он их любит. Пусть он покоряет сердца, но не налагает оковы на разум. Пусть он станет популярным. Ему должна быть приятна любовь малейшего из его подданных, ибо они тоже люди. Народ так радуется малейшему проявлению внимания к нему, что было бы несправедливо отказать ему в этом: бесконечное расстояние, которое отделяет его от монарха, не позволит ему стать назойливым. Пусть монарх будет благосклонен к просьбам и непреклонен перед требованиями, и пусть он знает, что народ радуется, когда он отказывает придворным, а придворные радуются его милостям.

Глава XXVIII. Об уважении монархов к своим подданным

Монархи должны соблюдать большую осторожность в шутках. Умеренная шутка приятна, потому что она устанавливает более непринужденные отношения, но колкая шутка менее дозволительна для них, чем для последнего из их подданных, так как только в их устах она всегда наносит смертельные раны. Еще менее позволительно им подвергать подданного явному оскорблению: они поставлены для того, чтобы прощать или наказывать, но отнюдь не для того, чтобы оскорблять.

Оскорбляя своих подданных, они поступают с ними более жестоко, чем повелители турок или москвитов — со своими. Эти последние своими оскорблениями унижают, но не бесчестят людей; а они не унижают, и бесчестят их.

Азиаты по свойственному им предрассудку видят в причиненной им государем обиде доказательство его отеческого внимания; а в нас по свойственному нам образу мыслей жгучая боль от перенесенного оскорбления усугубляется отчаянием от невозможности смыть его.

Государи должны радоваться, что имеют подданных, для которых честь дороже жизни, для которых она является стимулом не только мужества, но и верности. Вспомним о несчастьях, постигших государей, которые оскорбили своих подданных: о мести Херея, евнуха Нарсеса и графа Юлиана, наконец, о герцогине Монпансье, которая, обидевшись на Генриха III за то, что он разгласил некоторые ее тайные недостатки, нарушала его спокойствие в продолжение всей его жизни.

Глава XXIX. О гражданских законах, которые могут внести немного свободы в деспотическое правление

Хотя деспотическое правление по своей природе везде одинаково, но различные обстоятельства, религиозные убеждения, предрассудки, полученные примеры, свойства ума, обычаи, нравы могут внести в него значительные различия.

Весьма полезно, если в таком государстве имеются определенные укоренившиеся понятия. Так, в Китае на императора смотрят, как на

отца народа, а в начале существования государства арабов государь был там проповедником.

Хорошо также, если там есть какие-нибудь священные книги, которые могут служить правилом поведения, каковы Коран у арабов, книги Зороастра у персов, Ведды у индийцев, классические книги у китайцев. Религиозный кодекс восполняет недостатки гражданского и ограничивает произвол. Уместно также, чтобы судьи в сомнительных случаях совещались с духовными властями, как это делается в Турции, где кади вопрошают мулл. В случаях же преступлений, караемых смертью, желательно, чтобы судья, если он есть, уведомлял и губернатора, дабы гражданские власти и церковные умерялись еще и политической властью.

Глава XXX. Продолжение той же темы

Деспотизм в своем неистовстве распространил опалу отца на его детей и жен. Но последние не так уже несчастны, не будучи виновными. Кроме того, надо, чтобы между государем и обвиняемыми стояли лица, которые могут своими мольбами смягчить его гнев или побудить его вынести более справедливое решение.

У малдивов есть хороший обычай, чтобы сановник, впавший в немилость, ежедневно являлся ко двору своего государя до тех пор, пока он снова не завоеует его благосклонность: его присутствие обезоруживает разгневанного государя.

Есть деспотические государства, где полагают, что ходатайствовать за опального перед государем значит нарушать должное почтение к последнему. Эти государя как будто употребляют все усилия для того, чтобы лишиться себя добродетели милосердия.

Аркадий и Гонорий объявили в законе, о котором я столько говорил, что они не будут щадить тех, кто осмелится умолять их за виновных. Это очень дурной закон, так как он нехорош даже для деспотизма.

Очень хорош обычай Персии, позволяющий всем, кто этого пожелает, покинуть государство, хотя противоположный обычай имеет

свое начало в деспотизме, который смотрит на подданных, как на рабов, а на тех, кто покидает государство, как на беглых рабов. Этот персидский обычай очень выгоден для деспотизма, так как опасение ухода плательщиков останавливает или ограничивает притеснения пашей и сборщиков податей.

Книга тринадцатая. О зависимости между взиманием податей и размерами государственных доходов, с одной стороны, и свободой — с другой

Глава I. О доходах государства

Доходы государства — это та часть имущества, которую каждый гражданин отдает государству для того, чтобы оно обеспечило за ним остальную часть или дало ему возможность приятно ее использовать.

Чтобы правильно определить размеры этих доходов, следует иметь в виду как нужды государства, так и нужды граждан. Не следует лишать народ действительно необходимого ради удовлетворения мнимых потребностей государства.

Мнимые потребности государства — это все то, чего требуют страсти и слабости тех, кто управляет: очарование необычного проекта, болезненная жажда суетной славы и некоторое бессилие рассудка перед фантазией. Нередко беспокойные умы, поставленные государем во главе правления, считали, что нужды государства — это нужды их мелких душ,

Ни один государственный вопрос не требует такого мудрого и благоразумного рассмотрения, как вопрос о том, какую часть следует брать у подданных и какую часть оставлять им.

Доходы государства надо измерять не тем, что парод может давать, а тем, что он должен давать. Если же их измеряют тем, что он может давать, то надо по крайней мере, чтобы он мог это давать всегда.

Глава II. О том, что дурно рассуждают те, которые говорят, что большие налоги хороши сами по себе

В некоторых государствах было замечено, что небольшие страны, избавленные от налогов, столь же бедны, как и окружающие их обремененные налогами страны. Главная причина тут в том, что небольшое государство при таких соседях не может иметь ни промышленности, ни ремесел, ни мануфактур, потому что во всех этих отношениях его стесняют множеством различных способов окружающие его большие государства. У этих государств есть и промышленность, и ремесла, и мануфактуры, которые они регламентируют так, что им достается вся приносимая ими выгода. При таком положении вещей малое государство по необходимости будет бедно, как бы ни были низки взимаемые там налоги.

Однако из факта бедности этих малых стран было выведено заключение, что для процветания трудолюбия в народе необходимы высокие налоги. Было бы правильнее заключить, что их совсем не нужно. Дело в том, что все бедняки из соседних государств направляются в такие страны, чтобы предаваться там праздности; доведенные до отчаяния непосильным трудом, они все свое счастье видят в лени. Богатство страны пробуждает честолюбие в сердцах людей, а бедность поражает их отчаянием. В первом случае люди ищут удовлетворения в труде, а во втором — находят утешение в лени. Природа справедлива к людям; она не оставляет без вознаграждения их труды. Она учит их трудолюбию, ибо с большей работой связывает и большее вознаграждение. Но если произвол власти лишил *их установленных природой наград, они проникаются отвращением к труду и праздность кажется им единственным благом.

Глава III. О налогах в странах, где часть народа прикреплена к земле

Прикрепление народа к земле бывает иногда последствием завоевания. В таком случае раб, возделывающий землю, должен быть издольщиком у своего господина. Одни только отношения, основанные на общности выгоды и убытка, могут примирить тех, удел которых работать, с теми, удел которых наслаждаться.

Глава IV. О положении республики в подобном случае

Республика, принудившая народ обрабатывать для нее землю, не должна допускать, чтобы гражданин мог увеличивать платежи раба. В Лакедемоне не позволяли этого: там полагали, что илоты будут лучше обрабатывать землю, если они будут знать, что их рабство не станет более тяжелым; там полагали, что господа будут лучшими гражданами, если будут довольствоваться тем, что они привыкли иметь,

Глава V. О положении монархии в подобном случае

Когда в монархии дворянство заставляет покоренный народ возделывать землю в свою пользу, то и тут тоже не следует допускать увеличения податей. Более того, хорошо, если государь будет довольствоваться своим доменом и военной повинностью. Если же он хочет взимать денежные налоги с рабов своих дворян, то надо, чтобы за правильное поступление налогов был ответствен господин этих рабов; чтобы он уплачивал за них, а они возмещали ему уплаченное. Если же это правило не будет соблюдаться, то господин и сборщики налогов государя будут поочередно угнетать раба, передавая его друг другу из рук в руки до тех пор, пока он не погибнет от нищеты или не убежит от них в леса.

Глава VI. О положении деспотического государства в подобном случае

Все сказанное мною еще более необходимо для деспотического государства. Господин, который ежеминутно может лишиться своих земель и своих рабов, не очень склонен заботиться о них.

Петр I, желая по примеру Германии собирать налоги в денежной форме, сделал очень благоразумное распоряжение, которому до сих пор следуют в России. Дворянин собирает установленные подати с крестьян и уплачивает их царю. Если число крестьян уменьшается, он платит, как и прежде; если число их увеличивается, он не платит больше прежнего. Таким образом, дворянин сам заинтересован в том, чтобы не притеснять своих крестьян.

Глава VII. О налогах в странах, где нет крепостного права

В государстве, где все люди — граждане, где каждый владеет своей собственностью, как государь — своим государством, можно взимать налоги с лиц, с земли или с товаров, с двух из этих категорий или со всех трех вместе.

В подушном налоге способ обложения, строго пропорциональный имуществам, несправедлив. В Афинах граждане были разделены на четыре класса. Те, которые извлекали из своих имуществ 500 мер продуктов жидких или сухих, платили обществу один талант; те, которые имели 300 мер, вносили половину таланта; те, которые получали 200 мер, уплачивали 10 мин, или шестую часть таланта; граждане четвертого класса не платили ничего. Налог был справедлив, хотя и непропорционален: если он не был пропорционален имуществам, то был пропорционален нуждам. Было принято во внимание, что все нуждаются в равном минимуме необходимого для жизни; что этот минимум не подлежит обложению; что за необходимым для жизни следует полезное, которое следует облагать, но менее, чем излишнее; что высокое обложение излишнего препятствует излишеству.

При обложении земель производятся росписи, в которые вносят различные классы поземельных имуществ. Но определить эти различия очень трудно, и еще труднее найти людей, которые не были бы заинтересованы в том, чтобы скрывать их. Отсюда — два рода несправедливостей: несправедливости, зависящие от людей, и несправедливости, связанные с самим существом дела. Но если обложение в общем не чрезмерно велико, если необходимое оставлено народу в изобилии, то эти частные несправедливости ничтожны. Если же, напротив, народу оставят лишь то, что ему нужно в обрез для поддержания жизни, то малейшая диспропорция поведет к самым пагубным последствиям. Нет большой беды, если некоторые граждане платят меньше, чем следует: их благосостояние всегда обращается на пользу обществу; но если некоторые лица платят слишком много — их разорение обратится во вред обществу. Если государство соразмеряет свое богатство с богатством отдельных лиц, то с обогащением последних увеличится вскоре и его богатство. Здесь все сводится к вопросу времени: начнет ли государство обогащать себя посредством разорения своих подданных или оно подождет, пока достигшие материального благосостояния подданные обогатят его? Станет ли оно пользоваться

выгодами первого или второго способа обогащения? Начнет ли оно с богатства или кончит богатством?

Налоги на товары менее всего ощутительны для народа, потому что они не связаны с формальным требованием уплаты. Они могут быть так благоразумно распределены, что народ почти и знать не будет, что уплачивает их- Для этого особенно важно, чтобы уплата налога была возложена на того, кто продает товары. Последний прекрасно знает, что он платит не из своих средств; а в представлении покупателя, который в сущности уплачивает этот налог, он сливается в одно целое с ценой товара. Некоторые авторы сообщают, что Нерон отменил налог в размере одной двадцать пятой части с цены продаваемых рабов. Однако он только распорядился, чтобы этот налог уплачивал не покупатель, а продавец. Это распоряжение, оставлявшее весь налог без изменения, показалось отменой налога.

В Европе есть два государства, где установлены очень высокие налоги на напитки: в одном налог уплачивается только производителем, в другом — он безразлично взимается со всех потребителей. В первом — никто не ощущает тяжести налога; во втором — он считается тяжелым. Там гражданин ощущает лишь свободу не платить; здесь он ощущает лишь необходимость платить.

Кроме того, чтобы гражданин платил постоянно, приходится производить в его доме розыски, что в высшей степени противно свободе; и те, которые установили такого рода налоги, не имели счастья найти для этого удачной администрации.

Глава VIII. Как сохраняется иллюзия

Чтобы цена товара и налог, которым он облагается, могли образовать одно целое в представлении налогоплательщика, надо, чтобы между товаром и налогом существовало некоторое соотношение и чтобы малоценные вещи не облагались высоким налогом. Есть страны, где налог на товар в 17 или 18 раз превышает цену товара. В таком случае государь не оставляет у подданных никаких иллюзий; они видят, что ими управляют неблагоразумно, и потому особенно остро ощущают свою несвободу.

Кроме того, чтобы государь мог собирать налог, столь несообразный с ценностью товара, надо, чтобы он сам продавал этот товар и чтобы народ больше нигде не мог покупать его, а это сопряжено с массой неудобств. В таком случае злоупотребления становятся очень выгодными, причем естественное наказание за них, предписываемое разумом и состоящее в конфискации товара, не в состоянии остановить их, тем более, что стоимость этого товара обыкновенно ничтожна. Поэтому приходится прибегать к чрезвычайным наказаниям, подобным тем, которые назначаются за величайшие преступления. При этом уничтожается всякая пропорциональность между наказаниями. Люди, несколько не злонамеренные, наказываются, как злодеи, что в высшей степени противно духу умеренного правления.

Прибавлю, что, чем больше создается поводов для того, чтобы народ обманывал откупщиков, тем более обогащаются откупщики и разоряется народ. Чтобы прекратить злоупотребления, надо предоставить откупщику чрезвычайную власть, а тогда все погибло.

Глава IX. Об одном дурном налоге

Скажем мимоходом об установленном в некоторых государствах налоге на различные виды гражданских договоров. Чтобы защитить себя от откупщика, необходимо большое знание дела, так как дела этого рода подлежат самому тонкому расследованию. Поэтому в качестве истолкователя уставов государя откупщик получает произвольную власть над чужим имуществом. Опыт показал, что было бы гораздо лучше заменить эти налоги обложением бумаги, на которой должен быть написан контракт.

Глава X О том, что размеры налогов зависят от природы правления

В деспотическом государстве налоги должны быть очень низкими. Иначе, кто согласится заниматься там земледелием? Да и как платить большие подати при правлении, которое ничем не возмещает подданному то, что получает от него? При страшной силе государя и крайнем бессилии народа необходимо, чтобы между ними не было ничего

двусмысленного. Налоги должны быть так ясно установлены и способы взимания их так легки, чтобы сборщики не могли ни увеличивать, ни уменьшать их по собственному произволу. Некоторая часть натурой, подушная подать, налог на товары в размере определенного процента — вот что единственно приличествует такому правлению.

Хорошо, если в деспотическом государстве купцам дается личная охрана и к ним принято относиться с уважением; без этого они оказались бы бессильными при возможных столкновениях с чиновниками государя.

Глава XI. О фискальных наказаниях

Фискальные наказания имеют ту особенность, что вопреки общему положению вещей они более строги в Европе, чем в Азии. В Европе конфискуют товары, иногда даже корабли и повозки, а в Азии не делают ни того, ни другого. Причина тут в том, что в Европе для купца есть судьи, которые могут оградить его от притеснения, между тем как деспотические судьи Азии сами являются в таком случае притеснителями. Что мог бы сделать купец против какого-нибудь паши, вздумавшего конфисковать его товары?

Произвол видит себя вынужденным несколько смягчить гнет и преодолевает сам себя. В Турции ввозная пошлина взимается только однажды, после чего перед купцом открывается вся страна. Ложные заявления относительно товара не навлекают ни конфискации, ни увеличения пошлины. В Китае багаж лиц, не занимающихся торговлей, не подвергается освидетельствованию. В стране Могола контрабанда наказывается не конфискацией, а удвоением пошлины. Татарские государи, обитающие в городах Азии, почти ничего не взимают с провозимых товаров. И если в Японии торговая контрабанда считается уголовным преступлением, то это объясняется единственно желанием этой страны не иметь никакого общения с иностранцами, так что контрабанда является там не столько нарушением законов торговли, сколько нарушением законов, созданных для охраны безопасности государства.

Народ-властелин, каковы были афиняне и римляне, может освободить себя от всех налогов, потому что он царит над подвластными

ему народами. Тогда он не платит пропорционально своей свободе, так как в этом отношении он уже не народ, а монарх.

Но общее правило остается неизменным. В умеренных государствах есть вознаграждение за тяжесть налогов: оно заключается в свободе. В деспотических государствах есть вознаграждение за лишение свободы: оно заключается в умеренности налогов.

В некоторых монархиях Европы встречаются провинции, которые благодаря природе их политического правления находятся в лучшем положении, чем прочие. Обыкновенно говорят, что они слишком мало платят, так как при более строгом правлении они могли бы платить больше; при этом всегда является желание лишить их этой привилегии, имеющей тенденцию распространяться и на другие провинции, которые охотно воспользовались бы этими преимуществами.

Глава XII. Отношение размеров налогов к свободе

Общее правило: чем больше свобода подданных, тем большие можно взимать с них налоги; и чем больше рабство, тем более приходится снижать их платежи. Так оно всегда было, и так всегда будет. Это правило самой природы, всегда и везде неизменное; ему подчиняются все страны — Англия, Голландия — и все государства, где свобода ограничена. вплоть до самой Турции. Швейцария составляет, по-видимому, исключение, так как там вообще не платят налогов; но особенная причина этого известна, и она даже подтверждает мою мысль. На этих бесплодных горах предметы продовольствия так дороги, а страна населена так густо, что швейцарец платит природе вчетверо больше, чем турок — султану.

Глава XIII. В каких видах правления допустимо увеличение налогов

Увеличение налогов допустимо в большей части республик, потому что гражданин, думающий, что он платит их самому себе, желает платить их и обычно благодаря природе этого правления имеет возможность это делать.

В монархии можно увеличивать налоги, потому что умеренный характер правления способствует там накоплению богатств: это как бы награда государю за то, что он уважает законы.

В деспотическом государстве налоги увеличивать нельзя, потому что нельзя еще более увеличить и без того доведенное до крайней степени рабство.

Глава XIV. Об отношении природы налогов к образу правления

Подушный налог более свойствен рабству, налог на товары — свободе, потому что он не столь непосредственно затрагивает личность плательщика. В деспотическом правлении государь обыкновенно не платит денег своим войнам и придворным, но наделяет их землями, вследствие чего там взимают немного налогов. Если же государь хочет платить деньгами, то наиболее естественным налогом будет в таком случае подушный налог. Но этот налог должен быть по необходимости очень умерен, так как там невозможно разделять плательщиков на различные классы, ибо при несправедливости и жестокости правления это повело бы к злоупотреблениям; необходимость заставляет сообразоваться при определении величины налога с тем, что могут платить наиболее бедные люди.

Для умеренного правления самый естественный налог — это налог на товары. Этот налог, в действительности уплачиваемый покупателем, хотя и взимаемый с продавца, есть ссуда, получаемая от купца покупателем; поэтому купец является общим должником государства и кредитором всех отдельных лиц. Он наперед уплачивает государству налог, который когда-нибудь будет ему уплачен покупателями; и он уже уплатил за покупателя налог, уплатив его за свои товары. Понятно поэтому, что, чем умереннее образ правления, чем более царит в нем дух свободы, чем в большей безопасности находятся имущества, тем легче купцу вносить вперед государству большие налоги, предоставляя таким образом ссуду частным лицам. В Англии купец авансом уплачивает государству от 50 до 60 фунтов стерлингов с каждой получаемой им бочки вина. Какой купец решился бы сделать что-либо подобное этому в стране, управляемой, как Турция? А если бы он решился, то как мог бы он

сделать это в стране, где нет неприкосновенности имущества и где собственник может быть разорен в любой момент?

Глава XV. Злоупотребление свободой

Преимущества свободы привели к тому, что люди стали злоупотреблять самой свободой. Видя, что умеренное правление дало превосходные результаты, они пожелали расстаться с этой умеренностью, получая большие налоги, пожелали получать налоги чрезмерные и, не поняв, что этот дар приносит рука свободы, обратились к рабству, которое всегда бесплодно,

Свобода привела к чрезмерным налогам; но чрезмерные налоги ведут к рабству, а рабство ведет к уменьшению налогов.

Азиатские монархи издают ежегодно указы, избавляющие от налогов какую-нибудь провинцию их государства: каждое изъявление их воли — благодеяние. У нас же, в Европе, указы государей огорчают подданных даже прежде, чем станет известно их содержание, потому что там всегда говорится о нуждах государей и никогда — о нуждах подданных.

Непростительная беспечность правителей азиатских стран, обусловленная образом правления и часто климатом, приносит народам ту выгоду, что их не обременяют беспрестанно новыми требованиями. Расходы там не возрастают, потому что там не создают новых проектов, а если когда-либо такие проекты и возникают, то их всегда доводят до конца, не ограничиваясь одним началом. Лица, управляющие государством, не держат его в постоянной тревоге, потому что они сами не охвачены тревогой. Что же касается нас, то установить какой-нибудь порядок в наших финансах нет возможности, потому что мы всегда знаем, что будем что-то делать, но никогда не знаем, что именно.

У нас великим министром называют уже не того, кто благоразумно распределяет общественные доходы, а того, кто отличается изворотливостью и всегда находит средства выпутаться из затруднительного положения.

Глава XVI. О завоеваниях магометан

Чрезмерные налоги были причиной той поразительной легкости, с которой магометане совершали свои завоевания. Народы, уплачивавшие ранее бесконечный ряд тяжких поборов, изобретаемых жадностью императоров, теперь должны были платить один простой налог, который было легко и уплачивать, и взимать. И они предпочитали повиноваться этим варварам, чем испорченному правительству, под властью которого им приходилось претерпевать все неудобства уже не существующей свободы вместе со всеми ужасами существующего рабства.

Глава XVII. Об увеличении войска

Новая болезнь распространилась в Европе; она захватила наших государей и заставила их содержать беспорядочную массу войск. Она усиливается и становится заразительной, ибо как только одно государство увеличивает то, что оно называет своими войсками, другие тотчас же делают то же самое, так что в результате не получается ничего, кроме всеобщего разорения. Каждый монарх держит наготове столько войска, сколько ему пришлось бы иметь разве лишь в том случае, если бы его народам угрожало истребление; и эти усилия всех против всех называют миром. Немудрено, что Европа до того разорена, что если бы частные лица оказались в положении трех самых богатых держав этой части света, то им нечем было бы жить. Мы бедны, обладая богатствами и торговлей всего мира; и при нашем желании иметь побольше солдат скоро ничего не будем иметь, кроме солдат, и станем подобны татарам.

Большие государства, не довольствуясь наймом войск у мелких государей, стараются приобретать себе повсюду за деньги союзников, что почти всегда означает бросать деньги на ветер.

Следствием такого положения является непрерывное возрастание налогов, а также то исключаящее всякую возможность исцеления обстоятельство, что войны ведутся уже не на доходы, а на самый капитал. И уже теперь мы видим, что государства нередко закладывают свои земли даже во время мира и употребляют для собственного разорения средства, которые они называют чрезвычайными и которые, действительно,

настолько чрезвычайны, что едва ли до них может додуматься самый расточительный молодой наследник,

Глава XVIII. Об освобождении от налогов

Обычай великих империй Востока освобождать от налогов пострадавшие провинции следовало бы ввести и в монархических государствах. Во многих из них он существует, но стал для них только лишним отягощением, так как там государь не уменьшает общей цифры налогов, взимаемых со всего государства, вследствие чего все государство и является солидарным в их уплате. Чтобы облегчить одну деревню, которая платит неисправно, обременяют другую, которая платит исправнее, и, не оказав существенной помощи первой, разоряют последнюю. Народ, раздираемый между необходимостью платить из страха вымогательств и опасностью платить из страха надбавки, приходит в отчаяние.

Хорошо управляемое государство должно всегда держать в запасе определенную сумму на непредвиденные нужды. Общество подобно отдельным лицам, которые разоряются, если расходуют без остатка доходы со своих земель. Круговая порука среди жителей одного и того же села оправдывалась тем, что в противном случае можно было бы предположить с их стороны заговор с целью обмана. Но не бессмысленно ли устанавливать на основании одних предположений правило, которое само по себе несправедливо и разорительно для государства?

Глава XIX. Что выгоднее для государя и народа: отдача налогов на откуп или казенное управление ими?

Казенное управление есть управление хорошего семьянина, который сам расчетливо и благоразумно заведует своими доходами.

При казенном управлении государь властен ускорять или замедлять взимание налогов, смотря по собственным нуждам или нуждам своих народов. При казенном управлении он сохраняет для государства огромные барыши откупщиков, которые разоряют страну всевозможными способами. При казенном управлении он избавляет народ от неприятного зрелища внезапного обогащения отдельных лиц. При казенном

управлении собранные деньги проходят через немногие руки; они идут прямо к государю и, следовательно, скорее возвращаются к народу. При казенном управлении государь избавляет народ от бесчисленного множества дурных законов, которые всегда вынуждают у него жадность откупщиков, преследующих выгоды настоящего посредством мероприятий, губительных для будущего.

И так как тот, у кого есть деньги, всегда имеет некоторую власть над людьми, то откупщик приобретает деспотическую власть даже над самим государем. Он не может сам издавать законы, но заставляет государя издавать их.

Допускаю, что иногда бывает полезно начать с отдачи на откуп какого-нибудь вновь установленного налога. Для предупреждения обманов нужны искусство и изобретательность, на которые неспособны чиновники и которые, естественно, внушаются откупщику его личным интересом. Однако после того как откупщик установит систему взимания данного налога, можно с успехом перейти к казенному управлению. В Англии система управления акцизом и почтовыми доходами в том виде, как она теперь существует, была заимствована у откупщиков.

В республиках доходы государства почти всегда находятся в казенном управлении. Противоположный этому порядок был большим недостатком правления Рима. В деспотических государствах, где установлено казенное управление, народы бесконечно счастливее: примеры — Персия и Китай. Несчастнее, же всего те страны, где государь отдает на откуп морские порты и торговые города. История монархий содержит бесчисленные примеры зол, причиненных откупщиками.

Нерон, возмущенный вымогательствами сборщиков податей, задумал неосуществимый и великодушный проект отмены всех налогов. Он не изобрел казенного управления, но издал четыре указа, которыми повелевалось: чтобы законы, изданные против откупщиков и до сих пор содержащиеся в тайне, были обнародованы; чтобы откупщики лишались права взыскивать то, на что они не предъявляли требований в продолжение года; чтобы был назначен претор для обсуждения их требований без всяких формальностей; чтобы купцы были избавлены от

уплаты пошлин за свои суда. Вот хорошие дни царствования этого императора.

Глава XX. Об откупщиках налогов

Все погибло, если корыстная профессия откупщиков делается благодаря их богатствам еще и уважаемой профессией. Это явление может быть уместно в деспотических государствах, где сбор налогов нередко составляет часть служебных обязанностей самих губернаторов. Но оно неуместно в республике, и подобное явление было причиной падения римской республики. Не менее неуместно это и в монархиях: нет ничего более противного духу этого правления. Прочие сословия проникаются недовольством, исчезает всякое уважение к чести, люди начинают пренебрегать более медленными и естественными средствами отличиться, и правление .поражено в самом своем принципе.

В минувшие времена также нередко происходили скандальные обогащения; это было одно из бедствий пятидесятилетней войны; но тогда эти богатства презирали, а мы ими восхищаемся. У всякой профессии — свой удел. Удел тех, которые собирают налоги и богатства, как бы в вознаграждение за их профессию и есть это самое богатство. Честь и слава — удел знати, которая не знает, не видит, не понимает иного истинного блага, кроме славы и чести. Почет и уважение остаются на долю тех министров и чиновников, которые, получая в награду за свой труд все новые и новые труды, дни и ночи неустанно трудятся на пользу государства.

Книга четырнадцатая. О законах в их отношении к свойствам климата

Глава I. Общая идея

Если справедливо, что характер ума и страсти сердца чрезвычайно различны в различных климатах, то законы должны соответствовать и различию этих страстей, и различию этих характеров.

Глава II. Насколько люди различны в различных климатах

Холодный воздух производит сжатие окончаний внешних волокон нашего тела, отчего напряжение их увеличивается и усиливается приток крови от конечностей к сердцу. Он вызывает сокращение этих мышц и таким образом еще более увеличивает их силу. Наоборот, теплый воздух ослабляет наружные волокна, растягивает их и, следовательно, уменьшает их силу и упругость. Поэтому в холодных климатах люди крепче. Деятельность сердца и реакция окончаний волокон там совершаются лучше, жидкости находятся в большем равновесии, кровь энергичнее стремится к сердцу, и сердце в свою очередь обладает большей силой. Эта большая сила должна иметь немало последствий, каковы, например, большее доверие к самому себе, т. е. большее мужество, большее сознание своего превосходства, т. е. меньшее желание мстить, большая уверенность в своей безопасности, т. е. больше прямоты, меньше подозрительности, политиканства и хитрости. Поставьте человека в жаркое замкнутое помещение, и он по вышеуказанным причинам ощутит очень сильное расслабление сердца. И если бы при таких обстоятельствах ему предложили совершить какой-нибудь отважный поступок, то, полагаю, он выказал бы очень мало расположения к этому. Расслабление лишит его душевной бодрости, он будет бояться всего, потому что будет чувствовать себя ни к чему не способным. Народы жарких климатов робки, как старики; народы холодных климатов отважны, как юноши. Обратив внимание на последние войны, которые по своей близости к нам позволяют подметить некоторые легкие и незаметные издали влияния, мы увидим, что народы севера, сражаясь в южных странах, не совершили там таких прекрасных подвигов, как их соотечественники, которые, сражаясь в своем родном климате, обладали всем своим мужеством.

Благодаря силе своих мышц народы севера извлекают из пищи самые грубые соки. Отсюда два последствия: во-первых, частицы лимфы вследствие их значительного размера крепче утверждаются в волокнах и лучше питают их, во-вторых, по причине своей грубости они менее способны придавать некоторую остроту нервному соку, поэтому у этих народов будут крупные тела и мало живости.

Нервы, которые со всех сторон примыкают к нашей кожной ткани, соединены в нервные пучки. Обыкновенно возбуждается не весь нерв, а лишь бесконечно малая часть его. В жарких климатах, где кожная ткань

ослаблена, концы нервов развернуты и доступны самому слабому действию самых ничтожных предметов. В холодных странах кожная ткань сокращена, бугорки ее сжаты и малые нервные клеточки как бы парализованы; впечатление доходит до мозга лишь в том случае, если оно чрезвычайно сильно и овладевает всем нервом целиком. Но известно, что воображение, вкус, чувствительность и живость зависят от восприимчивости к бесконечному множеству малых впечатлений, Я наблюдал внешнюю ткань языка овцы в том месте, где она кажется невооруженному глазу покрытой бугорками. В микроскопе я заметил, что эти бугорки покрыты волосиками, чем-то вроде пуха, а между бугорками находились пирамидки, которые заканчивались как бы кисточками. Есть большая вероятность, что эти пирамидки и составляют главный орган вкуса. Я заморозил половину этого языка и увидел простым глазом, что бугорки значительно уменьшились, а несколько рядов их углубилось в свои влагалища. Обследовав ткань под микроскопом, я уже совсем не увидел пирамидок. По мере того как язык оттаивал, бугорки заметно для простого глаза приподнимались, а в микроскопе можно было наблюдать постепенное появление нервных кисточек.

Это наблюдение подтверждает сказанное мною о том, что в холодном климате нервные кисточки менее развернуты, они углубляются в свои влагалища, которые защищают их от действия внешних предметов, понижая, таким образом, живость ощущений.

В холодных климатах чувствительность человека к наслаждениям должна быть очень мала, она должна быть более значительна в странах умеренного климата и чрезвычайно сильна в жарких странах. Подобно тому как различают климаты по градусам широты, их можно было бы различать, так сказать, и по степеням чувствительности людей. Я видел оперы в Италии и Англии: те же были пьесы и те же актеры, но одна и та же музыка производила на людей обеих наций столь различное впечатление, так мало волновала одну и приводила в такой восторг другую, что все это казалось непонятным.

Так обстоит дело и с ощущением боли: она возбуждается в нас разрывом волокон нашего тела. Создатель природы устроил так, что боль ощущается тем сильнее, чем значительнее эти разрывы. Но очевидно, что массивные тела и грубые волокна народов севера способны подвергаться

такому расстройству менее, чем нежные волокна народов жарких стран, душа их поэтому менее чувствительна к ощущению боли. Чтобы пробудить в москвите чувствительность, надо с него содрать кожу.

При такой нежности органов людей жарких стран душа их в высшей степени восприимчива ко всему, что связано с соединением обоих полов; там все ведет к этому предмету.

В северном климате физическая сторона любви едва ощущается с достаточной силой; в умеренном климате любовь, сопровождаемая бесчисленными аксессуарами, прельщает разными приманками, которые кажутся любовью, хотя на самом деле все это еще не любовь; в более жарком климате любовь любят ради нее самой, там она единственная причина счастья, там она сама жизнь.

В южных странах организм нежный, слабый, но чувствительный, предается любви, которая непрерывно зарождается и удовлетворяется в гареме, а при более независимом положении женщин связана со множеством опасностей. В северных странах организм здоровый, крепко сложенный, но тяжеловесный, находит удовольствие во всякой деятельности, которая может расшевелить душу: в охоте, странствованиях, войне и вине. В северном климате вы увидите людей, у которых мало пороков, немало добродетелей и много искренности и прямоты. По мере приближения к югу вы как бы удаляетесь от самой морали: там вместе с усилением страстей умножаются преступления, и каждый старается превзойти других во всем, что может благоприятствовать этим страстям. В странах умеренного климата вы увидите народы, непостоянные в своем поведении и даже в своих пороках и добродетелях, так как недостаточно определенные свойства этого климата не в состоянии дать им устойчивость.

В климате чрезмерно жарком тело совершенно лишается силы. Тогда расслабление тела переходит и на душу: такой человек ко всему равнодушен, не любопытен, не способен ни на какой благородный подвиг, ни на какое проявление великодушия, все его склонности приобретают пассивный характер, лень становится счастьем, там предпочитают переносить наказания, чем принуждать себя к деятельности

духа, и рабство кажется более легким, чем усилия разума, необходимые для того, чтобы самому управлять собою.

Глава III. Противоречия в характере некоторых южных народов

Индийцы от природы лишены мужества. Даже европейцы, рожденные в Индии, утрачивают мужество, свойственное европейскому климату. Но как совместить с этим их жестокость, их обычаи и варварские наказания? Мужчины там подвергают себя невероятным мукам, а женщины сами себя сжигают: вот сколько силы при такой слабости.

Природа, которая дала этим людям слабость, делающую их робкими, наделила их вместе с тем столь живым воображением, что все поражает их сверх меры. Та же самая чувствительность органов, которая заставляет их бояться смерти, заставляет их страшиться многого более смерти. И та же самая чувствительность, которая заставляет их избегать опасностей, дает им силу презирать эти опасности.

Подобно тому как хорошее воспитание более необходимо для детей, чем для людей зрелого ума, народы этих климатов более нуждаются в мудрых законодателях, чем народы нашего климата. Чем люди впечатлительнее, тем важнее, чтобы получаемые ими впечатления были правильными, чтобы они не усваивали предрассудков и чтобы ими руководил разум.

Во времена римлян народы Северной Европы жили без ремесел, без воспитания и почти без законов; и тем не менее благодаря одному лишь здравому рассудку, связанному с грубыми волокнами тела жителей этих климатов, они с удивительной мудростью противостояли римскому могуществу и, наконец, вышли из своих лесов, чтобы разрушить его.

Глава IV. Причина неизменяемости религии, нравов, обычаев и законов в странах Востока

Если к этой нежности органов, благодаря которой народы Востока получают самые сильные в мире впечатления, вы присоедините некоторую леность ума, естественно, связанную с такою же ленью тела,

что делает их неспособными ни к какому подвигу, ни к какому усилию, ни к какому самообладанию, вы поймете, почему душа их, раз восприняв те или иные впечатления, не может уже более изменить их. Вот отчего законы, нравы и обычаи, относящиеся даже к таким, невидимому, безразличным вещам, как одежда, остаются и теперь на Востоке такими, какими они были тысячу лет тому назад.

Глава V. О том, что дурные законодатели — это те, которые поощряли пороки, порожденные климатом, а хорошие — те, которые боролись с этими пороками

Индийцы полагают, что покой и небытие составляют основу и конец всего существующего. Таким образом, полное бездействие является для них самым совершенным состоянием и главным предметом их желаний. Они дают верховному существу название неподвижного. Жители Сиама считают, что высшее блаженство состоит в том, чтобы не быть обязанным приводить в движение свое тело.

В этих странах, где чрезмерная жара обессиливает и подавляет людей, покой доставляет такое наслаждение, а движение так тягостно, что эта метафизическая система кажется вполне естественной. Будда, законодатель Индии, следовал внушению собственных чувств, рекомендуя людям состояние полной пассивности; но его учение, порожденное созданной климатом ленью и в свою очередь поощряющее эту лень, причинило неисчислимое зло.

Законодатели Китая проявили более здравого смысла: имея в виду не то состояние покоя, к которому некогда придут люди, а ту деятельность, которая им необходима для выполнения житейских обязанностей, они дали своей религии, своей философии и своим законам чисто практическое направление. Чем более физические причины склоняют людей к покою, тем более должны удалять их от него причины моральные.

Глава VI. О земледелии в жарких климатах

Земледелие — самый важный труд людей. Чем более климат побуждает их избегать этого труда, тем более должны поощрять их к нему

религия и законы. Поэтому законы Индии, которые отдают земли государям и лишают частных лиц духа собственности, усиливают неблагоприятное влияние климата, т. е. производимую им лень.

Глава VII. О монашестве

Такое же зло производит там и монашество. Оно родилось в жарких странах Востока, где люди более склонны к созерцанию, чем к деятельности. В Азии количество дервишей, или монахов, видимо возрастает по мере того, как климат становится более жарким; Индия, где жара достигает своего предела, переполнена ими. То же соотношение наблюдается и в Европе.

Чтобы победить внушаемую климатом лень, законы должны были бы лишить людей всякой возможности жить не работая. Но на юге Европы они действуют в обратном направлении: они ставят людей, желающих быть праздными, в положение, благоприятствующее созерцательной жизни, и связывают с этим положением огромные богатства. Эти люди, живя в таком изобилии, которое даже тяготит их, естественно, уделяют свои излишки простому народу.

Последний утратил собственность; они вознаграждают его за это возможностью наслаждаться праздностью; и он в конце концов начинает любить даже свою нищету.

Глава VIII. Хороший китайский обычай

В описаниях Китая рассказывается о ежегодно совершаемой императором церемонии открытия земледельческих работ. Цель этого публичного и торжественного акта — побудить народ заниматься земледелием.

Сверх того, императора каждый год извещают о наиболее отличившемся в своем занятии земледельце, которого он и производит в мандарины восьмого разряда. У древних персов ежегодно в восьмой день месяца *shogget guz* государи покидали свои пиршества, чтобы разделять пищу с пахарями. Все это превосходные установления для поощрения земледелия.

Глава IX. Способы поощрения промышленности

В книге девятнадцатой я покажу, что ленивые нации обыкновенно отличаются тщеславием. Можно было бы обратить следствие против его причины и бороться с ленью посредством тщеславия. На юге Европы, где народы так чувствительны к почестям, следовало бы назначать премии наиболее отличившимся в своем деле земледельцам и ремесленникам. Эта мера хороша даже для всякой страны. В наши дни она способствовала учреждению в Ирландии одной из самых значительных во всей Европе мануфактур полотна.

Глава X О законах, относящихся к трезвости народов

В жарких странах водянистая часть крови сильно улетучивается вследствие испарины, и ее нужно восполнять подобною же жидкостью. Поэтому вода там в большом употреблении; крепкие же напитки произвели бы там сгущение кровяных шариков, которые остаются после испарения водянистых частей крови.

В холодных странах водянистая часть крови испаряется слабо, она остается в крови в избытке, поэтому там можно употреблять спиртные напитки, не опасаясь сгущения крови. Там тела переполнены влагой, и крепкие напитки, усиливающие движение крови, не будут неуместны.

Закон Магомета, запрещающий пить вино, является, таким образом, законом самого климата Аравии; известно, что вода и до Магомета была обычным напитком арабов. Карфагенский закон, запрещающий употребление вина, был тоже законом климата; и в самом деле, обе эти страны имеют почти одинаковый климат.

Подобный закон не годился бы для холодных стран, где в силу климата развивается некоторое национальное пьянство, сильно отличающееся от пьянства отдельного лица. Пьянство распространено по всей земле в прямом отношении к холоду и сырости климата. Двигаясь от экватора к нашему полюсу, вы увидите, что пьянство возрастает вместе с градусами широты. Двигаясь от экватора к полюсу, противоположному

нашему, вы увидите, что тут оно возрастает в направлении к югу, подобно тому как там возрастало в направлении к северу.

Естественно, что там, где употребление вина противно климату, а следовательно, и здоровью, злоупотребление им наказывается строже, чем в странах, где дурные последствия пьянства не велики как для личности, так и для общества и где оно только дурманит людей, а не делает их свирепыми. Поэтому закон, каравший пьяного человека и за совершенный им проступок, и за его пьянство, касался только его личного, а не национального пьянства. Немец напивается по обычаю, испанец — по личному желанию. В жарких странах вследствие расслабленного состояния волокон происходит сильное выделение жидкостей посредством испарения, но твердые части тела сохраняются лучше. Волокна, действующие вяло и с малым напряжением, почти не изнашиваются, и требуется немного питательных соков для их восстановления; поэтому люди там очень умеренны в пище. От различия в потребностях, порождаемого различием климатов, происходит различие в образе жизни, а от различия в образе жизни — различие законов. Для народа, у которого существует большое общение между людьми, нужны одни законы, для народа, у которого такого общения нет, — другие.

Глава XI. О законах, имеющих отношение к болезням, порождаемым климатом

Геродот говорит, что законы евреев о прокаже были заимствованы ими у египтян. В самом деле, одинаковые болезни требуют одинаковых лекарств. Эти законы были неизвестны грекам и первым римлянам, так же как и сам вызвавший их недуг. Климат Египта и Палестины сделал их необходимыми, а легкость, с которой распространяется эта болезнь, служит нам достаточным доказательством предусмотрительности и мудрости этих законов.

Мы и сами испытали их действие. Крестовые походы занесли к нам прокажу, а благоразумные меры, принятые против нее, не дали ей распространиться в массе народа.

Из законов лангобардов видно, что эта болезнь была распространена в Италии до крестовых походов и обратила там на себя

внимание законодателей. Ротарь повелел, чтобы прокаженный, изгнанный из своего дома и удаленный в особое место, был лишен права распоряжаться своим имуществом, так как с того момента, как его выбросили из его дома, он уже считался умершим. Чтобы устранить всякое общение с прокаженными, их лишали гражданских прав. Я думаю, что эта болезнь была занесена в Италию завоеваниями греческих императоров, в войсках которых могли быть отряды из Палестины или Египта. Как бы то ни было, дальнейшее ее распространение было остановлено до времени крестовых походов.

Говорят, что солдаты Помпея, возвратившись из Сирии, принесли оттуда болезнь, весьма сходную с проказой. Не сохранилось никаких сведений о принятых против нее мерах, но надо полагать, что такие меры были, так как эта болезнь была приостановлена до времен лангобардов.

Два века тому назад болезнь, неизвестная нашим отцам, проникла из Нового Света в наш и стала поражать человеческую природу в самом источнике жизни и наслаждений. Большая часть самых знатных фамилий юга Европы погибла от пагубного недуга, который стал до того обычным, что его уже перестали стыдиться. Упрочила эту болезнь жажда золота, за которым люди постоянно устремлялись в Америку, принося оттуда все новые и новые семена заразы. Благочестивое нравственное чувство требовало сохранения этой кары за преступление, но бедствие проникло в недра брака и заразило даже детей. Поскольку мудрость законодателей должна охранять здоровье граждан, было бы весьма благоразумно остановить распространение заразы посредством законов, составленных по образцу законов Моисеевых.

Чума производит свои опустошения еще быстрее и внезапнее. Главный источник ее находится в Египте, откуда она распространяется по всему свету. Большая часть государств Европы приняла очень хорошие меры, чтобы не допустить ее к себе, и в наше время найдено превосходное средство остановить ее распространение: зачумленная область оцепляется войсками, которые делают невозможным всякое сообщение с нею.

Турки, которые не принимают никаких мер против чумы, видят, как в одном и том же городе христиане избегают опасности, а они одни погибают. Они покупают одежды зачумленных, носят их и не изменяют обычного образа жизни. Учение о неумолимой судьбе, которая всем управляет, обращает правителя в невозмутимого зрителя; он думает, что бог уже сделал все, что нужно, и ему больше нечего делать.

Глава XII. О законах против тех, которые сами себя убивают

Из истории не видно, чтобы римляне причиняли себе смерть без причины; но англичане убивают себя даже при счастливейших обстоятельствах жизни, так что невозможно бывает понять, что привело человека к такому решению. У римлян самоубийство было следствием их воспитания, оно имело основание в их образе мыслей и в их обычаях; у англичан оно есть следствие болезни, имеет свое основание в физическом состоянии организма и ни от какой другой причины не зависит.

Весьма вероятно, что оно связано с недостаточной фильтрацией нервного сока. Организм, двигательные силы которого остаются в постоянном бездействии, становится в тягость самому себе; душа не испытывает боли, но ощущает некоторую трудность существования. Боль есть местное зло, которое возбуждает в нас желание избавиться от этого зла; но чувство тягости жизни не имеет определенного места и возбуждает в нас желание прекратить эту жизнь.

Без сомнения, в некоторых странах законы, карающие самоубийство, не лишены разумного основания; но карать его в Англии — все равно, что карать поступки помешанного.

Глава XIII. Следствия, вытекающие из климата Англии

Для нации, у которой порождаемая климатом болезнь удручает душу до такой степени, что поселяет в ней отвращение ко всему на свете, вплоть до самой жизни, для людей, которым все стало невыносимо, — наиболее подходящим образом правления был бы тот, при котором они не могли бы возлагать вину за свое несчастье на одно лицо, при котором страной управляют не столько люди, сколько законы, и потому для

изменения государственного строя пришлось бы ниспровергать самые законы.

И если бы при этом та же нация получила от климата некоторую нетерпеливость характера, которая не позволяла бы ей долго терпеть однообразие, то очевидно, что образ правления, о котором мы только что говорили, оказался бы для нее еще более подходящим.

Эта нетерпеливость характера сама по себе еще не имеет большого значения, но в соединении с мужеством она может стать великим благом. Она не похожа на ту легкость, с которой люди принимаются за дела неизвестно зачем и оставляют их неизвестно почему. Она ближе к настойчивости, потому что порождается таким живым ощущением зла, которое не притупляется даже привычкой терпеть его.

Такой характер у народа свободного был бы очень большим препятствием для происков тирании, действия которой обыкновенно бывают столь же вялы и медлительны при ее начале, как они быстры и решительны в конце, которая начинает помогать одной рукой для того, чтобы вслед затем угнетать всем бесчисленным множеством своих рук.

Порабощению всегда предшествует усыпление. Но народ, который не знает покоя ни в каком положении, который постоянно как бы ошупывает себя, обнаруживая все свои больные места, такой, народ не может поддаться сну. Политика — беззвучная пила, которая незаметно совершает свою работу и медленно достигает своей цели. Но люди, о которых мы только что говорили, не были бы в состоянии выдержать медлительность, мелочность хладнокровных переговоров; тут они нередко оказывались бы слабее всякой другой нации и могли бы утратить посредством своих трактатов то, что приобрели своим оружием.

Глава XIV. Другие следствия климата

Наши отцы — древние германцы — жили в климате, где страсти людей не были бурными. В своих законах они принимали вещи такими, какими видели их, не давая простора собственной фантазии. Судя об обидах, нанесенных мужчинам, по величине полученных им ран, они с той же простотой оценивали и обиды, нанесенные женщинам. Очень

своеобразен в этом отношении закон аллеманов. За обнажение головы женщины надо было платить штраф в шесть солидов, за обнажение ее ноги до колена — столько же и вдвое больше — за обнажение выше колена. Кажется, закон измерял величину оскорбления, нанесенного женщине, так, как измеряют величину геометрической фигуры; он наказывал не преступление воображения, а преступление глаз. Но когда одна из германских наций переправилась в Испанию, климат этой страны внушил ей совсем иные законы. Закон вестготов позволял медикам пускать кровь свободнорожденной женщине только, в присутствии ее отца или матери, брата, сына или дяди. Воображение народов воспламенилось, а от него разгорелось и воображение законодателей; закон стал подозревать во всем народ, который сам был способен все заподозрить.

Поэтому законы эти отнеслись с величайшим вниманием к поведению обоих полов. Но, судя по установленным ими наказаниям, они, кажется, стремились более удовлетворять требования личной мести, чем требования общественной мести. Так, в большинстве случаев они отдавали обоих виновных в рабство родителям или оскорбленному супругу. Свободнорожденная женщина, отдавшаяся женатому человеку, предоставлялась в полное распоряжение его супруги. Эти законы обязывали рабов связать и привести к мужу женщину, застигнутую ими во время прелюбодеяния. Они разрешали детям этой женщины обвинять свою мать и подвергать ее рабов пытке, для того чтобы уличить ее. Поэтому эти законы были более пригодны для утонченной разработки определенного вопроса чести, чем для должной охраны нравов. И не надо удивляться, если граф Юлиан полагал, что оскорбление подобного рода требовало гибели его отечества и его короля. Нет ничего удивительного и в том, что при подобном состоянии нравов мавры так легко смогли поселиться в Испании, удержаться там и замедлить падение своей империи.

Глава XV. О влиянии климата на доверие законодателей к народу

Японский народ обладает таким свирепым характером, что его законодатели и правители не могли питать к нему никакого доверия. Они говорят ему только о судьях, угрозах и наказаниях. Японец и шагу не

может ступить без полицейского надзора, Эти законы, которые из пяти глав семейства ставят одного как бы правителем над четырьмя прочими, эти законы, которые за одно преступление карают всю семью или целый квартал, эти законы, для которых нет невинных там, где, может быть, имеется один виноватый, — эти законы созданы для того, чтобы люди не доверяли друг другу, чтобы каждый следил за поведением другого и был для него сыщиком, свидетелем и судьей. Индийский народ, напротив, кроток, нежен и сострадателен, поэтому его законодатели выказали к нему большое доверие. Они установили немного наказаний и притом не очень строгих и не со всей строгостью применяемых. Они поручили племянников дядям и сирот — опекунам, как у других поручают детей их отцам; они основали право наследования на признании наследника достойным. Кажется, что они думали, что каждый гражданин должен полагаться на природные добрые качества прочих граждан.

Они охотно отпускают на волю своих рабов, они женят их, они обращаются с ними, как со своими детьми. Счастливый климат, который порождает чистые нравы и производит кроткие законы!

Книга пятнадцатая. Об отношении законов гражданского рабства к природе климата

Глава I. О гражданском рабстве

Рабство, собственно говоря, есть установление права, дающего такую власть одному человеку над другим, что первый становится безусловным господином над имуществом и жизнью последнего. Оно дурно по самой своей природе; от него нет пользы ни рабу, ни господину: первому — потому, что он ничего не может делать по внушению добродетели, второму — потому, что он усваивает всевозможные дурные привычки, незаметно привыкает пренебрегать всеми нравственными добродетелями, становится гордым, нетерпеливым, суровым, гневным, сладострастным, жестоким.

В деспотических странах, где уже существует политическое рабство, гражданское рабство более сносно. Там каждый доволен уже тем, что может жить и питаться, поэтому положение раба там не тягостнее, чем положение подданного.

Но в монархическом правлении, когда безусловно необходимо воздерживаться от подавления и унижения природы человека, не должно быть рабов. В демократии, где все люди равны, и в аристократии, где законы должны употреблять все усилия, чтобы сделать их равными, насколько допускает природа этого правления, рабство противно устройству государства и служит только для того, чтобы доставлять гражданам могущество и роскошь, которыми они отнюдь не должны пользоваться.

Глава II. Происхождение рабства по мнению римских юристов

Трудно поверить, что рабство обязано своим происхождением чувству сострадания и что оно было установлено по следующим трем причинам. Международное право сделало пленников рабами для того, чтобы их перестали убивать. Римское гражданское право дозволило должникам продавать себя в рабство во избежание жестокого обращения с ними их кредиторов. Естественное право признало справедливым, чтобы дети раба, которых отец не в состоянии прокормить, были такими же рабами, как и он сам.

Эти доводы юристов несколько не убедительны. 1) Неверно утверждение, что на войне дозволяется убивать только в случаях крайней необходимости; раз человек сделал другого своим рабом, нельзя уже сказать, что он был поставлен в необходимость убить его, так как ведь он его и не убил. Единственное право, которое война может дать в отношении пленников, — это право поставить их в такое положение, чтобы они не имели возможности вредить. Убийства, хладнокровно совершаемые солдатами не в пылу сражения, отвергаются всеми народами мира.

2) Неправда, будто свободный человек может себя продать. Продажа предполагает уплату, но так как купленный раб вместе со всем своим имуществом становится собственностью своего господина, то выходит, что господин ничего не дает, а раб ничего не получает. Скажут: рабу дозволяется иметь благоприобретенное имущество; однако он не может ни продать это имущество, ни передать его по наследству. Если недозволительно убивать себя, потому что самоубийца отнимает себя у отечества, то столь же недозволительно и продавать себя. Свобода

каждого гражданина есть часть общей свободы, а в народном государстве — даже часть верховной власти. Продавать свое гражданство — это такая нелепость, на которую не решится ни один человек. Если свобода имеет ценность для того, кто ее покупает, то она бесценна для того, кто ее продает. Гражданский закон, дозволивший людям произвести раздел имущества, не мог включить в разряд имущества и часть тех самых людей, которые должны были производить этот раздел. Гражданский закон, лишаящий силы договоры, которые заключают в себе какой-нибудь ущерб лицу, не может не лишити силы соглашение, заключающее в себе самый чудовищный из всех ущербов.

Третья причина касается рождения. Она исчезает вместе с двумя предыдущими, ибо если человек не имел права продать самого себя, то тем менее был он вправе продать своего еще не рожденного сына. Если нельзя обращать в рабство военнопленного, то еще менее допустимо обращать в рабство его детей.

Смертная казнь преступника имеет свое оправдание в том, что закон, который его карает, был создан для его же пользы. Например, убийца пользовался защитой осудившего его закона, последний ежеминутно охранял его жизнь, и потому он не может протестовать против него. Но другое дело раб: закон рабства никогда не мог быть ему полезен, во всех случаях этот закон был против него и никогда не был за него, что противно основному принципу всех обществ.

Скажут, что закон рабства мог быть полезен рабу тем, что господин давал ему пропитание. В таком случае рабство следовало бы ограничить лицами, неспособными добывать себе средства к жизни. Но таких рабов никто не желает иметь. Что же касается детей, то природа, давшая матери молоко, обеспечила этим пропитание младенцу; вся же остальная часть их детства так близка к тому возрасту, в котором они способны приносить наибольшую пользу, что нельзя сказать, будто человек, который кормил детей для того, чтобы стать их господином, дал им что-нибудь.

Наконец, рабство столь же противно гражданскому праву, как и естественному праву. Какой закон мог бы удержать от бегства раба, который стоит вне общества и на которого поэтому не распространяются

никакие гражданские законы? Он может быть удержан только по семейственному праву, т. е. по закону его господина.

Глава III. Другой источник происхождения рабства

С не меньшим правом я мог бы сказать, что право рабства проистекает из презрения, которое один народ питает к другому вследствие разницы в их обычаях.

Лопец де Гомара говорит, что «испанцы нашли близ порта св. Марфы корзины, наполненные съестными припасами жителей; там были морские раки, улитки, стрекозы и саранча. Победители вменили это побежденным в преступление». Автор признает, что существование такого обычая, а также то, что американцы курили табак и не подстригали бороду на испанский манер, было сочтено достаточным юридическим основанием для того, чтобы испанцы обращали в рабство американцев.

Знание смягчает людей; разум ведет их к человечности, и одни только предрассудки удаляют их от всего этого.

Глава IV. Еще один источник происхождения рабства

С не меньшим правом я мог бы сказать, что религия дает тем, кто ее исповедует, право обращать в рабство тех, кто ее не исповедует, для того чтобы ее легче было распространять.

В этом-то мнении разрушители Америки и находили поддержку своим преступлениям. На этой-то мысли они и основали право, в силу которого обратили в рабство столько народов; ибо эти разбойники, которые непременно хотели быть одновременно и разбойниками, и христианами, были очень религиозны.

Людовик XIII долго не решался на издание закона, обращавшего в рабство негров его колоний; но, когда его убедили, что это самое верное средство обратить их в истинную веру, он согласился.

Глава V. О рабстве негров

Если бы мне пришлось защищать право, в силу которого мы сделали негров рабами, то я сказал бы следующее.

Народы Европы, истребив народы Америки, были вынуждены обращать в рабство народы Африки, чтобы заставить их расчищать обширные земли Америки. Сахар был бы слишком дорог, если бы растение, из которого он получается, не возделывалось рабами.

Люди, о которых идет речь, черны от головы до пят, и нос у них до такой степени приплюснут, что жалеть их почти невозможно.

Нельзя себе, представить, чтобы бог — существо очень мудрое — вложил душу, и при том хорошую, в совсем черное тело.

Мысль, что сущность человека заключается в цвете его кожи, так естественна, что народы Азии, кастрирующие чернокожих с целью пополнить число своих евнухов, прибегают тем самым к наиболее наглядному средству, чтобы лишить негров сходства с нами,

О важности цвета кожи можно судить по цвету волос, которому египтяне — лучшие философы в мире — придавали такое огромное значение, что предавали смерти всех рыжеволосых, которые попадались им в руки.

Что негры лишены здравого смысла, доказывается тем, что они предпочитают ожерелья из стеклышек золоту, которое в таком великом почете у народов просвещенных.

Невозможно допустить, чтобы эти существа были людьми, потому что если бы мы их причислили к людям, то пришлось бы усомниться в том, принадлежим ли мы сами к числу христиан.

Недальновидные умы слишком преувеличивают несправедливость, причиняемую африканцам; ведь если бы она была действительно так велика, то неужели ни одному из государей Европы, которые заключают между собою столько бесполезных соглашений, не пришло бы в голову заключить одно общее соглашение во имя милосердия и сострадания?

Глава VI. Истинный источник происхождения рабства

Но пора обратиться к разысканию истинного источника рабства. Оно должно быть основано на природе вещей; посмотрим, не найдутся ли обстоятельства, объясняющие его происхождение.

Во всех деспотических государствах люди продают себя с большой легкостью: политическое рабство в известном смысле уничтожило гражданскую свободу. Перри говорит, что москвиты очень легко продают себя. И я знаю почему: потому, что их свобода ничего не стоит.

В Ассаме все стараются продать себя. Некоторые из главных сановников имеют не менее тысячи рабов, которые состоят из главных торговцев, имеющих под собой также немало рабов, в свою очередь тоже владеющих рабами. Их передают по наследству и заставляют торговать. В этих государствах свободные люди, слишком бессильные перед правительством, домогаются стать рабами тех, кто имеет тираническую власть над правительством.

Вот истинная и разумная причина происхождения существующего в некоторых странах умеренного рабства, которое и должно быть умеренным, потому что оно основано на свободном выборе, который делает человек, ради собственной пользы отыскивающий себе господина, и является, таким образом, следствием взаимного соглашения обеих сторон.

Глава VII. Другой источник происхождения рабства

Вот другой источник происхождения рабства, причем именно того жестокого рабства, которое мы видим у людей.

Есть страны, жаркий климат которых настолько истощает тело и до того обессиливает дух, что люди исполняют там всякую трудную обязанность только из страха наказания. В таких странах рабство менее противно разуму; и так как там господин столь же малодушен по отношению к своему государю, как его раб по отношению к нему самому, то гражданское рабство сопровождается в этих странах политическим рабством.

Аристотель хочет доказать, что есть рабы от природы, но то, что он говорит, совершенно не убедительно. Я думаю, что если такие рабы и существуют, то это именно те, о которых я сейчас говорил. Но так как все люди рождаются равными, то следует сказать, что рабство противно природе, хотя в некоторых странах оно имеет естественные причины; при этом отнюдь не следует забывать различия, существующего между этими странами и теми, где сами естественные причины противодействуют рабству, каковы страны Европы, где оно было так счастливо уничтожено.

Плутарх в своем жизнеописании Нумы говорит нам, что в век Сатурна не было ни господ, ни рабов. В наших климатах этот век водворен христианством.

Глава VIII. Бесплезность рабства у нас

Итак, область естественного рабства должна быть ограничена лишь некоторыми отдельными странами земного шара. Что же касается всех прочих стран, то, как бы ни были тяжелы работы, которые там требуются обществом, мне кажется, что все они могут быть выполнены свободными людьми.

Думаю я это потому, что в то время, когда гражданское рабство не было еще отменено в Европе христианством, там смотрели на работу в рудниках, как па труд, до такой степени тяжелый, что выполнять его возможно только силами рабов или преступников; между тем как теперь мы знаем, что люди, занимающиеся им, живут счастливо. Их профессию поощряли небольшими привилегиями, увеличенный труд соединили с повышенным вознаграждением; в результате они полюбили свое положение более всякого другого из доступных им.

Нет такого тяжелого труда, который нельзя было бы привести в соответствие с силами тех, кто его выполняет, если только этим трудом управляет разум человека, а не его жадность. Машины, которые изобретает и применяет искусство человека, могут заменить усиленный труд, выполняемый в других местах рабами. Турецкие рудники в Темешварском Банате были богаче рудников Венгрии, а производили

меньше, потому что турки не знали иных орудий производства, кроме рук рабов.

Не знаю, ум или сердце диктует мне этот последний абзац. Нет, вероятно, такого климата на земле, где труд не мог бы быть свободным. Так как законы были дурны, люди оказались ленивыми, а так как они были ленивы, их обратили в рабство.

Глава IX. О народах, у которых установлена гражданская свобода

Постоянно приходится слышать, что было бы хорошо, если бы у нас были рабы. Чтобы основательно обсудить это, не надо исследовать, будут ли рабы полезны для имеющейся в каждой нации небольшой группы богачей, наслаждающихся всеми благами жизни; для нее-то они, без сомнения, будут полезны. Но если встать на иную точку зрения, то я не думаю, чтобы кто-нибудь из этой части общества согласился прибегнуть к жребию для решения вопроса, кто должен принадлежать к свободной части общества, а кто — к числу рабов. Те, кто более всего толкует о пользе рабства, со страхом отшатнулись бы от него; оно привело бы в ужас даже самых несчастных и обездоленных людей. Поэтому крик в пользу рабства есть крик роскоши и сладострастия, а не голос любви и общего блага. Кто сомневается, что каждый отдельный человек очень охотно стал бы господином имущества, чести и жизни других людей, что при одноймысли об этом пробуждаются все его страсти? Но чтобы установить в делах этого рода, законны ли желания каждого, необходимо рассмотреть желания всех.

Глава X Различные роды рабства

Есть два рода рабства: реальное и личное. Реальное — то, которое прикрепляет раба к земле поместья. Таковые были рабы германцев, по словам Тацита. Они не служили в доме господина; они давали ему известное количество зерна, скота или тканей; этим и ограничивались их повинности. Рабство этого рода существует еще в Венгрии, в Богемии и

во многих областях Нижней Германий — Личное рабство связано с домашним хозяйством и имеет большее отношение к личности господина.

Рабство становится величайшим злоупотреблением, если оно является одновременно и реальным, и личным. Таково было у македонян рабство илотов; они исполняли все работы вне дома и терпели всевозможные оскорбления внутри дома. Это илотство противно природе вещей. У народов с простыми нравами есть только реальное рабство, потому что домашние работы там исполняют женщины и дети. У народов, преданных роскоши, есть личное рабство, потому что роскошь нуждается в домашней службе рабов. Илотство же представляет собой соединение рабства, существующего у народов, преданных роскоши, с рабством, существующим у народов с простыми нравами.

Глава XI. Что должны делать законы по отношению к рабству

Но какого бы рода ни было рабство, законы должны стараться очистить его, с одной стороны, от злоупотреблений, а с другой — от связанных с ним опасностей.

Глава XII. Злоупотребления рабством

В магометанских государствах господин имеет власть не только над жизнью и имуществом рабынь, но и над тем, что называют их добродетелью и их честью. Одно из несчастий этих стран составляет то, что большая часть народа существует лишь для того, чтобы служить прихотям остальной части. В вознаграждение подобным рабам предоставляют наслаждаться ленью, что составляет новое несчастье для государства.

Эта-то лень и обращает серали Востока в приюты наслаждений даже для тех, против кого они созданы. Люди, которые более всего боятся труда, могут обрести счастье в этих спокойных пристанищах. Но мы видим, что всем этим нарушается самый смысл учреждения рабства.

Разум требует, чтобы власть господина не простиралась далее требования необходимых для него услуг; рабство должно служить пользе, а не сладострастию. Законы целомудрия принадлежат к естественному праву и должны соблюдаться всеми народами мира.

Если закон, охраняющий целомудрие рабов, полезен и для таких государств, где все служит прихотям неограниченной власти, то насколько же он необходим для монархии? Насколько он необходим для республиканских государств?

У лангобардов был закон, который хорош для всякого правления. «Если господин развратит жену своего раба, то и этот раб, и жена его получают свободу». Вот превосходное средство предупредить и обуздать без большой суровости распутство господ.

Я не вижу, чтобы у римлян были хорошие постановления по этому предмету. Они освободили от всякой узды невоздержанность господ и даже до известной степени лишили их рабов права на брак. Рабы составляли там самую презренную часть народа; но как бы их ни презирали, все же было бы хорошо, чтобы они имели добрые нравы; кроме того, запрещение браков среди рабов вносило разврат в браки граждан.

Глава XIII. Опасность от большого количества рабов

Большое количество рабов приводит к различным последствиям при различных правлениях. Для деспотического правления оно не составляет затруднений: из-за политического рабства, установленного при этом государственном строе, гражданское рабство ощущается слабо. Те, кого там называют свободными людьми, не более свободны, чем те, кто не имеет этого почетного наименования; и так как эти последние в качестве евнухов, вольноотпущенников или рабов держат в руках почти все дела, то разница между состоянием свободного человека и раба очень невелика. Поэтому вопрос о том, много или мало людей является там рабами, почти безразличен для этого государства.

Но для государств с умеренным правлением очень важно не иметь у себя слишком большого количества рабов. Политическая свобода придает там большую ценность гражданской свободе, а кто лишается последней, тот утрачивает и первую. Он видит счастливое общество, к которому он сам не принадлежит; он видит закон, охраняющий всех, но не его; он чувствует, что у его господина есть душа, которая может возвышаться, между тем как его душа принуждена постоянно принижаться. Ничто так не приближает человека к животным, как то положение, при котором он всегда видит свободных людей, а сам остается рабом. Такие люди — естественные враги общества, и большое количество их для него опасно,

Не надо поэтому удивляться тому, что государства с умеренным правлением так часто видели восстания рабов, между тем как в деспотических государствах эти восстания происходили очень редко.

Глава XIV. О предоставлении рабам права ношения оружия

Вооружать рабов менее опасно в монархии, чем в республике. В монархии воинственный народ и знать могут сдерживать вооруженных рабов. Но мирные граждане республики не будут в состоянии обуздать людей, которые с оружием в руках окажутся равными гражданам.

Готы, овладев Испанией, рассеялись по покоренной стране и вскоре почувствовали себя очень слабыми. Они сделали три важных распоряжения: отменили древний обычай, запрещавший им браки с римлянами; постановили, чтобы все вольноотпущенники государства ходили на войну под страхом быть вновь обращенными в рабство; повелели, чтобы каждый гот приводил с собою на войну и вооружал десятую часть своих рабов. Это количество было незначительно по сравнению с количеством тех, которые оставались. При том рабы, выступавшие на войну во главе со своим господином, не составляли отдельного отряда; они вливались в армию и в то же время

Глава XV. Продолжение той же темы

Если вся нация воинственна, то вооруженные рабы еще менее опасны для нее. По закону аллеманов раб, который похищал доверенную ему вещь, подлежал одинаковому наказанию с человеком свободным; но

если он похищал ее силой, то был обязан только возвратить похищенное. У аллеманов действия, отличавшиеся мужеством и силой, не считались преступными. Они пользовались своими рабами для ведения войн. В большей части республик всегда старались подавить мужество рабов; народ аллеманов, уверенный в себе, стремился увеличить отагу своих рабов. Всегда вооруженный, он не боялся их; он видел в них орудие, служившее для его разбоев или для его славы.

Глава XVI. Предосторожности, которые должны быть приняты в умеренном правлении

В государствах с умеренным образом правления опасность от большого количества рабов может быть предупреждена гуманным обращением с ними. Люди привыкают ко всему, даже к рабству, если только господин не более жесток, чем самое рабство. Афиняне обращались со своими рабами очень кротко — и рабы, поколебавшие государство лакедемонян, не возмущали покоя афинской республики.

Римляне первоначально также не испытывали затруднений от своих рабов. И только когда они утратили к ним все человеческие чувства, начались те гражданские войны, которые сравнивали с пуническими.

Народы с простыми нравами, которые сами работают, обыкновенно относятся к своим рабам более мягко, чем те народы, которые перестали работать. Первые римляне жили, работали и ели вместе со своими рабами. Они обращались с рабами весьма кротко и справедливо. Самое большое наказание, которому они подвергали раба, состояло в том, чтобы заставить его пройти перед соседями с ярмом на шее. Верность рабов достаточно поддерживалась обычаями, и в законах не было надобности.

Но когда могущество римлян возросло и рабы стали уж — для них не сотрудниками, а орудиями их роскоши и тщеславия, то нравы пришли в упадок и явилась надобность в законах. Необходимы были очень жестокие законы для того, чтобы охранять этих свирепых господ, которые жили среди своих рабов, как во вражеском окружении.

И вот появился сенатусконсулт Силлания и другие законы, которыми было определено, чтобы в случае убийства господина все без

различия рабы, находившиеся с ним под одной крышей или на расстоянии слышимости человеческого голоса от его дома, наказывались смертью. Те, кто в таком случае укрывал раба, чтобы спасти его, наказывались, как убийцы. Виновен был и тот раб, который убил своего господина по его же приказанию, и тот, кто не помешал господину убить себя. Если господин был убит в пути, то предавали смерти и тех рабов, которые остались при нем, и тех, которые от него убежали. Все эти законы применялись даже к людям, невиновность которых была доказана. Они имели целью внушить рабу благоговейный ужас перед своим господином. Они были порождены не гражданским правлением, а пороком или несовершенством гражданского правления. В них не было и следа духа справедливости, присущего гражданским законам, потому что их принципы были противоположны принципам гражданских законов. Принцип, на котором они были основаны, был, собственно, принципом войны, но войны против неприятеля, находившегося в самых недрах государства. Се-натусконсулт Силлания вытекал из международного права, требующего, чтобы даже несовершенное общество охраняло себя.

Несчастье для государства, когда его правители оказываются вынужденными прибегать к таким жестоким законам. Когда людей ставят в такие условия, что им становится трудно повиноваться, то поневоле приходится усиливать наказания за неповиновение и сомневаться в их верности. Но благоразумный законодатель старается избежать тягостной необходимости превратиться в законодателя жестокого. Римские законы не могли иметь доверия к рабам именно потому, что рабы не могли иметь доверия к законам.

Глава XVII. О законах, которые должны определять отношения между господином и рабами

Должностные лица обязаны наблюдать, чтобы раба не лишали пищи и одежды; это должно быть установлено законом.

Законы должны следить за тем, чтобы больные и престарелые рабы пользовались уходом. Клавдий повелел, чтобы рабы, которых господин покинул на произвол судьбы во время их болезни, получали но выздоровлении свободу- Этот закон обеспечивал им свободу, но следовало бы обеспечить им и жизнь.

Господин, которому закон предоставляет право лишать жизни своего раба, должен пользоваться этим правом как судья, а не как господин раба; поэтому закон должен предписать известные формальности, которыми устранялась бы возможность простого насилия.

Когда в Риме было запрещено отцам умерщвлять своих детей, то судьи стали налагать те наказания, которым желали подвергнуть своих сыновей отцы. Этот обычай было бы хорошо ввести по отношению к рабам в странах, где господа имеют над ними право жизни и смерти.

Закон Моисея был очень суров. «Господин, наносящий своему рабу побои, будет наказан, если раб умрет под его рукою; но если он проживет после этих побоев день или два, то господин не подлежит наказанию, так как раб — его деньги». Что за удивительный народ, у которого гражданский закон до такой степени расходился с естественным законом!

По одному закону греков рабы, подвергавшиеся слишком суровому обращению со стороны своих господ, могли требовать, чтобы их продали другому лицу. В последние времена Рима там тоже существовал подобный закон, требовавший, чтобы господин, озлобленный на своего раба, и раб, озлобленный на своего господина, были разделены.

Необходимо, чтобы раб, обиженный не своим господином, мог жаловаться судье. Законы Платона и законы большинства народов лишили рабов естественных способов защиты, поэтому надо было предоставить им гражданскую защиту.

В Лакедемоне рабы были совершенно беззащитны против всякого рода обид и несправедливостей. Положение их было особенно тяжелым потому, что каждый из них был не только рабом того или иного гражданина, но и рабом всего общества; они принадлежали всем и одному. У римлян вред, причиненный рабу, оценивался лишь с точки зрения интересов его господина. Закон Аквиллия не делал различия между ранением животного и ранением раба; в обоих случаях имелось в виду лишь уменьшение их цены. В Афинах наказывали строго, иногда даже смертью, за жестокое обращение с чужим рабом, Афинский закон не захотел добавить к утрате свободы утрату безопасности.

Глава XVIII. Об освобождении рабов

Очевидно, что, чем больше у республики рабов, тем большее количество их она должна освобождать от рабства. Зло тут в том, что если рабов слишком много, то их трудно удерживать в повиновении; если же становится слишком много вольноотпущенных, то они за невозможностью прокормить себя становятся бременем для республики, не говоря уже о том, что для республики в равной мере может оказаться опасным и слишком большое количество вольноотпущенных, и слишком большое количество рабов. Итак, законы не должны упускать из виду оба эти неудобства.

Различные законы и постановления сената, изданные в Риме за и против рабов, то с целью затруднить, то с целью облегчить их освобождение, ясно показывают, как трудно было прийти к определенному решению по этому поводу. Были даже времена, когда совсем не решались издавать законов.

Когда при Нероне в сенате было предложено дозволить патронам вновь обращать в рабство неблагодарных вольноотпущенников, император написал, чтобы не выносили никаких общих постановлений по этому предмету, но каждый частный случай обсуждали в отдельности.

Трудно сказать, какие меры должна была бы принять в этом отношении благоустроенная республика; все это слишком зависит от обстоятельств. Но вот несколько соображений.

Не следует производить сразу и в силу одного общего закона большого количества освобождений. Известно, что у Вальсиниев вольноотпущенники, получив возможность влиять на исход голосования, провели чудовищный закон, который давал им право проводить первую ночь с женщинами, выходящими замуж за свободнорожденных.

Есть разные способы незаметно вводить в республику новых граждан. Законы могут поощрять личную собственность рабов и этим дать им возможность выкупать свою свободу; они могут определить известный срок рабству, подобно законам Моисея, которые ограничи

рабство у евреев шестью годами. Хорошо также ежегодно отпускать на волю некоторое количество рабов из числа тех, которые по своему возрасту, состоянию здоровья и трудолюбию будут в состоянии добывать себе средства к жизни. Можно даже врачевать зло в самом его корне: так как количество рабов связано с количеством различных занятий, составляющих их обязанность, то можно уменьшить их число, перенося с рабов на свободнорожденных некоторую часть этих занятий, например торговлю или мореплавание.

Если вольноотпущенных много, то все их обязанности по отношению к их патронам должны быть или определены законом, или обозначены в самом договоре об их освобождении.

Понятно, что положение их должно быть более благоприятным в гражданском отношении, чем в политическом, так как даже при народном правлении власть не должна переходить в руки низшего слоя населения.

В Риме, где было очень много вольноотпущенников, существовали по этому предмету превосходные законы. Вольноотпущенникам дали немного, но и ни в чем не отказали. Они принимали некоторое участие в законодательстве, но не имели почти никакого влияния на решения законодательных собраний. Их допускали к должностям, не исключая и жреческих, но они не могли пользоваться этой привилегией вследствие своего бессилия при выборах. Им был открыт доступ к военной службе, но для того, чтобы стать солдатом, требовался известный ценз. Ничто не мешало вольноотпущенным вступать посредством браков в родство с семьями свободнорожденных, но им запрещалось вступать в такое родство с семьями сенаторов. Наконец, дети вольноотпущенного признавались свободнорожденными, хотя бы сам он и не был таковым.

Глава XIX. О вольноотпущенных и о евнухах

Итак, при правлении многих часто бывает полезно, чтобы положение вольноотпущенных было лишь немногим ниже положения свободнорожденных и так поставлено законом, чтобы они не питали отвращения к своему состоянию. Но при правлении одного, где царят роскошь и произвол, ничего этого уже не требуется. Там

вольноотпущенники почти всегда стоят выше свободных людей: они господствуют при дворе государя и в дворцах вельмож; и так как они стараются угождать не добродетелям своего господина, а его слабостям, то и заставляют его царствовать не посредством его добродетелей, а посредством его слабостей. Таковы были в Риме вольноотпущенники во времена императоров.

Что же касается евнухов, занимающих высшее положение среди рабов, то какие бы привилегии им ни предоставлялись, их все же нельзя ставить на одну доску с вольноотпущенниками. Не имея возможности иметь собственную семью, они по самой природе вещей должны быть включены в чужую семью и потому только посредством своего рода фикции могут считаться гражданами. И тем не менее существуют страны, где им открыт доступ ко всем должностям. Дампьер говорит, что «в Тонкине все мандарины, гражданские и военные, — евнухи, У них нет семьи, и хотя они по самой своей природе люди скупые и жадные, но самая жадность их в конечном счете идет на пользу их господину или государю».

Тот же Дампьер рассказывает, что в этих странах евнухи не могут обойтись без женщин и что они женятся. Закон, позволяющий им жениться, не может иметь другого основания, кроме уважения, которым там пользуются подобные люди, с одной стороны, и презрения, которое там питают к женщинам, — с другой.

Итак, этим людям поручаются различные должности, потому что у них нет семьи, а с другой стороны, им дозволяется жениться, потому что у них есть должности.

И вот тогда-то те страсти, которые у них остались, упорно стремятся возместить те, которые ими утрачены, и предприятия, внушенные отчаянием, доставляют им своеобразное наслаждение. Так, у Мильтона, дух, у которого ничего не осталось; кроме желаний, проникнутый сознанием всей глубины своего унижения, стремится обратить в силу даже самое свое бессилие. В истории Китая мы находим множество законов, воспрещающих евнухам все гражданские и военные должности, но они все-таки достаются им. Создается впечатление, что на Востоке евнухи являются необходимым злом.

Книга шестнадцатая. Об отношении к климату законов, регулирующих домашнее рабство

Глава I. О домашнем рабстве

Рабы не столько входят в состав семьи, сколько предназначены для семьи. Поэтому я отличаю рабство в собственном смысле от того положения, в котором находятся женщины в некоторых странах и которое я буду называть домашним рабством.

Глава II. О естественном неравенстве полов в южных странах

В жарких климатах женщины достигают половой зрелости в возрасте восьми, девяти или десяти лет, поэтому детство и брак там почти всегда идут рядом. В 20 лет они уже старухи; таким образом, расцвет разума у них никогда не совпадает с расцветом красоты. Когда они могли бы властвовать благодаря своей красоте, это оказывается невозможным из-за отсутствия разума; когда же они могли бы властвовать благодаря разуму — красоты уже нет. И так как разум не может им доставить под старость ту власть, которой не дала им во время их юности даже красота, то женщины неизбежно должны находиться в зависимом положении. Поэтому нет ничего необычайного в том, что там мужчина покидает свою прежнюю жену, — поскольку религия не противится этому, — чтобы взять новую, и водворяется многоженство.

В странах с умеренным климатом, где красота женщин сохраняется дольше, где половая зрелость наступает позднее и где женщины рожают в более зрелом возрасте, они старятся почти одновременно со своими мужьями, и так как во время вступления в брак у них больше разума и знаний уже по одному тому, что они старше, то, естественно, должно было установиться некоторое равенство между обоими полами, а следовательно, и закон единоженства.

В странах с холодным климатом почти необходимое употребление крепких напитков развивает в мужчинах несдержанность, и женщины, которые в этом отношении от природы сдержанны, потому что им всегда

приходится защищаться, превосходят их, таким образом, и в отношении разума.

Природа, наделившая мужчин силой и разумом, не положила никакого другого предела их власти, кроме самой этой силы и этого разума. Женщине она даровала очарование красоты и определила, чтобы вместе с ним оканчивалось и влияние женщины; но в жарких странах красота встречается только в начале, а не в продолжение всей жизни женщины.

Итак, закон, позволяющий мужу иметь только одну жену, более подходит к физическим свойствам европейского климата, чем азиатского. Это одна из причин, почему магометанство так легко установилось в Азии и с таким трудом распространялось в Европе, почему христианство удержалось в Европе и было уничтожено в Азии, и почему, наконец, в Китае так преуспевают магометане и так мало успеха имеют христиане. Человеческие соображения всегда подчиняются той высшей причине, которая делает все, что хочет, и пользуется всем, что ей нужно.

По некоторым особым причинам Валентиниан дозволил многоженство в империи. Этот закон, противный нашим природным условиям, был отменен Феодосием, Аркадием и Гонорием.

Глава III. О том, что многоженство в значительной степени зависит от стоимости содержания жен

Хотя в странах, где установлено многоженство, количество жен в значительной степени зависит от богатства их мужа, однако нельзя сказать, чтобы причиной установления и государстве полигамии было богатство: к тому же последствию может привести и бедность, как я это покажу, говоря о дикарях.

Полигамия — не столько роскошь, сколько один из поводов для проявления большой роскоши у богатых наций. В жарких климатах у людей меньше потребностей, и потому требуется меньше средств на содержание жены и детей. Следовательно, там можно иметь и большее количество жен.

Глава IV. О многоженстве и его различных причинах

По произведенным в разных местах Европы подсчетам, там рождается больше мальчиков, чем девочек; а в описаниях Азии и Африки сообщается, что там, наоборот, рождается больше девочек, чем мальчиков. Законы единоженства в Европе и многоженства в Азии и в Африке имеют, следовательно, некоторое отношение к климату.

В холодных климатах Азии, как и в Европе, рождается больше мальчиков, чем девочек. В этом, по словам лам, заключается причина, почему у них закон позволяет женщине иметь несколько мужей.

Но я не думаю, чтобы было много стран, где эта неравномерность настолько значительна, что появляется надобность и законов, устанавливающих многоженство или многомужие. Все это значит только, что в некоторых странах численное преобладание женщин или даже мужчин более или менее отклоняется от естественной пропорции, существующей в других странах.

Признаюсь, что если бы то, что нам сообщают о Бантаме, а именно, что там на одного мужчину приходится десять женщин, было верно, то это был бы особо характерный случай полигамии.

Я говорю все это не для того, чтобы оправдывать обычаи, но для того, чтобы объяснить их.

Глава V. Причина одного закона на Малабаре

На Малабарском побережье в касте найров мужчина может иметь только одну жену, а женщина, напротив, может иметь несколько мужей. Я думаю, что возможно обнаружить причину этого обычая. Найры — это каста знати, а у всех этих народов знатные являются воинами. В Европе солдатам препятствуют жениться. На Малабаре, где климат требует смягчения этого правила, ограничились тем, что по мере возможности облегчили для них затруднения, связанные с браком, и дали нескольким мужчинам по одной женщине, чтобы ослабить в них привязанность к семье, облегчить им хозяйственные заботы и сохранить в полной силе их боевой дух.

Глава VI. О многоженстве как таковом

Многоженство, рассматриваемое вообще, независимо от обстоятельств, в силу которых оно может быть до некоторой степени терпимо, не приносит никакой пользы ни человеческому роду, ни обоим полам, — ни тому, который злоупотребляет, ни тому, которым злоупотребляют. Не приносит оно пользы и детям; одно из главных его неудобств состоит в том, что при нем отец и мать не могут питать одинаковой привязанности к детям; отец не может любить двадцать человек детей так, как мать любит двух. Но еще хуже, когда у женщины несколько мужей, так как в таком случае отцовская любовь держится лишь на том мнении, что отец, если пожелает, может поверить, что некоторые дети принадлежат ему, или что другие могут этому поверить. Говорят, у марокканского государя в серале есть женщины белые, черные и желтые. Несчастный! Едва ли он нуждается и в одном-то цвете. Обладание многими женами не исключает вожделения к чужой жене. Сладострастие подобно скупости: его жажда распаляется по мере приобретения сокровищ.

В правление Юстиниана некоторые философы, стесненные христианством, удалились в Персию к Хосрою. Агафий говорит, что там их всего более поразило то, что полигамия была дозволена людям, которые не воздерживались даже от прелюбодеяния.

Многоженство — кто бы мог это подумать! — ведет даже к той любви, которая отвергается природой: так одно распутство всегда влечет за собой другое. Говорят, что во время волнений в Константинополе, происшедших при свержении султана Ахмеда, народ, разграбивший дом кияи (министра двора), не нашел в нем ни одной женщины. Говорят, что в Алжире дело дошло до того, что в большинстве сералей совсем нет женщин.

Глава VII. О равном положении всех жен при многоженстве

Из закона о многоженстве вытекает требование равенства между женами. Магомет, который позволяет иметь четырех жен, требует, чтобы

они были равны во всем: в пище, в одежде, в отношении супружеских обязанностей. Такой же закон установлен у малдивов, где можно жениться на трех женщинах. Закон Моисея даже предписывает, чтобы сын, которому отец дал в жены рабу и который впоследствии женился на свободной женщине, не отнимал у своей первой жены ничего из ее одежды, пищи и обязанностей. Новой супруге можно было дать больше, но прежняя не должна была получать меньше прежнего.

Глава VIII. Об изоляции женщин от мужчин

Одно из последствий многоженства заключается в том, что у народов сладострастных и богатых некоторые мужчины имеют очень большое количество жен. Естественные результаты этой многочисленности — изоляция женщин от мужчин и их затворничество. Этого требует домашний порядок: несостоятельный должник старается укрыться от преследования своих кредиторов. Есть такие климаты, при которых правила нравственности почти совершенно бессильны перед физическими потребностями. Оставьте мужчину наедине с женщиной — и всякий соблазн приведет к падению, всякое наступление будет победоносно, а сопротивление — ничтожно. В этих странах вместо моральных правил нужны замки.

Одна классическая книга Китая видит чудо добродетели в поведении человека, который, оставшись в отдаленной комнате наедине с женщиной, не изнасилует этой женщины.

Глава IX. Связь домашнего управления с политическим

Республика ставит гражданина в условия жизни умеренной, тихой, ровной и ограниченной; там на всем лежит печать общественной свободы. Власть над женщинами не могла бы там проявиться с достаточной силой; и когда эта власть была обусловлена климатом, наиболее подходящим для нее образом правления оказалось правление одного. Вот одна из причин, почему на Востоке всегда было трудно установить народное правление. Наоборот, рабство женщин вполне сообразно с духом деспотического правления, которое охотно злоупотребляет всем, потому-то в Азии деспотическое правление всегда сопровождалось домашним рабством.

В государстве, где прежде всего требуют спокойствия и где доведенную до крайности покорность называют миром, надо держать женщин взаперти, потому что их интриги могли бы иметь роковые последствия для их мужей. Правительство, у которого нет времени входить в рассмотрение поведения подданных, относится к ним с подозрением уже по одному тому, что их поведение бросается всем в глаза и они дают о себе знать.

Предположим на мгновение, что легкомыслие и нескромность, симпатии и антипатии наших женщин, их страсти и пристрастия были бы перенесены в одно из государств Востока со всей стремительностью и свободой, с которыми они проявляются у нас. Какой отец семейства мог бы иметь хоть минуту спокойствия? Везде подозрительные люди, повсюду враги; государство было бы потрясено, и полились бы потоки крови.

Глава X Принцип нравственности Востока

Чем более расстраивается единство семьи при многоженстве, тем более должны законы привлекать к центру отделившиеся части; чем больше различия в интересах, тем важнее, чтобы закон приводил это разнообразие к единству. Эта цель достигается преимущественно посредством затворничества. Женщины должны быть отделены от мужчин не только стенами дома, но и внутри этих стен, так, чтобы они составляли как бы отдельную семью в семье. Из этого положения вытекают все обязательные для них правила нравственности: стыдливость, целомудрие, сдержанность, молчаливость, кротость, послушание, почтительность, любовь и, наконец, общее направление чувств к тому, что по природе своей лучше всего в мире, а именно — к привязанности к семье.

Женщинам, естественно, предстоит выполнять столько свойственных им обязанностей, что необходимо обратить усиленное внимание на то, чтобы отдалить их от всего, что могло бы внушить им иные мысли, т. е. от всего, что называют развлечениями, и от всего, что называют делами.

В различных государствах Востока чистота нравов находится в прямой зависимости от строгости затвора женщин. В больших государствах есть, конечно, и крупные вельможи, и, чем они богаче, тем большую они имеют возможность держать своих жен в строжайшем заключении и тем с большим успехом могут противодействовать их возвращению в общество. Потому-то в Турции, Персии, Китае, Японии и в государстве Могола так изумительно хороши нравы женщин.

Нельзя, однако, сказать того же об Индии. Вследствие ее положения и наличия множества островов она распалась на бесчисленные крошечные государства, ставшие по множеству причин, которые здесь не время излагать, деспотическими.

Население этих государств состоит только из нищих, которые грабят, и нищих, которых грабят. Те, кого там называют знатными, имеют очень небольшие средства, а те, кого называют богатыми, имеют лишь необходимое.

Затворничество женщин не может там быть столь строгим; там нельзя принимать таких больших предосторожностей, чтобы сдерживать женщин; в результате развращение их нравов не поддается описанию.

Здесь можно видеть, до каких крайностей доходят пороки, порождаемые климатом, когда им предоставляют слишком большую свободу. Здесь природа проявляет непостижимую силу, а стыдливость — столь же непостижимое бессилие. В Патане похотливость женщин так велика, что мужчины вынуждены прибегать к особым средствам, чтобы оградить себя от их покушений. По словам М. Смита, не лучше обстоят дела и в малых государствах Гвинеи. Кажется, в этих странах люди обоего пола утрачивают даже свойственные их полу законы.

Глава XI. О других формах домашнего рабства

В некоторых странах Востока затворничество женщин вызывается не только многоженством, но и климатом. Всякий, кто прочтет об ужасах, преступлениях, коварствах, низостях, отравлениях, убийствах, которые являются следствием свободы женщин в Гоа и в португальских владениях Индии, где религия запрещает многоженство, и сравнит это с чистыми

нравами женщин в Турции, Персии, Китае, Японии и государстве Могола, — ясно увидит, что часто бывает столь же необходимо отделять женщин от мужчин при единоженстве, как и при многоженстве.

В этих случаях все определяется климатом. Зачем было бы, например, подвергать заключению женщин в наших северных странах, где их нравы хороши от природы, где страсти их так спокойны, так мало стремительны и так безыскусственны, где любовь так благоразумно властвует над сердцем, что достаточно самых легких мер для того, чтобы управлять ими?

Счастливы люди, живущие в этих климатах, которые позволяют им общение друг с другом, где прекрасный пол составляет украшение общества и где женщины, составляя счастье одного, в то же время являются источником радости и для всех.

Глава XII. О естественной стыдливости

Все народы единодушно относятся с презрением к распущенности женщин, потому что всем им внятн голос природы. Она установила нападение, она же установила и защиту и, внушив обеим сторонам желание, дала одной стороне дерзость, а другой — стыд. Она дала людям много времени для забот о самосохранении и лишь короткие моменты для воспроизведения своего рода. Поэтому неправильно мнение, будто невоздержанность порождается законами природы, напротив, она является их нарушением; скромность и самообладание — вот что предписывается этими законами.

Кроме того, в природе разумных существ заложена способность чувствовать свои несовершенства; потому-то природа и дала нам стыдливость, т. е. чувство стыда перед этими несовершенствами.

И если физическое воздействие некоторых климатов нарушает и естественный закон обоих полов, и закон, управляющий поступками разумных существ, то дело законодателя — дать гражданские законы, которые противодействовали бы природе климата, восстанавливая силу первоначальных законов.

Глава XIII. О ревности

Следует тщательно различать у народов ревность, которая порождается страстью, от ревности, которая имеет основание в обычаях, нравах, законах. Одна — все пожирающее лихорадочное пламя; другая же, холодная, но порою страшная, может соединяться с равнодушием и презрением.

Одна, будучи извращением любви, любовью же и порождается. Другая зависит единственно от нравов и обычаев народа, от законов страны, от морали, а иногда даже и от религии.

Она почти всегда является результатом физического воздействия климата и в то же время целительным средством против этого воздействия.

Глава XIV. Об управлении домом на Востоке

На Востоке так часто меняют жен, что им нельзя поручать управление домом; поэтому ведение хозяйства возлагают на евнухов; им вручают все ключи от дома, и они заведуют домашними делами. «В Персии, — говорит г. Шарден, — женщинам выдают одежду, как детям». Таким образом, их совершенно не касается дело, которое так им свойственно, которое повсюду составляет их первую заботу.

Глава XV. О разводе и репудии

Между разводом и репудией та разница, что развод совершается по взаимному соглашению, вследствие взаимного несоответствия, тогда как репудия совершается по воле и в интересах одной из сторон, независимо от интересов и желания другой стороны.

Репудия иногда бывает так необходима для женщин и сопряжена для них с такими трудностями, что закон, который дает это право мужчинам, отказывая в нем женщинам, очень жесток по отношению к последним. Муж — глава дома, у него есть тысячи средств заставить жен исполнять свой долг, так что право репудии является в

его руках как бы одним из средств злоупотребления властью. Со стороны же женщины оно может быть только печальной необходимостью. Необходимость искать себе второго мужа после того, как она утратила большую часть своего очарования в первом браке, является для женщины всегда большим несчастьем. Одна из существенных выгод очарования женщины в молодости заключается в том, что воспоминание о прошлых наслаждениях побуждает мужа относиться к жене благосклонно и во время ее старости.

Поэтому должно быть принято за общее правило, чтобы во всех странах, где закон предоставляет мужчине право репутации, то же право предоставлялось и женщине. Более того, мне кажется, что в климатах, где женщины живут в домашнем рабстве, закон должен позволить женщинам репутацию, а мужчинам — только развод.

Когда женщин держат в гареме, то муж не может пользоваться правом отвергнуть жену по причине несоответствия характеров, так как если согласия нет, то виноват в этом муж.

Репутация вследствие бесплодия жены может иметь место только в случае единобрачия, так как если жен много, то это обстоятельство не имеет для мужа никакого значения.

Закон малдивов позволяет вновь соединиться с отвергнутой женой, а закон Мексики запрещает это под страхом смертной казни. Этот мексиканский закон разумнее, чем малдивский: при разводе он не забывает о вечности брака, между тем как закон малдивов, кажется, относится с одинаковым пренебрежением и к браку, и к репутации,

Закон Мексики позволял только развод. Это опять-таки было основанием для того, чтобы не разрешать вновь сходитья людям, которые разлучились по взаимному соглашению. Репутация кажется скорее следствием вспыльчивости и страсти, а развод — результатом обдуманного решения. Развод обычно бывает очень полезен в политическом отношении; что же касается до гражданской стороны дела, то он полезен для мужа и для жены, но не всегда благоприятен для детей.

Глава XVI. О репутации и разводе у римлян

Ромул дозволил мужу расторгнуть брак с женой, если она совершила прелюбодеяние, приготовила яд или подделала ключи. Но он не дал того же права жене по отношению к ее мужу. Плутарх называет этот закон очень суровым.

Так как в Афинах закон предоставил это право обоим супругам и так как римские женщины получили это право уже в древнейшие времена, невзирая на закон Ромула, то ясно, что это учреждение принадлежит к числу тех, которые римские послы вывезли из Афин и внесли в число законов двенадцати таблиц. Цицерон говорит, что причины расторжения брака вытекали из закона двенадцати таблиц. Нельзя поэтому сомневаться в том, что этот закон умножил число причин расторжения брака, установленных Ромулом.

Право развода было также установлением или по крайней мере следствием законов двенадцати таблиц, так как если оба супруга имели, каждый в отдельности, право расторгать брак, то тем более могли они разлучаться по взаимному соглашению и по обоюдному желанию.

Закон не требовал заявления причин развода. По самой сущности дела такое заявление необходимо при одностороннем расторжении брака, но несколько не нужно для развода, потому что там, где причины, по которым брак может быть расторгнут, определяются законом, взаимное несоответствие следует считать наиболее убедительной причиной.

Дионисий Галикарнасский, Валерий Максим и Авл Геллий сообщают факт, который кажется мне неправдоподобным. Они говорят, что хотя в Риме и было дозволено разрывать брак с женою, но вследствие особенного уважения к ауспициям там до Карвилия Руги, отвергнувшего жену по причине бесплодия, никто не пользовался этим правом в течение 520 лет. Но достаточно знать природу человеческого ума, чтобы признать невероятным то обстоятельство, что никто во всем народе, которому было дано подобное право законом, не воспользовался им. Кориолан, удаляясь в изгнание, посоветовал своей жене найти себе более счастливого мужа, чем он; мы только что видели, что законы двенадцати таблиц и нравы римлян значительно расширили рамки закона Ромула. Но зачем нужно было это расширение закона, если никто не пользовался правом, установленным в законе? Сверх того, если граждане не пользовались им

по своему чрезвычайному уважению к ауспициям, то почему же римские законодатели менее уважали ауспиции? Неужели сам закон непрестанно оказывал разлагающее влияние на нравы?

При сопоставлении двух цитат из Плутарха все недоумения разрешаются. Закон царей позволял мужу расторгать брак в одном из трех случаев, о которых мы говорили. «Если же, — говорит Плутарх, — кто отлучал от себя жену по каким-либо другим причинам, то закон требовал, чтобы одна половина его имущества доставалась его жене, а другая — посвящалась Церере». Следовательно, подвергая себя этому штрафу, можно было отвергнуть жену по любой причине, Никто этого не делал до Карвилия Руги, «который, — по словам того же Плутарха, — разорвал брак со своей женой по причине ее бесплодия через двести тридцать лет после Ромула», т. е. за 71 год до опубликования законов двенадцати таблиц, которые расширили право репудияция и умножили число его причин,

Писатели, которых я цитировал, говорят, что Карвилий Руга любил свою жену, но что ввиду ее бесплодия цензоры обязали его клятвой разлучиться с нею, дабы он мог дать детей республике, "и что именно это сделало его ненавистным народу. Надо, однако, знать дух римского народа, чтобы обнаружить истинную причину его ненависти к Карвилию. Карвилий навлек на себя немилость народа не потому, что он разорвал брак с женой, — делами этого рода народ не возмущался, — а потому что он дал клятву цензорам разлучиться с женою по причине ее бесплодия для того, чтобы дать детей республике. В этом обязательстве римский народ видел бремя, которое цензоры собирались взвалить и на его плечи. В дальнейшем я буду говорить о том, как ненавидел народ подобное распоряжение. Но как объяснить такое противоречие между Плутархом и прочими писателями? Очень просто: Плутарх исследовал факт, а прочие рассказывали сказку.

Книга семнадцатая. Об отношении законов о политическом рабстве к природе климата

Глава I. О политическом рабстве

Политическое рабство, как это будет сейчас показано, не менее, чем гражданское и домашнее, зависит от природы климата.

Глава II. О различии между народами в отношении мужества

Мы уже сказали, что чрезмерная жара подрывает силы и бодрость людей и что холодный климат придает уму и телу известную силу, которая делает людей способными к действиям продолжительным, трудным, великим и отважным. Это различие можно наблюдать не только при сравнении одного народа с другим, но и при сравнении различных областей одной и той же страны. Народы Северного Китая мужественнее, чем народы Южного Китая; народы Южной Кореи уступают в этом отношении жителям Северной Кореи.

Не надо поэтому удивляться, что малодушие народов жаркого климата почти всегда приводило их к рабству, между тем как мужество народов холодного климата сохраняло за ними свободу. Все это следствия, вытекающие из их естественной причины.

То же самое оказалось справедливым в отношении Америки; деспотические государства Мексики и Перу лежали близ экватора, а почти все свободные племена жили и теперь еще живут ближе к полюсам.

Глава III. О климате Азии

В сообщениях путешественников говорится, что север Азии, этот обширный материк, который простирается от сорокового градуса или около того до полюса и от границ Московии до Великого океана, лежит в очень холодном климате; что эта громадная область пересечена от запада к востоку горной цепью, к северу от которой находится Сибирь, а к югу — великая Татария; что климат Сибири до того суров, что в этой стране, за исключением немногих мест, земледелие невозможно; что хотя у русских по всему течению Иртыша есть поселения, но они там ничего не возделывают; что в этой стране растут лишь низкорослые ели да кустарник, а туземцы разделены на несколько бедствующих народцев, подобных тем, которые встречаются в Канаде; что причина этого холода заключается, с одной стороны, в гористом характере местности, а с другой — в том, что горы идут там, понижаясь от юга к северу, так что северный ветер, не встречая препятствия, дует в ней повсюду; что этот ветер, сделавший необитаемой Новую Землю, обдувая Сибирь, делает ее непригодной для земледелия; в Европе же, напротив, горы Норвегии и Лапландии составляют превосходные преграды, прикрывающие от этого

ветра северные страны; по этой причине в Стокгольме, который находится на 59-м градусе широты или около того, почва производит плоды, зерновые хлеба, растения, а вокруг Або, который лежит на 61-м градусе, точно так же как и в местностях 63-го и 64-го градусов, есть серебряные рудники и почва довольно плодородна.

Из тех же сообщений мы узнаем, что великая Татария, лежащая к югу от Сибири, тоже очень холодна и земля там не возделывается; что там нет ничего, кроме пастбищ для стад, а вместо деревьев имеются только редкие кустарники, как в Исландии; что близ Китая и Монголии есть несколько стран, где растет род проса, но ни пшеница, ни рис там не созревают; что в китайской Татарии, на 43-м, 44 и 45-м градусах, нет ни одного места, где бы морозы не держались в течение семи или восьми месяцев в году, так что там так же холодно, как в Исландии, хотя должно бы быть теплее, чем на юге Франции; городов, за исключением четырех или пяти у Восточного моря и нескольких городов, которые китайцы по политическим соображениям построили близ Китая, здесь совсем нет, а во всей остальной великой Татарии есть лишь несколько городов, расположенных в Бухаре, Туркестане и Хиве; что причина этого чрезвычайного холода заключается в свойствах почвы, пропитанной селитрой и песчаной, и, кроме того, — в высоте места. Патер Верби нашел, что одна местность, в 80 милях к северу от великой стены, у истока Кавамизрама, лежит на 3 тысячи геометрических шагов выше морского берега близ Пекина и что эта высота является причиной того, что, хотя в этой стране находятся истоки почти всех больших рек Азии, она испытывает недостаток в воде, так что население в ней возможно лишь близ рек и озер.

Установив эти факты, я вывожу из них следующее заключение: Азия, собственно говоря, совершенно не имеет умеренного пояса, и ее страны, расположенные в очень холодном климате, непосредственно соприкасаются с теми, которые находятся в климате очень жарком, каковы Турция, Персия, Китай, Корея, Япония и государство Могола.

В Европе, напротив, умеренный пояс очень обширен; и хотя он охватывает страны с весьма различными климатами, например, Испанию с Италией и Норвегию со Швецией. однако так как климат становится более холодным от юга к северу лишь постепенно, почти

пропорционально широте каждой страны, то каждая страна по своему климату весьма сходна с соседней; в этом отношении там не встречается резких различий, и, как я только что сказал, умеренный пояс занимает там очень большое пространство.

Отсюда следует, что в Азии народы противостоят друг другу, как сильный слабому; народы воинственные, храбрые и деятельные непосредственно соприкасаются с народами изнеженными, ленивыми и робкими, поэтому один из них неизбежно становится завоевателем, а другой — завоеванным. В Европе, напротив, народы противостоят друг другу как сильный сильному; те, которые соприкасаются друг с другом, почти равно мужественны. Вот где великая причина слабости Азии и силы Европы, свободы Европы и рабства "Азии, причина, насколько мне известно, никем еще не выясненная. Вот отчего в Азии свобода никогда не возрастает, между тем как в Европе она возрастает или убывает, смотря по обстоятельствам.

Хотя знать Московского государства была обращена в рабство одним из своих государей, но в ней все-таки постоянно замечаются признаки неудовольствия, которое не встречается в климатах юга. Мы видели, что там в течение нескольких дней было создано аристократическое правление. И если другое государство севера утратило свои законы, то климат его может служить нам порукой, что оно утратило их не окончательно.

Глава IV. Следствия всего этого

Все сказанное нами согласуется с историческими событиями. Азия была покорена 13 раз: 11 раз северными народами и 2 раза — южными. В отдаленные времена ее 3 раза завоевывали скифы, потом по одному разу — мидяне и персы, а также греки, арабы, монголы, турки, татары, персы и афганцы. Я говорю лишь о верхней Азии и совсем не упоминаю о нашествиях, которым подвергались южные области этой части света, постоянно претерпевавшие великие перевороты.

Наоборот, в Европе со времени основания в ней греческих и финикийских поселений нам известны лишь четыре великих переворота: первый был вызван завоеваниями римлян, второй — наплывом варваров,

уничтоживших римлян, третий — победами Карла Великого и последний — нашествиями норманнов. И если хорошенько вникнуть во все это, то мы увидим, что в самих этих переворотах сказалось присутствие общей силы, разлитой по всем частям Европы. Известно, как трудно было римлянам покорять Европу и как легко они овладевали Азией. Известно, каких усилий стоило народам севера разрушить Римскую империю, известны войны и подвиги Карла Великого и различные предприятия норманнов. Разрушители сами постоянно терпели поражения.

Глава V. О том, что завоевания, произведенные народами Северной Азии, имели иные последствия, чем завоевания, произведенные народами Северной Европы

Народы Северной Европы покорили ее как свободные люди; народы Северной Азии покорили ее как рабы и одержали победы лишь для своего господина. Причина тут в том, что татарский народ — естественный завоеватель Азии — сделался сам рабом. Он непрестанно совершает завоевания на юге Азии, он создает империи. Но часть этого народа, пребывающая в своей стране, находится в подчинении у великого хана, который, властвуя деспотически на юге, хочет так же властвовать и на севере и, подчинив своему произволу побежденные народы, распространяет эту произвольную власть и на своих подданных — победителей. Все это ясно обнаруживается в наши дни на примере обширной страны, которую называют Китайской Татарией и которой император управляет почти так же деспотически, как самим Китаем, постоянно расширяя ее пределы своими завоеваниями.

Из истории Китая видно, что императоры устраивали в Татарии китайские колонии. Эти колонисты-китайцы сделались татарами и смертельными врагами Китая, что не помешало им внести в Татарию дух китайского правления. Нередко часть татарского народа, совершившая завоевание, в свою очередь изгоняется из завоеванной ею страны и вносит в свои пустыни дух рабства, который она усвоила в климате рабства. Яркие примеры этого дает нам история Китая, а также и наша древняя история.

Вот почему дух татарского, или гетского народа был всегда сродни духу, господствовавшему в империях Азии. Народы этих империй

управлялись палкой, а татарские народы — длинной плетью. Эти нравы всегда были противны духу Европы, и во все времена то, что народы Азии называли наказанием, народы Европы называли- тяжким оскорблением.

Татары, разрушив греческую империю, установили в завоеванных странах рабство и деспотизм, а готы, покорившие Римскую империю, основали повсюду монархии и свободу.

Я не знаю, указал ли пресловутый Рудбек, столь восхвалявший в своей Атлантике Скандинавию, на то великое преимущество, которое ставит народы, населяющие эту страну, выше всех народов в мире: именно на то, что они были источником свободы Европы, т. е. им мы обязаны почти всей той свободой, которой пользуются в настоящее время люди.

Гот Иордан назвал север Европы фабрикой человеческого рода. Я бы скорее назвал его фабрикой орудий, которыми сокрушают выкованные на юге цепи. Здесь образуются те мощные народы, которые выступают из своей страны для того, чтобы уничтожать тиранов и рабов и заявить людям, что поскольку природа создала их равными, то разум можег побудить их стать зависимыми только ради их собственного благополучия.

VI. Еще одна физическая причина рабства Азии и свободы Европы

В Азии всегда были обширные империи; в Европе же они никогда не могли удержаться. Дело в том, что в известной нам Азии равнины гораздо обширнее и она разрезана горами и морями на более крупные области; а поскольку она расположена южнее, то ее источники скорее иссякают, горы менее покрыты снегом и не очень многоводные реки составляют более легкие преграды, Поэтому власть в Азии должна быть всегда деспотической, и если бы там не было такого крайнего рабства, то в ней очень скоро произошло бы разделение на более мелкие государства, несовместимое, однако, с естественным разделением страны.

В Европе в силу ее естественного деления образовалось несколько государств средней величины, где правление, основанное на

законах, не только не оказывается вредным для прочности государства, но, напротив, настолько благоприятно в этом отношении, что государство, лишенное такого правления, приходит в упадок и становится слабее других.

Вот что образовало тот дух свободы, благодаря которому каждая страна в Европе с большим трудом подчиняется посторонней силе, если эта последняя не действует посредством торговых законов и в интересах ее торговли. Напротив, в Азии царит дух рабства, который никогда ее не покидал; во всей истории этой страны невозможно найти ни одной черты, знаменующей свободную душу; в ней можно увидеть только героизм рабства.

Глава VII. Об Африке и Америке

Вот что я могу сказать об Азии и Европе. Африка лежит в климате, сходном с климатом южной Азии, и находится в таком же рабстве. Америка, опустошенная и вновь населенная народами Европы и Африки, не может еще в настоящее время проявить своего собственного духа; но все, что мы знаем о ее древней истории, вполне согласуется с нашими основными положениями.

Глава VIII. О столице империи

Одно из последствий только что сказанного нами заключается в том, что для государя очень большого государства весьма важен хороший выбор места для своей столицы. Тот, кто поместит ее на юге, рискует утратить север; а кто поместит ее на севере, легко сохранит за собою и юг. Я не говорю о частных случаях: в механике часто приходится сталкиваться с силой трения, которая изменяет или опрокидывает выводы теории; подобная сила трения действует и в политике.

Книга восемнадцатая. О законах в их отношении к природе почвы

Глава I. Как природа почвы влияет на законы

В стране с подходящей для земледелия почвой, естественно, устанавливается дух зависимости. Крестьяне, составляющие главную часть ее населения, менее ревнивы к своей свободе; они слишком заняты работой, слишком поглощены своими частными делами. Деревня, которая изобилует всеми благами, боится грабежей, боится войска. «Кого следует считать добрыми гражданами? — говорил Цицерон Аттику. — Уж не торговцев ли и земледельцев, которых по крайней мере нельзя считать противниками монархии, так как для них все правления равны, лишь бы сами они были спокойны?»

Таким образом, в странах плодородных всего чаще встречается правление одного, а в странах неплодородных — правление нескольких, что является иногда как бы возмещением за неблагоприятные природные условия.

Бесплодная почва Аттики породила там народное правление, а на плодородной почве Лакедемона возникло аристократическое правление, как более близкое к правлению одного — правлению, которого в те времена совсем не желала Греция.

Плутарх говорит нам, что, «после того как в Афинах был усмирен мятеж Килона, город снова возвратился к своим старым раздорам и разделился на столько партий, сколько было разных сортов земель в Аттике. Горцы хотели во что бы то ни стало иметь народное правление; жители равнин требовали правления знати; а те, которые жили близ моря, стояли за правление, смешанное из двух первых».

Глава II. Продолжение той же темы

Эти плодородные страны — равнины, где ничего нельзя защитить от посягательств более сильного — поэтому ему подчиняются; а раз ему подчинились, дух свободы уже не может вернуться; имущества деревни являются залогом ее верности. Но в стране гористой можно сохранить свою собственность, да там немного приходится и сохранять. Свобода, т. е. существующее правление, есть единственное благо, которое там стоит защищать, поэтому она и царит главным образом в странах горных и неудобных, а не в тех, которые, невидимому, всего более благодетельствованы природой.

Горцы пользуются более умеренным правлением, потому что им менее грозит опасность завоевания. Защищаться им легко, а нападать на них трудно; собирание и доставка военного снаряжения и провианта в войне с ними требуют больших издержек, так как в их стране ничего этого добыть нельзя. Таким образом, вести с ними войну труднее, а предпринимать ее опаснее, поэтому там нет такой надобности в законах, которые издаются для охранения безопасности народа.

Глава III. О странах с высокоразвитым земледелием

Степень развития земледелия в стране зависит не от ее плодородия, а от ее свободы. Если мы мысленно разделим землю, то удивимся, так как увидим по большей части пустыни в наиболее плодородных областях и густое население там, где земля, кажется, ничего не дает человеку.

Весьма естественно, что народ покидает плохую страну, чтобы искать лучшей, а не хорошую страну в поисках худшей. Поэтому нашествиям чаще всего подвергаются страны, которые созданы природой для счастливой жизни; и так как нет ничего столь близкого к опустошению, как нашествие, то опустошению чаще всего подвергаются наиболее благодатные страны, между тем как ужасные страны севера всегда бывают населены именно по той причине, что они почти непригодны для жизни человека.

Из того, что нам говорят историки о переходе народов Скандинавии на берега Дуная, видно, что это было не завоевание, а только переселение на пустующие земли.

Очевидно, эти благодатные страны некогда были опустошены прежними переселенцами, и мы ничего не знаем о трагедиях, которые разыгрывались там. Аристотель говорит, что «Сардиния, судя по многим ее памятникам, есть греческая колония. Некогда она была очень богата, и Аристей, столь прославленный своею любовью к земледелию, дал ей законы. Но с тех пор она пришла в упадок, потому что завладевшие ею карфагеняне разрушили в ней все, что могло давать пищу людям, и под страхом смертной казни запретили обрабатывать там землю». Сардиния

еще не оправилась во времена Аристотеля; она не оправилась и до сих пор.

Самые умеренные по климату части Персии, Турции, Московского государства и Польши не смогли оправиться от опустошений больших и малых татарских орд.

Глава IV. Прочие следствия плодородия и бесплодия страны

Бесплодие земли делает людей изобретательными, воздержанными, закаленными в труде, мужественными, способными к войне; ведь они должны сами добывать себе то, в чем им отказывает почва. Плодородие страны приносит им вместе с довольством изнеженность и некоторое нежелание рисковать жизнью. Было замечено, что немецкие войска, набранные в местах, где крестьяне богаты, как в Саксонии, уступают по качеству прочим. Военные законы могут восполнить этот недостаток посредством более строгой дисциплины.

Глава V. Об островитянах

Островитяне более склонны к свободе, чем жители континента. Острова бывают обыкновенно небольших размеров; там труднее употреблять одну часть населения для угнетения другой; от больших империй они отделены морем, и тирания не может получить от них поддержку; море преграждает путь завоевателям; островитянам не угрожает опасность быть покоренными, и им легче сохранять свои законы.

Глава VI. О странах, созданных трудолюбием людей

Страны, которые стали обитаемы благодаря труду человека и существование которых поддерживается этим же трудом, стремятся к умеренному правлению. Есть три главные страны этого рода: две прекрасные провинции Китая (Цзаннань и Чжзюзян), Египет и Голландия.

Древние императоры Китая не были завоевателями. Первое дело, которое они совершили для увеличения территории своей страны, более

всего доказало их мудрость. Благодаря им выступили из вод две самые прекрасные провинции империи; они созданы людьми, и они-то своим беспримерным плодородием и внушили Европе представление о благоденствии этой обширной страны. Но необходимость постоянно заботиться об охране столь значительной части империи от разрушения требовала скорее благоразумия народа, чем изнеженности, скорее законного правления монарха, чем тиранической власти деспота. Эта страна нуждалась в умеренной власти, какая некогда была в Египте, какая есть в настоящее время в Голландии, которую природа создала для того, чтобы она заботилась о себе самой и не предавалась беспечности или прихотям.

Таким образом, несмотря на климат Китая, по природе своей располагающий к рабскому повиновению, несмотря на ужасы, связанные с чрезмерной обширностью империи, первые законодатели Китая были вынуждены издать очень хорошие законы, а правительство часто оказывалось вынужденным соблюдать их.

Глава VII. О делах человеческих рук

Посредством труда и хороших законов люди сделали землю более удобной для обитания. Реки протекают там, где прежде были лишь озера да болота. Это благо, которое не создано природой, но ею поддерживается. Сделавшись властителями Азии, персы позволяли всякому, кто проведет воду на земли, еще не пользовавшиеся орошением, владеть ими в течение пяти поколений; и люди не останавливались ни перед какими издержками для проведения воды из бесчисленных ручьев, стекающих с гор Тавра. Теперь они находят эту воду в своих полях и садах, не зная, откуда она течет.

Подобно тому как есть народы — разрушители, причиняющие зло, которое переживает их самих, есть и народы трудолюбивые, творящие добрые дела, которые не погибают вместе с ними.

Глава VIII. Общее соотношение законов

Законы очень тесно связаны с теми способами, которыми различные народы добывают себе средства к жизни. Народ,

занимающийся торговлей и мореплаванием, нуждается в более обширном своде законов, чем народ, который довольствуется возделыванием своих земель; последний — в более обширном, чем народ, живущий скотоводством; и скотоводческий в свою очередь — в более обширном, чем народ, который живет охотой.

Глава IX. О землях Америки

В Америке потому так много диких народов, что там земля сама собою производит много плодов, которыми можно питаться. Кусок земли вокруг хижины, обрабатываемый женщинами, доставляет людям маис, а охота и рыбная ловля довершают их изобилие. Сверх того, животные травоядные, как, например, быки и буйволы, там более распространены, чем плотоядные. Царством последних была всегда Африка.

Я думаю, что Европа не имела бы ни одного из этих преимуществ, если бы ее земли не обрабатывались. В таком случае она была бы покрыта лесами дубов и прочих неплодовых деревьев.

Глава X Об отношении между народонаселением и способами, которыми люди добывают себе пропитание

У народов, не возделывающих землю, народонаселение определяется следующей пропорцией: число дикарей одной страны относится к числу земледельцев другой страны, как продукт невозделанной земли относится к продукту земли возделанной. Если же народ, который возделывает землю, занимается, кроме того, ремеслами, то получается пропорция, требующая более сложного расчета. Такие племена не могут образовать большого народа. Если они занимаются скотоводством, то для существования в определенном количестве они нуждаются в большом пространстве земли; если они живут охотой, то они еще малочисленные, и для того, чтобы жить, должны образовать еще меньшую группу.

Страна их обыкновенно покрыта лесами, и так как люди там не осушают почвы, то она усеяна болотами, среди которых мелкие племена образуют отдельные небольшие народы.

Глава XI. О диких и варварских народах

Между дикими и варварскими народами та разница, что первые представляют собой малые, рассеянные народцы, которые по каким-либо особым причинам не могут объединиться, между тем как варвары — это малые народцы, которые смогли объединиться. К первым обыкновенно принадлежат народы охотничьи, ко вторым — народы пастушеские. Все это мы видим на севере Азии. Народы Сибири не могут вести совместного образа жизни, потому что в таком случае им нечем было бы питаться. Татары способны к совместной жизни на некоторое время, потому что они могут на некоторое время сгонять свои стада в одно место. Итак, все татарские орды могут объединиться. Это объединение и происходит, когда какой-нибудь их вождь подчинит своей власти многих других вождей, после чего им остается одно из двух: или снова разойтись, или отправиться совершать завоевания в пределах какой-нибудь империи юга.

Глава XII. О международном праве у народов, не занимающихся земледелием

Так как эти народы не занимают определенного пространства с точно обозначенными границами, то у них всегда будет много причин для раздоров. Они будут спорить из-за невозделанных земель, как у нас спорят из-за наследств. Они будут вести частые войны друг с другом за места для охоты или рыбной ловли, за корм для скота, за похищение их рабов и, не имея определенной территории, должны будут тем чаще разрешать свои столкновения путем международного права, чем реже можно будет разрешать их посредством гражданского права,

Глава XIII. О гражданских законах у народов, не занимающихся земледелием

Раздел земель — вот главная причина, увеличивающая объем гражданского свода законов народов. У народов, не имеющих этого раздела, гражданских законов очень мало. Учреждения этих народов скорее можно назвать обычаями, чем законами.

У таких народов старики, помнящие дела минувших лет, пользуются большим авторитетом; там люди приобретают почет не богатством, а силой рук и разумными советами.

Эти народы ведут кочевой образ жизни и рассеяны по лесам и пастбищам. Брак у них не так прочен, как у нас, где он скрепляется общим жилищем и где женщина принадлежит к дому; поэтому им легче менять жен, обзаводиться несколькими женами, а иногда и иметь с женщинами беспорядочные сношения наподобие животных.

Пастушеские народы не могут разлучаться со своими стадами, которые дают им пропитание, а потому не могут разлучаться и со своими женами, которые ухаживают за этими стадами. Все это должно быть неразлучно, тем более, что в противном случае их жены, дети и стада сделались бы добычей неприятеля, так как они обыкновенно живут на больших равнинах, где имеется мало мест, защищенных природой.

Законы их должны установить правила дележа добычи и, подобно нашим салическим законам, обратить особое внимание на воровство.

Глава XIV. О политическом состоянии народов, не занимающихся земледелием

Эти народы пользуются большой свободой, так как, не занимаясь возделыванием земли, они и не связаны с нею. Они ведут кочевой образ жизни, и если бы какой-нибудь из их вождей захотел лишить их свободы, то они или стали бы искать свободы под главенством другого вождя, или удалились бы в леса, чтобы жить там со своими семьями. У этих народов свобода личности так велика, что она естественно влечет за собой и свободу гражданина.

Глава XV. О народах, которым известно употребление денег

Аристипп, потерпев кораблекрушение, достиг вплавь ближайшего берега и, увидав там начерченные на песке геометрические фигуры, очень обрадовался, заключив, что он попал в страну, населенную греками, а не варварами. Если какой-нибудь случай забросит вас к неизвестному вам

народу, то, увидев монету, можете быть уверены, что вы находитесь в стране с благоустроенными гражданскими порядками.

Возделывание земель требует употребления денег. Оно требует большого искусства и знаний; вслед за искусствами и знаниями всегда идут потребности, и все это приводит к установлению денежных единиц. Благодаря потокам и пожарам мы узнали, что земля содержит металлы, которые легко вошли в употребление после того, как были открыты.

Глава XVI. О гражданских законах у народов, которым неизвестно употребление денег

У народа, не знающего употребления денег, существуют лишь те несправедливости, которые порождаются насилием; слабые люди объединяются между собой, чтобы защищаться от насилия.

Подобные объединения носят чисто политический характер. Но у народа, употребляющего деньги, люди подвергаются несправедливостям, которые порождаются хитростью. Несправедливости такого рода могут совершаться самыми разнообразными способами; отсюда возникает необходимость в хороших гражданских законах, которые рождаются вместе с новыми способами делать зло.

В странах, где нет денег, похититель похищает только вещи, а вещи всегда различны. В странах, где есть деньги, похититель похищает денежные знаки, а они всегда сходны. В первых странах ничего нельзя утаить, потому что похититель всегда носит с собой улику своей вины, но в других странах дело обстоит иначе.

Глава XVII. О политических законах у народов, не знающих употребления денег

У народов, не возделывающих землю, свобода более всего поддерживается тем обстоятельством, что они не знают денег. Продукты охоты, рыбной ловли или скотоводства не могут быть ни накоплены в достаточно большом количестве, ни сохраняться достаточно долго для того, чтобы дать возможность человеку подкупать других; между тем как

богатство в форме денежных знаков можно накапливать в любом количестве и раздавать кому угодно.

У народов, не употребляющих денег, потребности не велики, и удовлетворяются они легко, причем все делится поровну. Таким образом, равенство у них вынужденное, почему их вожди и не являются деспотами.

Глава XVIII. Сила предрассудков

Исключение из этого правила составляет народ начесы, и Луизиане, если справедливо то, что сообщают нам о его государственном устройстве путешественники. Глава этого народа располагает по своему усмотрению всем имуществом своих подданных и заставляет их работать по собственному произволу. Он властен над их жизнью; он подобен турецкому султану. Когда у него рождается наследник, то все грудные младенцы назначаются новорожденному в слуги на всю его жизнь. Можно подумать, что это — сам великий Сезострис. В своем шалаше он окружен таким же церемониалом, как японский и китайский императоры в своих дворцах.

Предрассудки суеверия сильнее всех прочих предрассудков, и его суждения одерживают верх над всеми прочими суждениями. Так, хотя дикие народы вообще не знают деспотизма, этот народ знает его. Дело в том, что он боготворит солнце, и если бы его вождь не выдумал назвать себя братом солнца, то остался бы в глазах своих подданных таким же ничтожеством, как они сами.

Глава XIX. О свободе арабов и рабстве татар

Арабы и татары — два пастушеских народа. Арабы находятся в тех общих условиях, о которых мы только что говорили, и пользуются свободой; между тем татары (самый своеобразный народ на земле) находятся в политическом рабстве. Я уже привел некоторые причины этого обстоятельства, вот еще несколько других.

У них нет ни городов, ни лесов; у них мало болот, их реки почти всегда скованы льдом; они живут на громадной равнине; у них есть пастбища и стада, а следовательно, имущества, но нет ничего, что могло

бы служить убежищем или защитой. Если какой-нибудь хан терпит поражение, ему отрубают голову, таким же образом поступают с его детьми, и все его подданные отныне уже принадлежат победителю. Их не обращают в гражданское рабство: такие рабы были бы только в тягость народу, который ведет простой образ жизни, не обрабатывает землю и не нуждается в домашней прислуге; поэтому они входят в состав этого народа, умножая его численность. Но понятно, что вместо гражданского рабства в этом народе должно было водвориться рабство политическое.

В самом деле, в стране, где различные орды постоянно воюют друг с другом, непрерывно покоряя друг друга, где политический организм каждой побежденной орды вследствие смерти ее вождя всегда разрушается, народ вообще не может быть свободным, потому что нет ни одной части его, которая не перебивала бы множество раз под игом завоевателя.

Побежденные народы могут сохранить некоторую долю свободы лишь в том случае, если они в силу своего положения в состоянии заключать договоры с победителем. Но всегда беззащитные татары, потерпев поражение, никогда не могли предлагать своих условий победителю.

Во II главе я сказал, что земледельческие народы, жившие на равнинах, редко бывали свободны; в силу особо сложившихся обстоятельств татары, населяющие невозделываемые земли, разделяют их судьбу.

Глава XX. О международном праве у татар

Татары в своих взаимоотношениях друг с другом мягки и человечны, но как завоеватели они очень жестоки. Они истребляют жителей взятых ими городов и думают, что оказывают им милость, когда продают их или раздают своим солдатам. Они опустошили Азию — от Индии до Средиземного моря; весь край, составляющий восточную часть Персии, обратился в пустыню в результате их завоеваний,

Вот чем, по моему мнению, было порождено такое международное право. У этих народов не было городов, и все их войны были

стремительны и быстры. Они сражались, если надеялись победить, и присоединялись к войскам сильнейшего, если этой надежды не было. В силу таких обычаев они видели нечто противное своему международному праву, когда какой-нибудь город, который не мог им противостоять, задерживал их продвижение вперед. В городах они видели не скопление жителей, а места, способные устоять перед их властью. Осадного искусства они совсем не знали и, неся большие потери при осаде, мстили кровью за пролитую кровь,

Глава XXI. Гражданские законы татар

Отец Дюгальд говорит, что у татар всегда бывает наследником младший из детей мужского пола по той причине, что старшие, по мере того как они становятся способными вести пастушеский образ жизни, уходят из дома с некоторым количеством скота, полученным от отца, и основывают новое хозяйство. Поэтому последний из сыновей, который остается в доме вместе со своим отцом, становится его естественным наследником.

Категории: [Переводы с французского языка](#) | [Право](#) | [Литература XVIII века](#)

[Представиться / зарегистрироваться](#)

[Статья \[уровень полноты статьи: 25%\]](#)

[Обсуждение](#)

[Чтение](#)

[Правка](#)

[История](#)

[Заглавная страница](#)

[Случайная статья](#)

[Свежие правки](#)

[Статистика](#)

[Новые страницы](#)

[участие](#)

Форум

Новости сайта

Анонсы

Лит. известия

Трибуна читателя

Справка

Пожертвовать

Инструменты

Печать/экспорт

На других языках

English ⇔

Français ⇔

Последнее изменение этой страницы: 20:54, 27 ноября 2010.

Текст доступен по лицензии Creative Commons Attribution/Share-Alike, в отдельных случаях могут действовать дополнительные условия. Подробнее см. Условия использования.